

**ВЕСТНИК КЕМЕРОВСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА КУЛЬТУРЫ
И ИСКУССТВ**

**ЖУРНАЛ ТЕОРЕТИЧЕСКИХ
И ПРИКЛАДНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ**

Журнал издается с 2006 года № 14/2011
Выходит 4 раза в год

Учредитель

ФГОУ ВПО «Кемеровский
государственный университет
культуры и искусств»

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор

Е. Л. Кудрина, доктор педагогических наук,
профессор, ректор КемГУКИ

Зам. главного редактора

А. В. Шунков, кандидат филологических
наук, доцент, проректор по научной и иннова-
ционной деятельности КемГУКИ

Ответственный секретарь

Е. А. Кагакина, кандидат педагогических
наук, доцент

Редактор *М. В. Чупина*

Перевод *С. А. Золотарева*, кандидат
культурологии, доцент, ведущий научный
сотрудник научного отдела

Компьютерная верстка *М. Б. Сорокиной*
Дизайн *А. В. Сергеев*

Адрес редакции:

650029, г. Кемерово, ул. Ворошилова, 17.

Журнал «Вестник КемГУКИ»

Тел.: (3842)73-30-64. Факс: (3842)73-28-08

E-mail: nir@kemguki.ru

Электронная версия журнала:

<http://vestnik.kemguki.ru/>

ISSN 2078-1768

© ФГОУ ВПО «Кемеровский
государственный университет
культуры и искусств», 2011

**BULLETIN OF KEMEROVO STATE
UNIVERSITY
OF CULTURE AND ARTS**

**JOURNAL OF THEORETICAL
AND APPLIED RESEARCH**

Journal is published since 2006 № 14/2011
Published quarterly

Founder

Federal State Educational Institution
of Higher Professional Education
(FSEI HPE) «Kemerovo State University
of Culture and Arts»

EDITORIAL BOARD

Editor-in-Chief

E. L. Kudrina, Doctor of Pedagogical
Sciences, Professor, Rector of KemGUKI

Assistant Chief Editor

A. V. Shunkov, Candidate of Philological
Sciences, Docent, Vice-Rector for Research
and Innovation of KemGUKI

Administrative Secretary

E. A. Kagakina, Candidate of Pedagogical
Sciences, Docent

Editor *M. V. Tchupina*

Translation *S. A. Zolotareva*, Candidate
of Culturology, Docent, Senior Specialist
of KemGUKI Science Department

Computer layout *M. B. Sorokina*
Design *A. V. Sergeyev*

Address of the Publisher:

650029, Kemerovo, 17 Voroshilov Street.

Journal «Bulletin of KemGUKI»

Tel.: (3842)73-30-64. Fax: (3842)73-28-08

E-mail: nir@kemguki.ru

Web Journal link:

<http://vestnik.kemguki.ru/>

ISSN 2078-1768

© FSEI HPE «Kemerovo State
University of Culture and
Arts», 2011

СОСТАВ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА ЖУРНАЛА

Председатель совета:

Колін К. К., доктор технических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, действительный член Международной академии наук высшей школы, главный научный сотрудник Института проблем информатики РАН (г. Москва)

Члены совета:

Абдулатипов Р. Г., доктор философских наук, профессор, ректор Московского государственного университета культуры и искусств, заслуженный деятель науки РФ (г. Москва)

Ариарский М. А., доктор культурологии, профессор, заведующий кафедрой социально-культурной деятельности СПбГУКИ (г. Санкт-Петербург)

Астафьева О. Н., доктор философских наук, профессор, заместитель заведующего кафедрой культурологии и деловых коммуникаций Российской академии государственной службы при Президенте РФ (г. Москва)

Быховская И. М., доктор философских наук, профессор, заведующая сектором культурологических проблем социализации Российского института культурологии (г. Москва)

Волк П. Л., доктор культурологии, профессор, директор Томского областного колледжа культуры и искусств (г. Томск)

Волощенко Г. Г., доктор культурологии, доцент кафедры социально-культурной деятельности Омского государственного университета им. Ф. М. Достоевского, заведующий сектором региональной культурной политики Сибирского филиала Российского института культурологии (г. Омск)

Гавров С. Н., доктор философских наук, профессор, ведущий специалист сектора социокультурных процессов и систем Российского института культурологии, профессор кафедры социологии и социальной антропологии МГУДТ (г. Москва)

Гениева Е. Ю., доктор педагогических наук, генеральный директор Всероссийской библиотеки иностранной литературы (г. Москва)

Долженко О. В., доктор философских наук, профессор, действительный член Международной академии наук высшей школы, профессор Национального института бизнеса Московского гуманитарного университета (г. Москва)

Донских О. А., доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии Новосибирского государственного университета экономики и управления (г. Новосибирск)

Игумнова Н. П., доктор педагогических наук, главный научный сотрудник Российской государственной библиотеки (г. Москва)

Иконникова С. Н., доктор философских наук, профессор, заведующая кафедрой теории и истории культуры Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств, заслуженный деятель науки РФ (г. Санкт-Петербург)

Кинелев В. Г., доктор технических наук, профессор, академик РАО, руководитель кафедры ЮНЕСКО «Общество знаний и новые информационные технологии» Российского нового университета (г. Москва)

Луков В. А., доктор философских наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, проректор по научной и издательской работе, директор Института фундаментальных и прикладных исследований Московского гуманитарного университета (г. Москва)

Урсул А. Д., доктор философских наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, академик АН Молдавии, директор Центра исследований глобальных процессов и устойчивого развития Российского государственного торгово-экономического университета (г. Москва)

Чешев В. В., доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии Томского государственного архитектурно-строительного университета (г. Томск)

EDITORIAL COUNCIL OF THE JOURNAL

Chairman of editorial council:

Kolin K. K., Doctor of Technical Sciences, professor, Honoured Scientist of the Russian Federation, full member of International Higher Education Academy of Sciences, chief scientist of Institute for Informatics Problems of the Russian Academy of Sciences (Moscow)

Members of council:

Abdulatipov R. G., Doctor of Philosophic Sciences, professor, Rector of Moscow State University of Culture and Arts, Honoured Scientist of the Russian Federation (Moscow)

Ariarskiy M. A., Doctor of Culturology, professor, Head of the chair of Socio-cultural Activity of St. Petersburg State University of Culture and Arts (St. Petersburg)

Astafieva O. N., Doctor of Philosophic Sciences, professor, Deputy Head of the chair of Culturology and Business Communication of Russian Academy of State Service for the President of the Russian Federation (Moscow)

Bykhovskaya I. M., Doctor of Philosophic Sciences, professor, Head of the Sector of Culturologic Problems of Socialization at Russian Institute of Culturology (Moscow)

Volk P. L., Doctor of Culturology, professor, Director of Tomsk Regional College of Culture and Arts (Tomsk)

Voloschenko G. G., Doctor of Culturology, docent of the Chair of Socio-cultural Activity of F. M. Dostoevsky Omsk State University, chief of the Sector of Regional Cultural Politics of Siberian Branch of Russian Institute of Culturology (Omsk)

Gavrov S. N., Doctor of Philosophic Sciences, professor, senior specialist of the Sector of Socio-cultural Processes and Systems of Russian Institute of Culturology, professor of the Chair of Social Science and Social Anthropology of Moscow State University of Design and Technology (Moscow)

Genieva E. Y., Doctor of Pedagogic Sciences, general director of the All-Russia Library for Foreign Literature (Moscow)

Dolzhenko O. V., Doctor of Philosophic Sciences, professor, full member of International Higher Education Academy of Sciences, professor of the National Institute of Business of Moscow Humanitarian University (Moscow)

Donskikh O. A., Doctor of Philosophic Sciences, professor, Head of the chair of Philosophy of Novosibirsk State University of Economy and Administration (Novosibirsk)

Igumnova N. P., Doctor of Pedagogical Sciences, Chief Scientist of the Russian State Library (Moscow)

Ikonnikova S. N., Doctor of Philosophic Sciences, professor, Head of the chair of Theory and History of Culture of St. Petersburg State University of Culture and Arts, Honoured Scientist of the Russian Federation (St. Petersburg)

Kinelev V. G., Doctor of Technical Sciences, professor, academician of the Russian Author's Society, UNESCO chair «Knowledge Society and New Information Technologies» of the Russian New University (Moscow)

Lukov V. A., Doctor of Philosophic Sciences, professor, Honoured Scientist of the Russian Federation, vice-rector for Science and Publishing, director of the Institute of Fundamental and Applied Research of Moscow Humanitarian University (Moscow)

Ursul A. D., Doctor of Philosophic Sciences, professor, Honoured Scientist of the Russian Federation, academician of Academy of Sciences of Moldova, director of the Centre for Research into Global Processes and Sustainable Development of the Russian State Trade Economic University (Moscow)

Cheshev V. V., Doctor of Philosophic Sciences, professor, Head of the chair of Philosophy of Tomsk State University of Architecture and Construction (Tomsk)

СОСТАВ НАУЧНОЙ РЕДАКЦИИ ЖУРНАЛА

Гендина Н. И., доктор педагогических наук, профессор, директор НИИ информационных технологий социальной сферы

Миненко Г. Н., доктор культурологии, профессор, директор Центра исследований духовной антропологии

Балабанов П. И., доктор философских наук, профессор

Кулемзин А. М., доктор культурологии, профессор, заведующий лабораторией музееведения, заведующий кафедрой музейного дела

Пономарев В. Д., доктор педагогических наук, профессор, проректор по творческой и международной деятельности

Проконова Н. Л., доктор культурологии, профессор, заведующая лабораторией теоретических и методических проблем искусствознания, директор Института театра

Умнова И. Г., кандидат искусствознания, доцент, заведующая кафедрой теории и истории искусств

Трусова Н. М., кандидат экономических наук, доцент, заведующая кафедрой экономики социальной сферы

Коргожа Н. С., кандидат педагогических наук, доцент, заведующая кафедрой социально-культурной деятельности

Литовченко М. В., кандидат филологических наук, доцент, заведующая кафедрой литературы и русского языка

Егле Л. Ю., кандидат культурологии, доцент, начальник научного отдела

SCIENTIFIC EDITORIAL BOARD OF THE JOURNAL

Gendina N. I., Doctor of Pedagogical Sciences, professor, director of Research Institute of Informational Technologies in Social Sphere

Minenko G. N., Doctor of Culturology, professor, director of Research Centre of Spiritual Anthropology

Balabanov P. I., Doctor of Philosophic Sciences, professor

Kulemzin A. M., Doctor of Culturology, professor, Head of Laboratory of Museology, Head of the chair of Museology

Ponomaryov V. D., Doctor of Pedagogical Sciences, professor, Vice-Rector for Creative and International Activity

Prokopova N. L., Doctor of Culturology, professor, chief of Laboratory of Theoretical and Methodic Problems of Art Research, Director of Theatre Institute

Umnova I. G., candidate of Art History, docent, Head of the chair of Theory and History of Arts

Trusova N. M., candidate of Economical Sciences, docent, Head of the chair of Economics of Social Sphere

Korgozha N. S., candidate of Pedagogical Sciences, docent, Head of the chair of Socio-cultural Activity

Litovchenko M. V., candidate of Philological Sciences, docent, Head of the chair of Literature and the Russian Language

Egle L. Yu., candidate of Culturology, docent, Head of Science Department

СОДЕРЖАНИЕ

ИСКУССТВО. ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ

Гук А. А. Эстетические доминанты поэтики видеотворчества.....	6
Ткаченко А. В. Влияние технического прогресса на традиционные технологии художественного литья из металлов.....	11
Тузенко Е. В. «Аврора» – метаморфоза или путь к спасению души.....	16

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Быховская И. М. Прикладной вектор культурологии: искомое и сущее.....	21
Крейдлин Г. Е. Невербальная семиотика и театр.....	40

ПЕДАГОГИКА И СОЦИАЛЬНО-ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Веретнова Н. Ф. К вопросу о методике оценки качеств анимационных услуг в туристическом сервисе.....	49
Попов А. А. Модель организации здорового образа жизни студентов в творческом вузе.....	57
Савкина С. В. Сравнительный анализ информационного потенциала электронных библиотечных систем: возможности использования в образовательной и научной деятельности КемГУКИ.....	68
Ткаченко Л. А. Институт дополнительного профессионального образования в образовательном пространстве университета культуры и искусств.....	77

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ЗНАНИЕ

Балашова О. А. Роль туризма в экономике Египта.....	85
Курмашев В. Ш. Особенности организации региональной и муниципальной социально-культурной политики.....	93
Мухамедиева С. А. Эффективность деятельности в сфере культуры.....	100

РЕЗУЛЬТАТЫ НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Паршиков Н. А. Региональный вуз культуры в условиях модернизации.....	107
---	-----

ПАЛИТРА МНЕНИЙ

Кудрявцева-Кузнецова Н. Я. Образование, воспитание и культура слова.....	114
--	-----

ПАНОРАМА

Колин К. К. Монография «Философские проблемы информатики».....	119
Научно-аналитический и образовательный журнал «Пространство и время» (анонс).....	120

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ УНИВЕРСИТЕТА

Миненко Г. Н. XIX Международные Рождественские образовательные чтения и проблемы духовно-нравственного образования и воспитания молодежи.....	122
Шунков А. В. Вопросы невербальной семиотики и их рассмотрение в рамках академических чтений в КемГУКИ.....	127
Пилко И. С. Традиции и новации в образовательной практике КемГУКИ.....	131
Золотарева С. А. Научно-образовательный форум «Молодежные инновации и предпринимательство в современной парламентарной России».....	134
Астахов О. Ю. Международный научно-практический форум «Слово и образ в русской художественной культуре».....	137

CONTENTS

ART. HISTORY OF ART

Guk A. A. Aesthetic Dominants of Poetics of Video Creativity.....	6
Tkachenko A. V. Influence of Scientific Progress on Traditional Technologies of Artistic Metal Foundry...	11
Tuzenko E. V. «Aurora» as Metamorphosis or Wayfaring of Salvation.....	16

CULTUROLOGY

Bykhovskaya I. M. Culturology applied vector: the searched and the existing.....	21
Kreidlin G. E. Non-verbal Semiotics and Theatre.....	40

PEDAGOGICS AND SOCIO-PEDAGOGICAL ACTIVITY

Veretnova N. F. On the Issue of Methods of Evaluating Animation Services in Tourism Quality.....	49
Popov A. A. Model of students'healthy lifestyle organization in an artistic educational institution.....	57
Savkina S. V. Comparative Analysis of Electronic Libraries' Systems Informational potential: Exploitation Prospects in KemGUKI Educational and Scientific Activity.....	68
Tkachenko L. A. Institute of Additional Professional Education in the Educational Area of a University of Culture and Arts.....	77

SOCIO-ECONOMICAL KNOWLEDGE

Balashova O. A. Role of Tourism in Egyptian Economy.....	85
Mukhamedieva S. A. Activity Effectiveness in the Sphere of Culture.....	93
Kurmashev V. Sh. Peculiarities of Regional and Municipal Socio-cultural Policy Organization.....	100

RESULTS OF SCIENTIFIC RESEARCH

Parshikov N. A. Regional Educational Institution of Culture in Conditions of Modernization.....	107
--	-----

DIVERSITY OF OPINIONS

Kudryavtseva-Kuznetsova N. Ya. Education, Upbringing and Word Culture.....	114
---	-----

PANORAMA

K. K. Kolin's Monograph «Philosophic issues of Informatics».....	119
Notice: Scientific, Analytical and Educational Journal «Space and Time».....	120

SCIENTIFIC LIFE OF THE UNIVERSITY

Minenko G. N. XIX International Christmas Educational Readings and Some Issues of Spiritual and Moral Education of the Youth.....	122
Shunkov A. V. Problems of Nonverbal Semiotics and Their Examination within the Limits of the Academic Readings in Kemerovo State University of Culture and Arts.....	127
Pilko I. S. Traditions and Novelties in KemGUKI Educational Practice.....	131
Zolotareva S. A. Scientific and Educational Forum «Youth Innovations and Enterprise in the Modern Parliament Russia».....	134
Astakhov O. Yu. International Scientific and Practical Forum «Word and Image in Russian Artistic Culture»	137

ИСКУССТВО. ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ

ART. HISTORY OF ART

УДК 7.01

А. А. Гук

ЭСТЕТИЧЕСКИЕ ДОМИНАНТЫ ПОЭТИКИ ВИДЕОТВОРЧЕСТВА

В статье идет речь о поэтике видеотворчества. Это относительно новая разновидность современного экранного искусства. Впервые с позиции эстетической науки исследуются такие элементы композиционного строя видеопроизведения, как: пространственно-динамический видеокадр, его импровизационность, опико-пластические и звуковые характеристики.

Ключевые слова: видеотворчество, видеопроизведение, поэтика видео, эстетика видео-образа.

А. А. Гук

AESTHETIC DOMINANTS OF POETICS OF VIDEO CREATIVITY

The article tells about video creativity poetics. It is a rather new type of modern screen art. For the first time such elements of a composite system of video product are studied from a position of an aesthetic science: a spatially-dynamic video shot, how improvisatory it is, optical, plastic and sound features.

Keywords: video creativity, video product, video poetics, aesthetics of a video image.

Прежде всего, дадим определения таким основополагающим понятиям эстетики видео, как «видеотворчество» и «видеопроизведение». Под видеотворчеством мы понимаем своеобразную художественно-эстетическую деятельность, осуществляемую на основе видеотехнологии с целью создания эстетически значимого видеопроизведения. Соответственно, говоря «видеопроизведение», мы имеем в виду экранный продукт, реализованный путем использования эстетических принципов видеотворчества, которые заложены его эстетической природой.

Жест режиссера, разворачивающийся в реальном пространстве и времени, формирует определенную *композицию*

на экране. Под композицией обычно понимают структурное построение визуальных и звуковых элементов фильмического произведения. Понятие «композиция» детерминировано идейно-тематической направленностью автора. Этим понятие «композиция» отличается от родственного понятия «компоновка». В компоновке нет такой тесной увязки между содержанием и формой, они как бы нейтральны по отношению друг к другу. В композиции все строится на сущностном взаимодействии всех составляющих ее компонентов, на неразрывности их связи, которая и обеспечивает целостность существования артефакта. При этом он становится не просто формой, а эстетически значимой

формой, несущей художественное содержание. Поэтому понятие «композиция» ближе коррелирует со сферой искусства, нежели понятие «компоновка», которое наиболее тесно соотносится с производством чего-либо нехудожественного.

Во всех экранных видах творчества основным, первичным элементом композиционного построения фильма выступает кадр как элемент, вносящий прерывистость в отображение реальной действительности на экране. В совокупности эти кадры образуют монтажные композиции, представляющие относительно завершённые в содержательно-смысловом плане образования – сцены и эпизоды.

В эстетической парадигме видеотворчества кадр также лежит в основе видеоповествования. Однако его эстетические параметры и эстетическая значимость здесь принципиально иные. Прежде всего, отметим, что видеокادر обладает существенно *большей* временной *протяжённостью*. Он не дробит съёмочный объект на отдельные фрагменты, а, в силу своего хронотопа, отображает его континуально столько времени, сколько того требует существование самого этого объекта и авторско-субъективное намерение. По этой причине видеокادر является гораздо более крупным образованием, чем кино-, телекадр, являя собой кадр-сцену, кадр-эпизод и даже кадр-фильм.

Утверждение принципа, обеспечивающего более длинное строение видеокадра и отказ от членения кинематографического пространства, создаёт основу для качественной трансформации экранного языка и формированию особой эстетической системы. Но возникли данные трансформации не на пустом месте. Их предтечей в творческой практике явилось направление, которое всегда было в оппозиции к монтажному кинематографу и утверждало эстетическую самоценность отдельного кадра и метода аналитического кинонаблюдения его порождавшего.

По мнению А. Базена, который достаточно глубоко и обстоятельно проанализировал метод глубинной мизансцены в кино, «значение плана определяется не тем, что он добавляет к реальности, но, прежде всего тем, что он раскрывает в ней» [1, с. 85]. Добавка – это как раз то, что несёт в себе монтаж двух соседних кадров. Выступая за прогресс киноязыка, А. Базен отмечает, что монтажный метод, укоренившийся в практике немого кино, имеет тенденцию к исключению повествовательной многозначности. Он крайне субъективизирует происходящее, поскольку выбор режиссером отдельных его фрагментов неизбежно оказывается результатом авторской предвзятости [1, с. 104].

Глубинно построенный кадр, если не всегда, то по обыкновению, несёт в себе смысловую многозначность, противостоя тем самым монтажной директивности. Однако полностью преодолеть её он не может. Монтажную инициативу в таком случае берёт на себя зритель. Как и в реальной действительности, он выделяет и акцентирует внимание на тех точках экранного пространства, которые ему интересны.

Желание зрителя не мысленно (как в неподвижном глубинном кадре), а *реально* осуществить пространственный анализ реальности, сдвинувшись со своего неподвижного места, способствовало утверждению и развитию другого метода – *динамической* камеры. Благодаря возможности динамической камеры путешествовать в реальном пространстве, зритель смог обозревать сцену не только фронтально, но практически со всех сторон. Прodelывая все это со съёмочной камерой, авторы экранного произведения получают *кадр-сцену*, постоянно развивающуюся, то есть динамичную.

Поведение камеры, в таком случае, способствует не только передаче всесторонней информации об объекте, но и отражает её характер, который выразился

в таком термине, как «эмоциональная камера». Настоящим виртуозом эмоциональной камеры, мастером динамических композиций в отечественном кинематографе был оператор С. Урусевский. Динамическая камера для него выступала не просто творческим инструментом, а буквально еще одним действующим лицом – персонажем фильма. Через камеру С. Урусевский выражал свое отношение к событию, она становилась его соучастником.

Конечно, соучастие динамической камеры не нужно понимать буквально – она не играет какую-то индивидуальную роль. Камера «играет», прежде всего, смысл происходящего, выражая его через перемещения. Движения камеры подсознательно воспринимаются зрителями как процесс, развивающийся параллельно основному сюжету. Через динамику, «эмоциональность» съемочного аппарата определяется общий характер действия, его звучание, интонация. Таким образом, функции съемочной камеры как бы удваиваются.

Метод динамического панорамирования, как еще его иногда называют, впервые получил свою теоретическую разработку в статье А. Тарковского «Запечатленное время». Согласно его теории, кино не должно быть свободно в отборе и соединении фактов, взятых из широкой «глыбы времени». Фактом А. Тарковский считал любое событие, человеческое движение, реальный предмет, в котором «живет время». Поэтому отображение фактов на экране есть ничто иное как выявление из времени. Это выявление должно даваться в форме прямого, непосредственного наблюдения над фактом [2, с. 10–11].

В соответствии со своей теорией А. Тарковский рассматривает также проблему монтажа и ритма в процессе кинонаблюдения. Не длина кадров сама по себе, сконструированная умозрительно и ограниченная склейкой, определяет мон-

тажный ритм фильма, а пульс жизни, прочувствованный его автором и переданный через движение камеры, позволяет достигать нужного ритмического эффекта [2, с. 102].

Эстетические воззрения А. Тарковского и А. Базена во многом предопределили и подготовили базу для возникновения и формирования поэтической теории видеотворчества и его художественно-эстетической практики. Ими были раскрыты и обозначены те принципиальные моменты экранной поэтики, которые в трансформированном виде составили концептуальную основу новой разновидности экранного творчества. Их идеи относительно действенности «безмонтажных» аудиовизуальных композиций, которые не являлись центральными в эстетике кино и телевидения и находились на периферии их творческо-поэтической сферы, стали для видеотворчества эстетической нормой.

Принципиально важным для поэтики видеотворчества явилось не просто формальное объединение, а именно синтезирование возможностей глубинного кадра и динамического мизансценирования. Благодаря особой длительности видеокадра, заложенной его природой, этот синтез стал наиболее органичной формой видеоповествования. Он позволил еще более укрупнить монтажную структуру видеопроизведения, претендуя на статус кадра-эпизода и даже кадра-фильма. Статичная композиция глубинного кадра естественным образом продолжилась в динамической композиции, а последняя, в свою очередь, следуя намерениям заинтересованного субъекта, вновь легко претворялась в статичную. В сфере видеотворчества динамическое наблюдение в совокупности с глубинным построением видеокадра образует некий эстетический компромисс, который позволяет авторской директивности плавно перетекать в объективную многозначность экранной реальности и наоборот.

Эстетическая интеграция двух различных способов экранного отображения действительности, произошедшая на территории видео, привела к возникновению особого творческого метода и специфической экранной композиции, которую можно было бы определить как *пространственно-динамическую*. У нее появляется особое ритмическое качество, в котором в зависимости от преобладания того или иного способа экранного отображения, доминирующим оказывается либо ритм жизни, либо ритм динамизированной камеры. При этом смена ритма не сопровождается сменой кадра, а происходит непрерывно на глазах у зрителей через изменение поведения «камеры-героя».

Отличительным признаком пространственно-динамической видеокомпозиции, кроме уже обозначенной *синтетичности движения*, является процессуально *видимая импровизационность*. Видеокомпозиция не задается изначально, а рождается спонтанно. В кинематографе режиссер заранее придумывает определенный эстетический эффект, окончательная форма которого формируется даже не в процессе съемок, а в монтаже. Для видеотворчества актуален другой подход и принцип. Эстетический эффект, если он даже и обдуман заранее, все равно рождается непосредственно во время съемки, а не в монтаже. Потому что видеосъемка и есть монтаж, если понимать его как отбор и выстраивание в некую экранную последовательность элементов реальности. Если в сфере видеотворчества мы *видим* и ощущаем *путь достижения* импровизационности, то в сфере кино – довольствуемся ее *результатом*.

Еще одной особенностью видеоэтики является преимущественное использование *широкоугольной оптики и вариообъективов*. Для того чтобы обеспечить полную маневренность и свободу ручной, длительно наблюдающей видеокамеры, оператору необходимо активно

использовать при видеосъемке широкоугольную оптику. Тем самым, во-первых, обеспечивается свойственная обычному человеческому зрению широта восприятия окружающего пространства. Во-вторых, минимизируются тряска, толчки, рывки, которые неизбежно возникают при съемке с рук. В-третьих, существенно увеличивается глубина резко изображаемого пространства. Все это важно для эстетического освоения реальности, т. к. усиливается степень экранного реализма, маскируется условность самого факта съемки, привносится многоплановость и многозначность в композиционное построение видеокадра.

В тех случаях, когда физический доступ к съемочному объекту по каким-либо причинам оказывается ограниченным, видеооператор использует возможности вариообъектива (zoom), который с помощью трансфокации позволяет плавно увеличить масштаб изображения без перемещения видеокамеры в пространстве. Потенциальные возможности данного средства заложены в характере визуальной активности человека. Увеличение масштаба видеоизображения, которое сопряжено с возможностью оптической системы, делает видеонаблюдение вездесущим, эвристически даже более ценностным, чем обычное аналитическое восприятие.

Для формирования видеокомпозиции огромное значение имеет звуковая составляющая видеообраза. В кинофильме нет случайных шумов и звуков, его звукоряд искусственно организован и эстетически отфильтрован. А речь героев по этой же причине не записывается на съемочной площадке (за редким исключением), а конструируется в процессе дубляжа в тонателе студии. Эстетическая система телевидения впервые в истории экранного творчества придает звуку настоящую документальность. Прямая трансляция с места события предполагает наличие в звукоряде элементов, не имеющих к нему прямо-

го отношения. Тем не менее, они создают для телезрителей определенную звуковую атмосферу, что очень важно для эмоционального настроения. В распоряжении телевизионного режиссера существуют определенные средства создания и интерпретации звукового образа события. И здесь решающим фактором становится симультанная природа телевидения. Звук от множества микрофонов обрабатывается микшерским пультом мгновенно. Тем самым создается его выразительность на телеэкране.

Поэтика видео утверждает другой принцип формирования звуковой выразительности на экране. В соответствии со своей природой в нем доминирует звуковая *континуальность*, переданная *монокамерой*. В поле ее слышания попадают множество посторонних шумов и звуков, но это вовсе не означает, что автор видеопроизведения действует только как регистратор и совсем лишен возможности эстетической интерпретации звуковой реальности. Как и в жизни, для того чтобы лучше услышать и зафиксировать, мы вместе с видеокамерой приближаемся к звуковому источнику. Звуковая акцентировка в процессе непрерывной фиксации звука обеспечивается в сфере видеотворчества еще и новыми технологическими устройствами. К ним относятся накамерные зумм-микрофоны и выносные радиомикрофоны. С их помощью можно уменьшать лишние шумы, выделять и приближать главное в звуковой реальности.

Еще одним важнейшим компонентом поэтики видеотворчества является *экранная пластика*. Ее выразительность определяется, главным образом, характером и направлением *освещения* реальных съемочных объектов. Если посмотреть на роль освещения в кино и телевидении, то обнаружатся все те же тенденции, которые проистекают из общеэстетических концепций данных видов экранного творчества. В кинематографе освещение очень

условно, бывает немотивированным, выражая авторский замысел. Световая сцена монтажно разбивается на отдельные кадры и снимается с учетом световой приемственности. На телевидении при осуществлении прямых передач наблюдается, по сути, та же картина, но роль «художественного освещения» практически нивелируется. Преобладающим видом освещения становится «заполняющий свет», дающий максимальную детализацию и цветность объекта и, соответственно, обеспечивающий наивысшую информативность.

Что касается сферы видеотворчества, то специфической чертой его световой поэтики является полный отказ от *немотивированного освещения* и вообще от какого-либо использования специальных осветительных *приборов*. Конечно, сказать, что «световой рисунок» для видеосъемки не актуален вообще, было бы неверно и более того, искажало бы истинное положение вещей. Видеосъемке органически противопоказан искусственно навязанный световой рисунок. И, наоборот, подчеркивание естественного характера освещения на объекте составляет главную творческую задачу видеооператора, которая исходит из самой природы видеотворчества – максимально реалистичной и подлинной. Мастерство создателей видеопроизведения заключается не в привнесении «красивости» с помощью света, а в выявлении и сохранении уникальных световых сочетаний, позволяющих передать неповторимую атмосферу, эмоциональную среду существования значимых визуальных форм.

От характера освещения объекта зависят и такие элементы пластики изображения, как: цветность, фактурность, объемность. Так как в большинстве случаев видеоизображение демонстрируется на малом телеэкране, то ему изначально присуща по сравнению с киноизображением повышенная цветовая контрастность, подчеркнутая резкость и детализация, особен-

но в теневых участках. Будучи показанным на большом экране с помощью видеопроекции или будучи переведенным на киноплёнку, видеоизображение становится значительно богаче по нюансировке и поэтому более впечатляющим. Ощущения от такого изображения более острые и более холодные – словно смотришь в открытое окно.

И цветность, и фактурность, и объёмность видеоизображения определяется не только масштабом экранной картинки, но и его особой динамичностью. Для эстетики видеоизображения, ориентированной на создание пространственно-динамической композиции, важнейшими характеристиками оказываются разнообразные *пластические переходы*. Это выражается в трансформациях отображаемой формы в пределах одного видеокadra от почти полной бесцветности до ее рекламно-цветовой яркости, от почти полной безфактурности до физиологической осязаемости структуры поверхности, от почти полной плоскостности до всесторонней стереоскопичности. На этой основе видео-

изображение способно вызвать у зрителей дополнительные эмоциональные реакции, дополнительное эстетическое содержание.

Исходя из вышеизложенного, мы можем сделать следующий обобщающий вывод: поэтические принципы, формирующие видеокomпозицию, разнообразны и детерминируют проявления всех составляющих ее элементов. Качественно значимыми характеристиками поэтики видеокomпозиции являются: синтезирование в единое целое внутрикадрового движения и движения съёмочной камеры; импровизационность поведения персонажей и съёмочного субъекта – автора-оператора; преимущественное использование широкоугольной оптики и вариообъективов; аудиальная континуальность звукоряда и иллюстративность его функции; отказ от немотивированного освещения, его аскетизм и динамизм в кадре; предельная реалистичность видеоизображения за счет мелкой детализации и видимой осязаемости пластических переходов цвета, фактуры, объёма.

Литература

1. Базен А. Что такое кино? : сб. ст. – М.: Искусство, 1972. – 373 с.
2. Тарковский А. Лекции по кинорежиссуре. – Л.: тип. Ленфильм, 1989. – 118 с.

УДК 347.787.5

А. В. Ткаченко

ВЛИЯНИЕ ТЕХНИЧЕСКОГО ПРОГРЕССА НА ТРАДИЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ЛИТЬЯ ИЗ МЕТАЛЛОВ

В работе рассматриваются технологии художественного литья из металлов, существовавшие в Древней Руси X–XIII веков, а также применяемый в настоящее время способ вакуумного литья и использование компьютерных программ для создания прототипов художественных изделий. Сравнительный анализ древних и современных приемов показывает роль технического прогресса при создании художественных изделий из металлов.

Ключевые слова: научно-технический прогресс, художественное литье, декоративно-прикладное искусство, традиционные секреты ремесла, восковая модель, вакуумное литье, 3D-принтер.

A. V. Tkachenko

INFLUENCE OF SCIENTIFIC PROGRESS ON TRADITIONAL TECHNOLOGIES OF ARTISTIC METAL FOUNDRY

The research is devoted to artistic metal foundry technologies which existed in Ancient Russia in X–XIII centuries, as well as vacuum foundry method, used at present, and involving computer software for creating the prototypes of artistic products. comparative analysis of the ancient and modern techniques reveals the role of technical progress for creating metal artistic objects.

Keywords: scientific and technical progress, artistic foundry, decorative and applied arts, traditional trade secrets, wax model, vacuum foundry, 3D-printer.

Сфера культуры, как известно, не ограничивается общепризнанными ценностями искусства, этики, науки. Техника как деятельность и ее средство, воплощающее в себе человеческие знания, относится к материальной части культуры. Культурная функция технического прогресса определяется созданием новых, более совершенных технических средств, способов их использования, организацией эффективно и экономичного производства.

Тем не менее, говоря о влиянии технического прогресса на развитие культуры и искусства, следует отметить интересный факт: новые технологии и технические средства, используемые при создании произведений искусства, далеко не всегда способствуют увеличению количества подлинных шедевров. Так, например, большинством исследователей считаются непревзойденными по художественным достоинствам изделия русских ювелиров XI–XIII веков, при всем несовершенстве инструментов и сложности технологии их изготовления.

Выявленное противоречие побуждает обратиться к изучению культурного феномена научно-технического прогресса, в частности – к разноаспектной оценке плюсов и минусов применения новых технологических приемов при создании произведений искусства. С этой целью рассмотрим, какие изменения, обусловленные влиянием технического прогресса,

произошли в технологии художественного литья из металлов [1].

Художественная обработка металлов – один из основных видов декоративно-прикладного искусства, известный с давних времен. Технология производства изделий данного вида искусства представляет собой многоступенчатый процесс, который включает: заготовительные операции, основные операции, сборку, декорирование и окончательную отделку. Существует множество способов изготовления изделий, которые можно считать основными операциями. К ним относят: литье, ковку, чеканку, сварку, просечной способ, пайку, изготовление филигрانی. Считается, что плавка и литье были открыты человеком ранее других способов обработки металлов, таких, например, как ковка.

Произведения монументального, станкового и декоративно-прикладного искусства, созданные этим способом, намного превосходят по своему количеству и ценности изделия, выполненные в других видах обработки: ковке, чеканке, штамповке, волочении, гравировании и пр. Такое соотношение остается неизменным со времени возникновения метода и до современного периода [2].

В фундаментальном исследовании «Ремесло Древней Руси X–XIII веков» Б. А. Рыбаков высказал предположение о существовании следующих способов литья:

- литье в жестких каменных формах;
- литье в пластичных или мягких формах (глина, песок, формовочная земля);
- литье по восковой модели с сохранением формы;

– литье по восковой модели с потерей литейной формы [3, с. 145]. В наше время при производстве художественных изделий применяются или входят в употребление различные способы литья, которые можно классифицировать по следующим признакам:

– *по материалу отливок*: стальное литье; литье чугуна; медных сплавов (бронза, латунь); легких металлов (оловянные, цинковые, алюминиевые сплавы); благородных металлов (серебро, золото);

– *по материалу и конструкции форм*: литье во временные формы (земляные и оболочковые формы, годные для отливки только один раз); литье в постоянные металлические формы, выдерживающие большое число заливок;

– *по характеру моделей*: с потерей модели – восковое литье, точное литье; по постоянной модели – земляное литье;

– *по способу заливки форм металлом*: обычное литье, центробежное литье, литье под давлением [4, с. 262–263].

Обратимся к наиболее часто используемому способу литья на примере изготовления ювелирных изделий.

В Древней Руси X–XIII веков художественно сложные вещи, требующие проработки деталей, отливались способом восковой модели, а массовые изделия выполнялись в тщательно вырезанных каменных формах. Процесс отливки по восковой модели выглядел так: на гладкую каменную или глиняную пластинку наносился слой воска толщиной равный толщине будущего изделия. Затем поверхность воска выравнивалась и наносился контур изделия, по которому обрезались излишки воска и лепился узор. Для этого воск раскатывали в тонкие стерженьки и шарики.

Стерженьки свивались между собой, чтобы получить подобие скани, и укладывались на оконтуренную восковую пластинку в соответствии с задуманным рисунком. Потом они прижимались, края подравнивались, сверху наносился ряд косых насечек и т. д. Из воска лепился стержень, который от края модели доходил до края каменной плитки. Этот стержень впоследствии играл роль литника для расплавленного металла. Отделав модель, ее охлаждали, чтобы придать воску прочность, и заливали глиняным тестом. После того как глина высыхала, ее слегка обжигали, чтобы воск мог вытопиться, а его излишки сливали через литник. На этом процесс изготовления формы завершался, и на место воска можно было лить металл. Естественно, что такая форма не могла быть долговечной. Она выдерживала лишь несколько отливок. Однако в случае поломки формы оставалась готовая металлическая вещь, служившая штампом для оттиска новой формы [3, с. 154].

В настоящее время применяется способ вакуумного литья. Он относится к восковому литью и является значительно видоизмененной и усовершенствованной разновидностью древней технологии. Суть способа заключается в том, что временную восковую модель удаляют из формы путем нагрева, а на ее место помещают расплавленный металл. Эта особенность технологического процесса остается неизменной с древних времен. В остальном технология воскового литья претерпела большие изменения.

Весь технологический процесс начинается с создания постоянной металлической (серебряной или мельхиоровой) модели. И уже используя постоянную модель, тиражируют временные (утрачиваемые), восковые модели. Для тиражирования делают мягкую резиновую пресс-форму, имеющую промежуточное назначение, т. е. в ней выполняются восковые модели.

Для этого металлическую модель помещают в стальную или дюралевую оболочку и плотно со всех сторон обкладывают сырой силиконовой резиной. Затем сырую резину с находящейся внутри моделью подвергают вулканизации.

Процесс вулканизации заключается в следующем: оболочку с пресс-формой и моделью помещают между двух горизонтальных чугунных плит, одна из которых неподвижна, а другая при помощи резьбового ворота перемещается по двум направляющим штангам вверх-вниз. При этом плиты имеют электрический подогрев. Поворачивая ворот, располагают плиты так, чтобы пресс-форма максимально уплотнилась, точно повторив все очертания модели. Затем плиты нагревают до температуры 150–170 градусов и выдерживают в таком положении 40–60 минут. В результате сырая, вязкая резина становится плотной и упругой. Получившуюся резиновую болванку выбивают из оболочки и разрезают на два или более кусков так, чтобы извлечь находящуюся внутри модель. Когда модель удалена из пресс-формы, на ее месте остается полость, точно повторяющая модель. От края внутренней полости к внешнему краю пресс-формы прорезают канавку, которая служит литьевым каналом.

В результате получается мягкая разъемная форма, в которой методом инъекции (впрыскивания) тиражируются восковые модели. Этот этап осуществляется с помощью устройства, называемого «инжектор для воскового литья». Простейший вариант инжектора – это резервуар, где разогретый до температуры 70–80 градусов воск находится под давлением 1,3–1,5 мПа. Резервуар снабжен специальным клапаном, через который осуществляется впрыск горячего воска в полость пресс-формы. Процесс создания восковой модели занимает несколько секунд. Он завершается, когда горячий воск, находящийся в полости пресс-формы, остывает и затвердевает. По-

сле этого готовую восковую модель можно извлечь из пресс-формы и повторить весь процесс многократно.

Возможно, в давние времена также существовал прототип мягкой формы.

Готовые восковые модели, используя электрический паяльник, собирают в так называемый «куст». По внешнему виду он напоминает дерево, у которого стволом служит центральный литьевой канал, ветками – литьевые каналы каждого конкретного изделия, а листьями или плодами – сами изделия. «Куст» размещают на резиновой платформе и устанавливают внутрь стальной перфорированной обечайки (опоки). В получившееся пространство аккуратно, чтобы не нарушить конструкцию «куста», выливают раствор специальной формовочной огнеупорной смеси. В состав смеси входят связующие вещества на гипсовой основе и кристобаллит – одна из высокотемпературных модификаций кварца. В течение 15–20 минут смесь твердеет. В результате получилась жесткая временная оболочковая форма, которую подвергают нагреву в муфельной печи до температуры 750–850 градусов. Во время подогрева из формы вытапливается и стораеет воск, освобождая полость для заливки металла [5, с. 138].

На следующем этапе горячую опоку помещают в специальную камеру, из которой вакуумным насосом откачивается воздух, создавая в камере разрежение, после чего тут же заливают в форму заранее расплавленный металл. Заливка металла в полость, где существует разрежение, дает возможность получить отливку более высокого качества, свободную от пузырьков газов и внутренних раковин, что неизбежно при традиционных способах литья. В этом заключается отличие вакуумного литья от обычного традиционного. После того как металл разлит и затвердел, еще горячую опоку резко охлаждают путем погружения в холодную воду, вследствие чего

твердая формовочная смесь разрушается и выпадает в осадок. Внутри стальной опоки остается готовая отливка, которая подлежит электрохимическому отбеливанию. Потеря восковой модели и разрушение формы – два главных признака, позволяющие рассматривать данный способ как одну из модификаций древней технологии литья.

Самые современные приемы воскового литья предполагают использование 3D-принтера при создании восковой модели. 3D-принтер – устройство, которое, в отличие от обычного принтера, выращивает из воска настоящую объемную восковую модель. Этот принтер может быть совмещен с любой из существующих САД-дизайнерских программ, с помощью которых на мониторе компьютера создается трехмерное изображение будущей модели. Когда изображение создано, по команде компьютера 3D-принтер приступает к строительству восковой модели на основе сложного технологического процесса. Суть его заключается в следующем: две микрофорсунки, постепенно меняющие свое положение в пространстве, распыляют микроскопические капельки воска так, чтобы они оседали слоями. При этом оседают они не хаотично, а в соответствии с проектом на мониторе. В результате слой за слоем возникает объемный восковой прототип, который может быть использован как утрачиваемая модель. С помощью 3D-принтеров можно изготовить несколько десятков восковых прототипов за 3–4 часа. А металлическое изделие, отлитое взамен восковой модели, после декорирования и обработки может стать самостоятельной вещью, а может послужить постоянной металлической моделью [6].

Сравнивая технологию литья ювелирных изделий, основанную на достижениях научно-технического прогресса, и технологию древнюю, приходим к следующим выводам:

– современный технологический процесс схож, в основном, с древним и базируется на использовании временной восковой модели и разрушении литейной формы;

– примитивная технология основана на использовании мягкой эластичной формы (глина, песок, природная формовочная земля), а в современной технологии эта часть процесса видоизменилась и преобразовалась в изготовление резиновой пресс-формы;

– современный технологический процесс для достижения наилучшего результата включает в себя все технологические приемы прошлого: в одном цикле используется и мягкая эластичная форма, и жесткая разрушаемая форма, которая в современных условиях дополнилась перфорированной стальной оболочкой;

– современный процесс не только включает в себя все достижения примитивной технологии, но и значительно дополняет, видоизменяет и обогащает их. Например, ручная лепка восковой модели заменяется компьютерным моделированием и инжекторным впрыском. При этом современная технология не отказывается от использования ручного труда для создания высокохудожественных изделий (ручное изготовление постоянной металлической мастер-модели).

Таким образом, существенные изменения в традиционной технологии художественного литья, обусловленные техническим прогрессом, минимизируют временные затраты, позволяют осуществлять массовый выпуск изделий, повышают качество выплавленного металла, дают возможность мастеру воплотить практически любой замысел. Однако эти изменения, на наш взгляд, не способны существенно повлиять на художественные достоинства выпускаемых изделий, которые обусловлены особенностями творческого, а не технологического процесса.

Литература

1. Петриченко А. М. Искусство литья. – М.: Знание, 1975. – 160 с.
2. Рубцов Н. Н. История литейного производства в СССР. – М.: Машгиз, 1962. – 288 с.
3. Рыбаков Б. А. Ремесло Древней Руси X–XIII вв. – М.: Академия наук СССР, 1948. – 791 с.
4. Флеров А. В. Материаловедение и технология художественной обработки металлов. – М.: Высшая школа, 1981. – 223 с.
5. Марченко В. И. Ювелирное дело. – М.: Высшая школа, 1984. – 192 с.
6. Компания «Рута». Технологии трехмерного моделирования [Электронный ресурс]. – <http://www.ruta.ru/tech/doc/prog-kompl-3Design.pdf> (дата обращения: 07.12.2010).

УДК 347.783.51

Е. В. Тузенко

«АВРОРА» – МЕТАМОРФОЗА ИЛИ ПУТЬ К СПАСЕНИЮ ДУШИ

Статья посвящена проблеме творческого взаимодействия: художник – поэт. На примере последнего эскиза «Авроры» И. Г. Мейера автор статьи приводит гипотезу о влиянии данной работы на творческий процесс И. В. Гете при создании им образа Гретхен в четвертом действии второй части «Фауста».

Ключевые слова: Аврора, Фауст, видение, композиция, тема, счастливая картина, солнечная работа.

Е. V. Tuzenko

«AURORA» AS METAMORPHOSIS OR WAYFARING OF SALVATION

The article considers the problem of creative cooperation between a painter and a poet. The author, by providing the example of J. H. Meyer's last sketch of «Aurora», gives her hypothesis concerning its influence on J. W. Goethe's creative process while developing Gretchen's image in the fourth act of the second part of «Faust».

Keywords: Aurora, Faust, vision, composition, subject, happy picture, sunny work.

Среди множества тем рисунков И. Г. Мейера (1760–1832, «гетевский» Мейер) особое место занимает тема «Авроры». Первый эскиз был нарисован им еще до знакомства с Гете в Риме в апреле 1786 года. Последний вариант «Авроры» был выполнен художником в феврале 1791 года по просьбе Гете. Поэт предложил Мейеру оформить ее как самую светлую и «солнечную работу». В греческой мифоло-

гии Авроре соответствует Эос, дочь титана Гипериона и титаниды Тейи. Кроме того, Эос является «породительницей» ветров и звезд. Афродита, мстя Эос за ее близость с Аресом, наделила последнюю вечным чувственным желанием [1, с. 663]. Отсюда – мощное женское начало. В римской мифологии Аврора (лат. Aurora, от Aura – букв. «предраассветный ветерок») является знаменем нового дня, перемен в природе,

жизни – Богиня утренней зари [2, с. 29]. У Овидия в «Метаморфозах» Аврора царствует в Персии, в Nabateyskom царстве, в «горных хребтах, озаряемых утренним светом» [3, с. 10]. Существуют свидетельства того, что Мейер неоднократно рисовал эскизы к «Авроре». Так, Гердер, искренне ценивший его творчество, писал своей жене из Флоренции 22 мая 1789 года: «Ты получишь здесь, дорогая Луизочка, кое-что от меня к твоему дню рождения, но только не потеряй. Это утренняя заря, нарисованная господином Мейером из Швейцарии специально для тебя» [4, с. 380]. Сам рисунок не сохранился, но из письма видно, что Мейер обращался к этой теме не раз и старался максимально ее выразить.

между ночью и светом. Справа, внизу от нее, размещена ночная группа – крылатые гении с большими звездами на головах, укрывающие от дневного света Ночь с детьми. Слева за Авророй в сопровождении трех нимф мчится лучезарный Аполлон на солнечной колеснице. Угадывается влияние на молодого Мейера творчества Гвидо Рени, потолочных фресок в Палаццо Роспильози. У ног Авроры расположились слева два эльфа, справа – один путти с сосудом, из которого вытекают капли воды. Богиня приспустила с плеч плащ, удерживая его сзади обеими руками.

Однако спустя пять лет, по просьбе Гете, Мейер вновь обращается к теме «Авроры». Он полностью изменяет ком-

Рис. 1. «Аврора», 1786

В первом эскизе, нарисованном Мейером в 1786 году, парящая Аврора изображена в центральной части как посредница

позицию. Если изначально центральная группа, поднимаясь, двигалась в горизонтальной плоскости слева направо, то те-

перь она обратилась в вертикаль справа налево; прежний формат 401×188 мм изменился на размер 368×413 мм. Мейер исключил Аполлона, от упряжки остаются лишь легкие очертания коней позади головы Авроры, гении и нимфы заменены на статичных богов воды и земли. И сразу же движение вперед превратилось в спокойное неподвижное парение. Но сами позы, расположение тел в центральной части рисунка свидетельствуют об изменяющемся состоянии. Если в первом эскизе облака были распределены по низу и в правой вертикали, то здесь они как бы образуют подобие расступившейся ниши, из которой

возникла Аврора, уступая место восходящим лучам солнечного света. Эту работу Гете называл одной из «фаворитных» композиций Мейера, одним из примеров того, как должен и может создавать художник. Здесь уже проявляется влияние на Мейера творчества братьев Карраччи: дельфин по своему «поэтически-аллегорическому характеру» схож с дельфинами Агостино, а угловые наполнения фигур (речные и земные боги) слева и справа напоминают композиционную манеру Анибале Карраччи, схожесть с его «Триумфом Вакха и Ариадны» из Галереи Карраччи в Палаццо Фарнезе.

Рис. 2. «Аврора», 1791

В период с 1788 по 1791 годы Мейер посвятил много времени изучению творчества братьев Карраччи в Риме, Болонье, Неаполе; копировал картины «Оплакивание Христа», «Одиссей и Цирцея», сделал огромное множество эскизов. В письме от 22 июля 1788 года Мейер подробно излагает Гете свои впечатления от посещения галереи Капо ди Монте, Фарнезинского дворца, описывает картины, выделяет детали и проводит параллели с римскими дворцами Дория, Роспильози – т. е. все, что он увидел и узнал, и что смогло бы быть интересным поэту. В отношении «Одиссея и Цирцеи», например, он писал Гете: «Красота предрасположения целого, многозначительность фигур и главным образом мудрость, с которой художник соединил два рассказа поэта в одно действие, чтобы сделать его понятным, все это заслуживает восхищения и указывает на большое достижение и накопленный опыт природы изобразительного искусства» [5, S. 2–3]. В конце жизни Гете сказал: «Караччи и его сыновья были словно рождены для того, чтобы учить живописи <...> Они были большими художниками, были настоящими учителями» [6, с. 320]. Это высказывание полностью соответствовало тогда духу молодого Иоганна Мейера. Его пристрастие к академическому стилю обучения, которому он научился у швейцарских художников Иоганна Келлы и Иоганна Каспара Фюсли, нашло свое продолжение в заимствовании классических образцов, в подражании лучшим мастерам Возрождения.

В творчестве Гете тема «Авроры» занимает важное место. Посредница между ночью и днем, хаосом и гармонией, мужским и женским началом, она присутствует у поэта в лирике периода «Бури и натиска», в «Римских элегиях», «Западно-Восточном диване», «Мариенбадской элегии» и др. Но, пожалуй, самое большое и сложное смысловое значение «Авроры» проступает в трагедии «Фауст». Если сопоставить последний эскиз Мейера с описанием «Авроры» из второй части «Фауста», то мы

увидим, что Гете дополняет тему Мейера более сложным внутренним смыслом – она получает новое символическое значение. Тогда, в 1791 году, Гете словно предчувствовал, что спустя 20 лет он обожествит Гретхен через «светлую» мейеровскую «Аврору», чем в будущем дарует Фаусту спасение на Небесах. Четвертое действие второй части «Фауста» разворачивается на скалистой вершине высокогорного хребта, куда с тучи спускается Фауст:

*Не расплываясь, тихо отделяется,
Меня оставив, облако, и медленно,
Клубясь, оно к востоку вдаль уносится,
И взор за ним стремится с восхищением.
Плывет оно, волнуясь, изменяя вид,
И в дивное виденье превращается [7, с. 436].*

Фауст не может понять, чей же образ он видит перед собой: Юнону, Леду или Елену – столь сильно ее величие. Но видение продолжается:

*А вокруг меня тумана струйка светлая,
Прохладою лаская, обвивается.
Взвилась она наверх – остановилась там
Прозрачной тучкой. Это ль чудный образ тот,
Великое святое благо юности? [7, с. 436].*

Поток мыслей Фауста отождествляет Богиню утренней зари с некогда любимой и погубленной им девушкой:

*Души моей сокровища проснулись,
Любовь Авроры вновь восстала в памяти
И первый милый взгляд, не сразу понятый,
Всего потом дорожке в мире ставший мне.
Как красота душевная стремится вверх,
В эфир небес, чудесное видение,
Неся с собой часть лучшую души моей
[7, с. 436–437].*

Во всем: в море, на суше, в видоизменяющихся облаках, из которых возникает образ Авроры-Гретхен как самое лучшее, что есть в Фаусте, ясно проступают черты «Авроры», выполненной Мейером

в 1791 году. Этот вариант, в отличие от эскиза 1786 года, уже не врывается в жизнь оглушительным ураганным потоком, круша ночное господство и засвечивая его. Аврора в видении Фауста – «предрасветный ветерок», за которым просматривается нежность, легкость, гармоничный переход от одного явления природы к другому и гармоничная связь с космическим бытием.

Тогда, в 1791 году, после внесенных Мейером композиционных изменений, Гете удовлетворенно заметил, что Мейеру удалось «найти счастливую линию»: «здесь все фигуры значительны, но не более того, что они изображают, и я могу точно сказать, не более того, чем они являются. Симметрия и многообразие придают композиции прекрасный эффект; и привлекательность, которая может существовать как в формах, так и в цвете в целом – все это поистине безгранично. Разнообразные фигуры людей и тварей, не контрастируя, а составляя единое целое, уравнивают друг друга ровно настолько, чтобы передать этот прекрасный момент. Трудности цвета и светотени велики, но вся прелесть и состоит именно в том, чтобы их преодолеть. Вам остается только, как вы и считаете, поднять фигуру Авроры чуть выше,

чтобы тем самым сделать группу в целом легче и благороднее, и тогда вы снова сможете использовать возникшее вследствие этого перемещения пространство. Было бы прекрасно, если бы эта картина стала вашей солнечной работой» [5, S. 57–58]. По словам Гете, Мейер наглядно показал пример того, как может и должен создавать художник. Мейеру удалось достичь того, к чему они с Гете всегда стремились – подлинно символического изображения предмета. Существовал ли окончательный вариант «Авроры» Мейера, нам не известно. Многие из его наследия не дошло до наших дней. Но, читая описание «Авроры» из второй части «Фауста», можно сделать предположение, что отправной точкой создания образа Гретхен-Авроры послужил эскиз Мейера, выполненный им по просьбе Гете в 1791 году в Италии.

Если вначале Мейер подражал Гвидо Рени, а затем братьям Карраччи, то в конце концов происходит акт совместного творчества друзей: по просьбе Гете Мейер разработал собственную композицию, которая в свою очередь вдохновила Гете на создание сцены видения Фауста в четвертом действии второй части одноименной трагедии.

Литература

1. Мифы народов мира. Энциклопедия: в 2 т. / гл. ред. С. А. Токарев. – М.: Советская энциклопедия, 1980. – Т. 2. – 719 с.
2. Мифы народов мира. Энциклопедия: в 2 т. / гл. ред. С. А. Токарев. – М.: Советская энциклопедия, 1980. – Т. 1. – 672 с.
3. Овидий. Метаморфозы // Овидий. Собрание сочинений: в 2 т. / пер. С. Шервинского. – СПб.: Студия Биографика, 1994. – Т. 2. – 527 с.
4. Herder J. G., Düntzer H., Herder F. G. von. Herders Reise nach Italien: Herders Briefwechsel mit seiner Gattin, vom August 1788 bis Juli 1789. herausgegeben von H. Düntzer und F. G. von Herder. – Gießen: J. Ricker'sche Buchhandlung, 1859. – 415 S.
5. Goethe J. W., Meyer J. H., Öttingen W. von. Goethes Briefwechsel mit Heinrich Meyer. Erster Bd.: Juli 1788 bis Juni 1797 // Schriften der Goethe-Gesellschaft im Auftrage des Vorstandes. Hrsg. von Wolfgang von Öttingen. Bd. 32. – Weimar: Verlag der Goethe-Gesellschaft, 1917. – 458 S.
6. Эккерман И. П. Разговоры с Гете в последние годы его жизни / пер. с нем. Н. Ман. – Ереван: Айастан, 1988. – 672 с.
7. Гете И. В. Фауст / пер. с нем. Н. А. Холодковского. – СПб.: Азбука-классика, 2005. – 528 с.

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

CULTUROLOGY

УДК 130.2

И. М. Быховская

ПРИКЛАДНОЙ ВЕКТОР КУЛЬТУРОЛОГИИ: ИСКОМОЕ И СУЩЕЕ

В статье рассматриваются основные прикладные проблемы в системе науки культурологии. Раскрываются основания институционализации культурологии. Проанализированы роль и место исследований в области прикладной культурологии с позиции их результативности и соответствия социокультурным запросам общества. Предложена типология прикладных культурологических исследований.

Ключевые слова: прикладная культурология, социокультурное пространство, институционализация культурологии, культурологические исследования, культурологическое знание.

I. M. Bykhovskaya

CULTUROLOGY APPLIED VEKTOR: THE SEARCHED AND THE EXISTING

The article deals with the main applied issues in the system of culture science. The foundations of culturology institutionalizations are revealed. It analyses the role and place of researches in the area of applied culturology from the point of view of their effectiveness and appropriateness for a society's socio-cultural requirements. Applied culturology researches typology is suggested.

Keywords: applied culturology, socio-cultural sphere, culturology institutionalization, culturology researches, culturology knowledge.

Начнем с того, что сложившееся наименование определенной части культурологической науки – «прикладная культурология», вполне ясно говорит о специфике этой составляющей культурологии, о ее особой направленности, отличающей данный блок знания от других составляющих рассматриваемой науки – в частности, от культурологии теоретической и культурологии исторической.

Открыв любой толковый словарь, от скажем, классического словаря Д. Н. Ушакова до уходящей в бесконечность в сво-

ей «открытости» Википедии, мы увидим (впрочем, и так понятное): *прикладное* – значит имеющее *практическое значение*; то, что может найти применение в какой-либо сфере *жизни*. Очевидность и простота такого определения неизбежно имеет своим продолжением (чаще всего, чисто интуитивно) убеждение, что столь же проста и незамысловата процедура этого самого «приложения» знания. Было бы только знание, а уж найти ему практическое применение – это не проблема. И потому (еще один неизбежный, казалось бы, вы-

вод) эта прикладная область культурологического знания, тождественная его простому функциональному использованию, не требует каких-либо специальных *научных* усилий; главное для развития культурологии – эффективная работа по созданию концепций, развитию теорий, а их применение – «дело техники».

На первый взгляд, логика, лежащая в основе такого рода рассуждений, не вызывает возражений. Однако логически правильный ход размышлений при переходе к прозе жизни, в том числе и жизни науки культурологии, оказывается не столь безусловным: и развитие культурологического знания не шло в предполагаемой, логически «чистой» последовательности (теоретическое, потом – прикладное); и не столь однозначными оказываются ответы на, казалось бы, самые простые вопросы – *куда и зачем* «приложить», *как* это сделать, и, наконец, *что* же из имеющегося обширного и многоликого культурологического знания можно/должно выбирать для использования в практических целях в той или иной конкретной ситуации.

Такого рода набор вопросов, а точнее, поиск ответов на них, задает абрис для описания особенностей прикладной культурологии как подсистемы науки культурологии, чему и посвящен данный раздел. Но прежде обратимся к краткому описанию сюжета, связанного с процессом институционализации, с обретением и потерей прикладной культурологией легитимного статуса, а также с ее ролью в становлении российской культурологии в целом. Конечно, многие аспекты рассматриваемой проблемы были и остаются значимыми не только для российской науки о культуре [см., напр.: 29; 30; 24], однако в данном разделе мы, в силу изложенных ниже обстоятельств, сочли важным сделать акцент именно на развитии данно-

го сегмента в системе отечественного социально-гуманитарного знания.

Отечественная прикладная культурология де-факто и де-юре: сложности легитимизации

Институционализация культурологии как научной отрасли была стимулирована, подобно процессу «возмужания» других наук, как минимум, влиянием двух групп факторов. С одной стороны, собственно *логикой развития* знания о культуре, подведшей на определенном этапе к осознанию необходимости создания своего рода единой «системы координат» в данной области познания; системы, которая бы позволила соотнести, структурировать, обеспечить сопряженность результатов, полученных на основе «разножанровых» и разновекторных исследований многоликого поля культуры.

Однако несомненно, что одной логики познания для позиционирования новой науки никогда не бывает достаточно – должна быть *реальная заинтересованность*, социальная *потребность* в том знании, которое вызревает в научном «парнике». Именно такая заинтересованность, действительно, послужила мощным стимулом для развития отечественных наук о культуре в целом и для обретения институционального статуса культурологией в частности в перестроечные 80–90-е годы прошлого века. В условиях кардинальных трансформаций, происходивших практически во всех областях жизни, в условиях реальных и потенциальных утрат и обретений в самом широком социальном масштабе, вполне объяснима потребность социальных субъектов разного уровня: государства, отдельных групп (политических, экономических, этнокультурных, конфессиональных и др.), общественных организаций и корпоративных структур – в получении *практически применимого* знания о культурных факто-

рах социальных процессов, о механизмах их объективного влияния, о возможностях целенаправленного использования, манипулятивного блокирования и пр., словом, о том, как можно работать с культурной составляющей глобального социально-тектонического сдвига. Научно фундированные (хотя иногда – лишь наукоподобные) аналитико-рекомендательные модели практической деятельности, программы и проекты социокультурного развития, потеснив абстрактно-теоретические построения, заняли заметное место среди продукции, реализуемой специалистами в сфере культуры. Их востребованность была детерминирована поиском решений в самых разных социокультурных областях – от масштабных вопросов государственной культурной политики, поиска «коротких» путей этнокультурного самоопределения, стремления к региональному противостоянию захлестывающей глобализации, задач по «раскручиванию» кандидатов в... во время избирательных кампаний до разработки локальных культурно-досуговых технологий, например, для успешного «тим-билдинга» в пределах отдельной корпорации.

Именно в связи с этим многожанровым социальным запросом блок прикладных культурологических исследований получил мощный толчок, стимул к интенсивному развитию, да и подпитка (в самом широком смысле) этого научного направления тоже сыграла свою роль. Продукция, созданная в этот период бурного развития прикладных культурологических исследований, в силу многообразия ее источников, потребителей и пр., конечно, далеко не вся оказалась на поверхности, не вся доступна для анализа и оценки. Однако, пусть и в весьма ограниченном масштабе, составить представление об этом периоде в развитии прикладной культурологии можно просто даже обратившись к соответствующим раз-

делам перечней публикаций, диссертаций по культурологии [см., напр.: 13; 20 и др.] Все эти процессы стали значимыми обстоятельствами, которые повлияли не только на формирование и развитие *данного направления* в культурологии, но и оказались немаловажными для развития и институционализации культурологии *как таковой*. Можно вполне обоснованно утверждать: интенсивный количественный рост именно прикладных исследований культурологического профиля, расширение их тематического спектра стали своего рода катализатором процесса оформления культурологии как самостоятельного научного направления в пространстве отечественного социально-гуманитарного знания.

Однако эти «заслуги» прикладного направления не стали в последующем индульгенцией для его легитимного существования и обладания необходимым *институциональным статусом*, определяемым, прежде всего, включенностью данного блока знания в номенклатуру научных специальностей Высшей аттестационной комиссии РФ. Как известно, институционализация культурологии в начале 90-х годов XX века нашла свое юридическое выражение в виде появления в нем под шифром 24.00.00. направления «Культурология». Структурирование научных специальностей внутри него было хоть и незамысловатым, но достаточно (пусть и не вполне строго) логичным: 24.00.01. – Теория культуры; 02. – Историческая культурология; 03. – Музееведение, консервация и реставрация историко-культурных объектов; 04. – Прикладная культурология. Изменения, в последующем произведенные в этом разделе номенклатуры, привели к его максимальному обеднению (что, на наш взгляд, требует непрямого и более активного возвращения специалистов к обсуждению вопроса об обоснованно-

сти таких трансформаций¹) и, в частности, к исчезновению такой специальности, как «Прикладная культурология».

Не имея возможности проанализировать причины этого решения (в силу отсутствия их публичного представления), могу лишь высказать соображения, касающиеся некоторых *следствий* данной ситуации – соображения, которые, надеюсь, добавят еще одно звено в процесс выстраивания цепочки аргументов, направленных на возвращение прикладной культурологии, как социально значимой и востребованной практикой области познания, в перечень научных специальностей по направлению 24.00.00. – Культурология.

Основной аргумент – это подтверждаемая повседневно и повсеместно, насыщенность *сегодняшнего реального* социокультурного пространства проблемными, а нередко и откровенно кризисными точками, полноформатный анализ которых (прежде всего, для поиска необходимых решений) невозможен без рассмотрения культурной составляющей в их возникновении, а следовательно, – и в парадигме их «рассасывания». Происходящие в современном мире, в современной России сложные общественные процессы *объективно* актуализируют, стимулируют расширение масштабов применения культурологии в ее практически-ориентированном формате, использования релевантных ситуации и задачам знаний о культурных факторах и механизмах, о закономерностях протекания социокультурных процессов,

об особенностях их модификации в современном контексте.

В актуальности такого рода исследований легко убедиться, обратившись, скажем, к тематике диссертационных исследований по направлению «Культурология», выполненных за последнее десятилетие. Аргументом в пользу востребованности является также (а возможно, и прежде всего) и огромное число выполненных в рамках различных управленческих и иных структур *собственно практических* исследований и разработок культурологической направленности, обеспечивающих (наряду с собственно научными исследованиями) приращение массива результатов, значимых для развития прикладного анализа социальных проблем в их культурологическом измерении.

Несомненно, что изъятие специальности «Прикладная культурология» из номенклатуры ВАК – это решение, в результате которого ситуация *де-факто* отнюдь не изменилась в соответствии с предписанным *де-юре*. «Закрыв тему» *административно*, по формально-бюрократическому признаку, это решение не отменило и не могло *по сути* отменить развитие данного исследовательского направления, поскольку его выделение было, как уже отмечалось, не продуктом чьей-то «игры ума», а ответом на объективный запрос, продуцированный социальными *реалиями* современного мира. Непродуктивность ситуации определяется не только указанным выше несоответствием. Есть нестыковки и иного рода: расширение прикладного культурологи-

¹ Сохранив в прежней формулировке лишь специальность 03, авторами было решено объединить *теорию* и *историю* культуры в *единую* научную (!) специальность 24.00.01. – шаг, смею сказать, совершенно *научно* необоснованный, поскольку под один шифр попали научные исследования, по определению различающиеся по целям, методам и пр., хотя и имеющие один и тот же объект изучения – культуру. Но по этой логике в одну строчку можно было бы вписать вообще все науки, направленные на изучение культуры, а их, как известно, не один десяток. Да и формулировки «история культуры» и «историческая культурология» далеко не тождественны [см. об этом более подробно: 16; 1; 26, а также блестящие образцы историко-культурологических исследований М. Л. Гаспарова, А. Я. Гуревича, Ю. М. Лотмана, Л. М. Баткина]. Возможно, это не столь существенно для обыденного сознания, но не очень адекватно статусу *научно-организационного* документа.

ческого анализа, происходящее де-факто в ответ на запросы самой практики, не имеет, прежде всего, в силу названных выше причин, адекватного развития *научно-методологической базы и методического арсенала* прикладных культурологических исследований как особого типа познавательной деятельности.

Есть и еще одно, научно-этического рода, негативное последствие решения об изъятии прикладной культурологии из Перечня – необходимость «втискивать» по сути любые, в том числе и *практически ориентированные* научные культурологические исследования в «прокрустово ложе» специальности «Теория и история культуры». По сути, исследователи вынуждены «маскировать» социально актуальные, направленные на решение острых *проблем сегодняшнего дня* научные разработки под общетеоретические построения, исходя из единственно возможного (если тема не про музеи и сохранение памятников) наименования специальности. Представляется, что гораздо более целесообразно, логично, да и просто научно, вернуть специальность «Прикладная культурология» в номенклатуру, позволив диссертантам *по-честному* обозначать характер и возможности использования полученных ими результатов. Сделать это было бы логично и в связи с постоянными призывами, звучащими с самых высоких трибун, «достичь соединения теории с практикой», «быть ближе к реалиям жизни» и т. п.

Конечно, это не единственный путь восстановления в правах научно-прикладных исследований. Скажем, возможен вариант, основанный на расширении, вероятно, самой сегодня скудной из всех культурологической номенклатуры: не сводить направление «Культурология» к формуле «два в одном» (вся культурология = 24.00.01+24.00.03), а развернуть его, подобно другим научным направлениям (социологии, политологии и др.), в виде полноценного, адекватного изучаемой

реальности, списка специальностей. Например, включение в реестр (наряду с сохранением музееведения, возвращением исторической культурологии) таких позиций, как история культурологической мысли, культурология политики (в том числе, вопросы культурной политики), культурология повседневности и др. Конечно, это лишь частные примеры, а не выстроенный список (работа над ним – отдельная задача). Но и они позволяют понять, что при таком подходе и *концептуально-теоретический*, и *научно-прикладной* анализ актуальных проблем, отнесенных к соответствующим предметным областям, становятся равнозначно легитимными. Более того, как представляется, именно этот второй путь был бы более продуктивен во многих отношениях.

Аргументируя необходимость реинституционализации прикладной культурологии и борясь за ее полноценное признание, нельзя, однако, ограничиться лишь позитивом, связанным с научно-социальной значимостью данного блока исследований – картина при этом, надо признать, получается не вполне объективная и полная. Предшествующий этап развития выявил и сделал достаточно очевидными и некоторые проблемные ситуации, определенный негатив, без устранения которого отстаивать права прикладной культурологии не так уж и просто. Как это ни покажется парадоксальным, основные сложности связаны не с внешними факторами (скажем, с поисками недругов культурологии, что тоже бывает), а, как нам представляется, с отсутствием достаточно серьезно проработанных, обоснованных и прописанных родо-видовых характеристик самих прикладных культурологических исследований. Без этой необходимой науковедческой атрибутики никакие призывы к торжеству научной справедливости, никакие самые эмоциональные апелляции к социальной значимости такого рода исследований не будут, скорее всего, восприняты как доста-

точные аргументы для принятия скольких-нибудь серьезных решений.

Более того, можно предположить, что исключение в свое время прикладной культурологии из списка научных специальностей было производным не только от чьего-то субъективного (и, убеждены, недальновидного) мнения, но и стало своего рода реакцией на некоторые реальные издержки в рассматриваемом сегменте научных исследований. В частности, одним из «раздражителей», не могло не стать то, что можно обозначить как *избыточность* продукции, которая за несколько лет существования специальности «Прикладная культурология» была представлена под ее шифром. Действительно, наряду с немалым числом вполне достойных исследований по вопросам культурной политики, по прикладным аспектам многих других видов социокультурной практики, в эту специальность стали «сбрасывать» самые разные по жанру работы, в том числе и те, что попадали сюда как результат «селекции от противного». Имеем в виду сюжет, когда диссертационное исследование, задуманное изначально по социологическому, педагогическому, филологическому профилю, и, в силу тех или иных причин, не принятое соответствующим диссертационным советом, слегка переформатировалось соискателем, узнавшим о существовании нового направления (культурологии), и переадресовывалось в эту нишу, еще не очень заполненную и не очень строго прописанную в своих критериях. Вставив в название и во введение слово-маркер из набора «про культуру», диссертант как бы реинкарнировался сразу в статусе культуролога, способствуя, с одной стороны, заполнению открытой «на вход» тематической ниши, но одновременно и внося свою лепту в превращение молодой отрасли в научный (а иногда и псевдонаучный) «винегрет». Тем самым, накапливался и вполне подходящий материал для противников узаконивания культурологии, которая ни-

как не может называться наукой, если она «про все на свете». Хотя сегодня эта ситуация, конечно, совершенно не типична, но определенная проекция тех времен, если не сказать «тень», просматривается и в сегодняшних дискуссиях.

Данный сюжет относился, правда, не только к прикладной культурологии, но к начальному этапу легитимизации культурологии вообще. Что же касается именно специальности 04 – Прикладная культурология, то здесь была еще одна, специфическая беда, когда изначально стал неукротимо расти массив диссертационных работ, носивших скорее не *научно-прикладной*, а *методический* по своей сути характер. Значительную часть составляли работы, посвященные организации, технологиям, методикам, приемам культурно-просветительной работы и другим традиционным социокультурным практикам, которые ассоциировались, прежде всего, со словом «прикладная». Несомненно, здесь свою роль вновь сыграла недостаточная определенность критериев для обозначения границ, специфики прикладных культурологических исследований. Возможно, сработал и фактор субъективный, когда при желании соответствие отдельного исследования категории «прикладная» толковалось автором примерно так: если название исследования имеет отношение к некоторой *практике*, так или иначе связанной со *сферой культуры*, то это и есть достаточный аргумент для того, чтобы претендовать на **научную** степень в области прикладной культурологии. Как здесь не вспомнить мудрые слова К. Маркса о том, что этикетка системы взглядов нередко обманывает не только покупателя, но и продавца.

Но все же ситуация «перепутаницы» и размытости в прикладной культурологии, думается, определялась не просто тем, что в новую и уже тем привлекательную, становившуюся модной, научную область хлынул значительный поток ра-

бот, привязанных к тем социокультурным практикам, которые традиционно рассматривались, скажем, в педагогическом блоке (социально-культурная деятельность, библиотечное дело и др.). **Научно-культурологическая** составляющая **прикладного** исследования обеспечивается не тем, какой социальной практике посвящен анализ, с каким видом деятельности связана решаемая проблема, а *логикой исследовательского движения*: от исходного выявления собственно культурологического аспекта, «среза» изучаемого явления или процесса, через анализ культурных факторов возникновения и развития изучаемой проблемы к построению научно (= культурологически) фундированной модели деятельности, содержащей оценку и обоснование возможности «работы» с данными факторами – их усиления, деструкции и т. п. – для *разрешения* этой проблемы. Таким образом, целевая ориентация здесь – не столько получение результата в виде описания набора операций, методик, приемов, обеспечивающих соответствующую практику (это – «технологическая проекция» научного исследования), сколько выход на модель (конкретную, привязанную к социальным «здесь и сейчас»), содержащую культурологическое описание/объяснение проблемных зон изучаемого явления и возможных «точек роста», а чаще – «точек трансформации», в соответствии с социальным запросом, заказом, предписанием – словом, с поставленной практической задачей.

Рассмотрим более подробно особенности прикладной культурологии в соответствии с другими блоками данной науки,

но прежде кратко остановимся на сложившихся толкованиях самого понятия «прикладная культурология».

Прикладная культурология: множественность интерпретаций

Развитие прикладной культурологии как особого вектора познания культуры и как блока знания о ней, результирующего этот процесс, представлено несколькими, далеко не равноценными по объему, группами отечественных публикаций. Первая группа – это весьма немногочисленные специальные работы, посвященные базовым характеристикам этой научной области, ее методологическим основаниям, структурным, функциональным особенностям и другой научно-дисциплинарной атрибутике. Здесь необходимо назвать такие имена, как: М. А. Ариарский, В. Л. Глазычев, Б. С. Ерасов, Л. Г. Ионин, Л. Н. Коган, А. П. Марков, Э. А. Орлова, В. М. Розин, В. В. Савельев и др.². Вторая группа – это существенно более обширный, о чем уже упоминалось, массив публикаций, представляющих разнопредметные и многожанровые прикладные культурологические исследования. Еще одна группа – это разного рода общекультурологические работы, в которых так или иначе затрагивается вопрос о структуре культурологического знания и в этих рамках – высказывается понимание того, что такое прикладная составляющая этой науки. Наконец, значительный арсенал учебной литературы по дисциплине «Культурология», где, как правило, проблемы прикладной культурологии либо не представлены вообще, либо упоминаются в крайне скудном объеме³.

² Отметим, что далеко не всегда в названиях работ этих авторов прикладная культурология обозначена «в лоб» (это еще и вопрос постепенности вхождения термина в научный оборот); более существенно содержание, предметность проведенных ими исследований.

³ Эта ситуация вызывает наибольшие сожаления, поскольку эффективность изучения и усвоения материала дисциплин социально-гуманитарного блока зависит, в том числе, и от умения профилировать их в соответствии с особенностями профессиональной подготовки студентов. Прикладная культурология, в этом отношении, дает замечательные возможности для того, чтобы «проиграть» многие культурологические темы на предметном поле, близком будущим специалистам-технарям, медикам, экологам и т. д.

Не останавливаясь здесь на особенностях этих групп публикаций, отметим лишь, что в каждой из них присутствует (естественно, с разной степенью рефлексивности и эксплицитности) определенная интерпретация того, что понимается под прикладной культурологией, определенный набор тем и проблем, которые, по мнению авторов, соответствуют этому блоку культурологического знания. Для того чтобы хотя бы в какой-то мере представить многообразие подходов, выделим некоторые наиболее типичные толкования.

Одним из наиболее распространенных является отождествление прикладной культурологии с разработкой проблем культурной политики и вопросов социокультурного проектирования. Как отмечается, например, в работе Б. С. Ерасова [9], ключевой проблемой прикладной культурологии является решение комплекса вопросов о том, какие параметры социокультурных процессов нуждаются в прогнозировании, проектировании и управленческом регулировании, какие цели при этом должны преследоваться, какие методы и средства употребляться, какие типы объектов культуры и культурных процессов должны избираться в качестве управляемых, на каком уровне и на какой стадии должно осуществляться это управление.

Еще один акцент, присутствующий в ряде работ, связанных с прикладной культурологией, – это выделение такого признака, как ориентированность этой области на создание благоприятной среды для приобщения человека к достижениям мировой и отечественной культуры.

Одна из наиболее устойчиво сохраняющихся интерпретаций прикладной культурологии – понимание данной области как совокупности всего множества *социокультурных практик*. При этом, по сути, происходит редуцирование определенного уровня *научного знания* к содер-

жанию непосредственной практической деятельности (чаще всего, к ее определенным видам – культурно-просветительской, культурно-воспитательной, культурно-управленческой и т. п.). Как и прежде, этот подход присутствует не только в публикациях, выступлениях на конференциях, но и находит свою «объективацию» в ситуациях нового обозначения нередко традиционных видов профессиональной деятельности, связанной со сферой культуры: к примеру, можно нередко услышать про практика-культуролога (т. е. представителя той самой прикладной культурологии), который на деле оказывается культпросветработником (теперь нередко – аниматором), инструктором-организатором в сфере досуга, сотрудником отдела (департамента) культуры в той или властной, корпоративной структуре и т. п. Встречалось в публикациях и такое: человек, применяющий научное знание на практике, является носителем прикладной культурологии.

Еще один, довольно распространенный, тезис: если исследование направлено на изучение того или иного вида социокультурной *практики* – то это уже достаточное основание, чтобы отнести его к разряду «прикладных». Думаю, что некорректность такого утверждения очевидна для любого специалиста, по крайней мере, в силу его знакомства, скажем, с серьезными фундаментальными философскими трудами, посвященными вопросам практики, да и сегодняшняя культур-философская мысль активно работает в этой области [см., напр.: 6]. Поэтому расхожее отождествление любого изучения *практики* (по объекту) с *прикладным* (по характеру) разделом знания, по крайней мере, совершенно безосновательно. Конечно, этот культур-философский уровень осмысления различных видов социокультурной практики чрезвычайно важен как методологический фундамент для последующих трансформа-

ционных шагов, обеспечивающих обретение знанием характера прикладного, однако наличие слово «практика» в исходном описании объекта изучения – явно недостаточно для такого перехода.

Обозревая многообразие прикладных исследований, представленных в культурологической литературе, можно отметить постепенную смену тематических трендов. В первой половине 1990-х годов, как уже отмечалось, преобладали работы, посвященные вопросам социально-культурной работы и культурной политики. Наряду с огромным числом других публикаций, связанных с данными темами, своего рода «собранием сочинений» по этой тематике является многолетнее периодическое издание Министерства культуры РФ «Ориентиры культурной политики» [17]. Культурная политика и сегодня остается одним из приоритетных направлений в прикладной культурологии – несомненно, в силу, прежде всего, ее высокой социально-заказной востребованности. Что же касается социально-культурной деятельности, то очевидно данное словосочетание постепенно утрачивало привлекательность для прикладных исследователей, все более ориентирующихся на такие предметные поля, как масс-медиа, визуальная культура, творческие индустрии, культурный менеджмент, межкультурные взаимодействия и др. Хотя, заметим, что нередко за титулами исследований, звучащими современно и модно, скрывается традиционный (по подходу и предмету изучения) вектор анализа. Это, вероятно, объясняется, с одной стороны, сохранением в обществе многих устоявшихся видов социально-культурной деятельности, а с другой – сложностями *реального* (а не «титульного», номинального) исследовательского вхождения в новые культурные практики, малоизученные в отечественной науке и недостаточно аналитически представленные в переводной литературе.

Специфика прикладной культурологии в контексте интегративного культурологического знания

Как уже отмечалось, очевидное, само собой напрашивающееся, самое простое и распространенное понимание прикладной науки – как *использования знания* на практике. Однако насколько сопрягается такое определение с толкованием прикладной культурологии как одного из разделов **науки** культурологии наряду с теоретическим и историко-культурологическим? Акцентируем: культуролог**ии**, то есть знания, концепции, учения о культуре. Чисто *функциональное* определение прикладной культурологии, отождествление ее лишь с процессом *использования* знания, по сути, выводит ее **за** рамки собственно научного пространства, и в таком случае нет никаких оснований рассматривать прикладную культурологию как *составную часть* науки культурологии.

В то же время, очевидно и то, что без акцентировки этого функционального вектора, без выхода **за пределы** собственно научного процесса, ориентированного по своей сути не на применение, а на приращение знания, невозможно описать специфику *прикладной* науки. В сопоставлении с другими составляющими науки культурологии, эта специфика проявляется, очевидно, в *пограничном характере* прикладной культурологии, который, в свою очередь, связан с особенностями процесса порождения самого этого знания, а именно – с происходящей здесь трансформацией теоретико-*концептуального* культурологического знания в теоретико-*технологическую модель*. Эта модель должна включать в себя (в снятом виде) как исходный теоретический конструкт изучаемого явления (процесса, ситуации), так и сопряженный с ним базовый сценарий, стратегию действий, адекватную той реальной/гипотетической проблемной ситуации, которая выступает для науки как

«вызов» со стороны социальной практики. В этом отношении к этому уровню знания о культуре можно, со всеми условностями, применить уже устоявшийся (в другом контексте) термин «глокальный», описывая в данном случае интеграцию глобального (культурологического знания) и локального (конкретно-проблемного запроса).

Находясь между «теоретическим молотом» и «практикой-наковальней», концептуально-технологическая модель не может быть простым описанием технологий, методик, операций как таковых; это – пусть и особый, но все же блок научного знания, соотносимый не только с «внешним» для науки культурологии пространством (в своих функциональных параметрах), но и с ее «внутренним» содержанием (с точки зрения структурной соподчиненности). Формируемые затем на этой основе собственно социокультурные технологии, процедуры действия – это следующий шаг, осуществляемый с использованием результатов научного познания, но находящийся уже за его пределами. Понимание гуманитариев-прикладников как тех, кто переводит идеи в технологии, имеет прямое отношение именно к этой процедуре «выхода», которая условно заключает в себе как вектор движения «наука культурология → прикладной культурологический анализ» (сфера ответственности исследователей-прикладников), так и вектор «прикладной культурологический анализ → социокультурные технологии», где существует пространство для самореализации прикладников-технологов. Можно ли это успешно совмещать «в одном лице» – вопрос отдельный и не только научный.

Определение специфики прикладного культурологического знания осложняется нередко довольно распространенным смешением таких характеристик знания, как «фундаментальное» и «теоретическое», «прикладное» и «эмпирическое».

Как известно, различение *теоретического* и *эмпирического* – это выявление особенностей каждого из *уровней* знания, обусловленных такими характеристиками: источники их формирования, генезиса, методы построения, степень обобщенности знания, уровень его систематизированности и др.

Когда же стоит задача соотнести *фундаментальное* и *прикладное* знание, то критерием, принципиально значимым для их различения, является, прежде всего, *характер задач*, которые решаются/должны решаться в рамках научно-познавательной деятельности (из чего, несомненно, следуют и различия в средствах их достижения). В случае ориентации на фундаментальность, решается задача развития, углубления, приращения *самого знания* как такового; это, если можно так выразиться, – познание ради познания (что, естественно, не запрещает в последующем использовать это знание для целей, лежащих за пределами собственно познавательных задач). Применительно к культурологическому познанию, фундаментально-теоретический⁴ уровень – это развитие теории культуры, углубление знаний о ее сущности, морфологических характеристиках, закономерностях и механизмах генезиса и динамики культуры, построение объяснительных моделей применительно к отдельным составляющим культурного пространства и т. д. Это процесс получения *нового знания* о культуре как целом и о ее отдельных составляющих; это приращение теоретически *обобщенного* знания о культурных явлениях и процессах как таковых. Объектом фундаментально-теоретического познания здесь является собственно культура (в какой бы интерпретации она ни принималась), а его целью – расширение, углубление, изменение самого знания об этом

⁴ Не будем специально останавливаться здесь на хорошо известном положении о том, что фундаментальное знание – это знание, в конечном итоге, теоретическое.

объекте. Как правило, *двигатель, стимулятор* этого типа познания – сама логика научно-познавательного процесса, приводящая к очередному непознанному, слабо/недостаточно познанному, что и рождает потребность в построении недостающих объяснительных схем, концептуальных обобщений и т. п. Конечно, и в культурологии нельзя сбрасывать со счетов такой двигатель прогресса, как неизбежный интерес познающего субъекта. Насколько и как для достижения главной цели будут использованы упомянутые выше уровни познания (теоретический и эмпирический) – это отдельный вопрос, находящийся в совершенно иной плоскости.

Характер целевой ориентированности – это, повторим, ключевое основание для обозначения демаркационной линии между *фундаментальной* и прикладной культурологией. Что же касается соотношения *теоретического* и прикладного, то ситуация здесь другая: для решения задач прикладного характера знание теоретическое не менее важно, чем эмпирическая база данных, а потому в структуру прикладного анализа полноправно и даже необходимо входит (а не противостоит ему) и теоретический блок. Основная задача прикладного культурологического познания – *научно-стратегическое обеспечение практики* разрешения реальных социальных проблем, которое основано на эффективном использовании имеющегося теоретического знания о культурных факторах, механизмах, закономерностях. Акцентируем еще раз: несмотря на прагматическую ориентированность прикладной культурологии, она отнюдь не тождественна самой практической деятельности или ее методическому обеспечению; ее смысл – обеспечить *научную* базу для практических действий.

Мотор, стимулятор этого вида исследовательской деятельности – потребности социальной практики, ее запрос или не-

посредственный социальный заказ. Такого рода «*внешняя*» ориентированность создает и иное понимание *объекта* прикладного культурологического анализа (в отличие от фундаментального) – это совершенно не обязательно те области, процессы, явления, которые обозначаются, как феномены культуры. Объектом, в зависимости от задачи, может быть любое социальное явление или процесс, практическая работа с которыми требует понимания и учета культурных факторов, механизмов влияния, оценки с точки зрения культуросообразности и т. п. (далее этот вопрос будет рассмотрен более подробно). Конечно, в процессе прикладного исследования тоже может *в итоге* происходить **приращение** культурологического знания (посредством анализа и осмысления новых фактов, явлений, нового «взгляда» на факты известные и пр.), однако, эта задача не является имманентной для прикладного исследования.

Прикладная культурология и прикладные культурологические исследования

Рассмотренные выше характеристики прикладной культурологии относятся, как не раз подчеркивалось по ходу анализа, к ее определению как особой компоненты в структуре культурологического знания в целом. Эти характеристики позволяют говорить об особенностях этого блока знания в соотнесении с другими блоками, интегрированными под общим названием «Культурология». Однако, при переходе от описания статуса и специфики прикладной культурологии в этом *научно-дисциплинарном контексте* к рассмотрению отдельных исследовательских векторов в данной области, к реализации продекларированных общих принципов *в контексте отдельных прикладных культурологических исследований* (для краткости, обозначим их в дальнейшем «ПКИ»),

возникает необходимость в прояснении и уточнении и некоторых других, связанных именно с этим уровнем анализа, вопросов. И хотя последующие разделы нашей работы – это и есть совокупный, развернутый ответ на эти вопросы, все же, предваряя знакомство с ним в контексте значимых для ПККИ методологических канонов (раздел 2) и отдельных предметных полей (разделы 3–5), рассмотрим некоторые позиции, существенные для понимания особенностей культурологической работы на данном этапе анализа.

Теоретико-концептуальные основания и конкретика исследования

Один из вопросов, который неизбежно встает при формировании программы исследования, – какую выбрать теоретическую, концептуальную основу в качестве отправной точки? Понятно, что под названием «теории культуры» на сегодняшний день представлена достаточно пестрая и разножанровая концептуальная мозаика. С одной стороны, множественность интерпретаций культуры обусловлена научно-дисциплинарной дифференциацией (культурфилософские, культурантропологические, культурпсихологические и др. подходы). С другой стороны, внутри каждой дисциплины, в большей или меньшей мере связанной с постижением культуры, существует немалое разнообразие между школами, традициями, методологическими основаниями, определяющими характер и результат этого постижения.

Заметим попутно, что многообразие концепций и подходов – это совсем не обязательно признак «размытости», неопределенности содержания самой науки (о чем иногда можно слышать в дискуссиях о правах науки культурологии), и не обязательно признак ее неполноценности, о чем тоже нет-нет, да упомянут. Не входя здесь в обсуждение этого науковедческого аспекта, отметим, как нам представляется, оче-

видное: многообразие подходов к культуре в теоретико-методологическом смысле (аксиологического, знаково-символического, институционального и т. д.) неизбежно и в силу разветвленности древа социально-гуманитарных парадигм исследования, и в силу мультиразнообразия того, что подразумевается под феноменом культуры в современной науке. Первое и второе обстоятельство, несомненно, находятся в прямой взаимосвязи, однако, это – предмет для отдельного рассмотрения.

Для нас же существенно то, что наличие богатой теоретико-концептуальной палитры является своего рода барьером, который должен преодолевать исследователь всякий раз, переходя от размышлений о многообразии интерпретаций культуры к формированию стратегии и тактики *конкретного* прикладного исследования. Из всего этого богатого, обобщающего культурологического знания важно выбрать ту парадигму, в рамках которой можно наиболее эффективно решить конкретные задачи исследования. Естественно, универсального совета для такого отбора не существует: в каждом случае практические целевые ориентации, характер фактологической базы и другие факторы будут влиять на «отсечение лишнего» и акцентировку адекватного в пространстве «концептуальных предложений», известных специалисту-исследователю. Однако очевидно, что далеко не любые научно-дисциплинарные подходы к пониманию культуры могут «работать» в поле прикладной культурологии. Скажем, широко распространенное понимание культуры как мира артефактов, искусственно созданного человеком пространства его бытования. Значимая на уровне *философии* культуры, эта концепция плохо подходит для конкретного анализа конкретного явления в рамках отдельного исследования. А, например, знаково-символическая концепция культуры во многих случаях, почти

напрямую, может стать методологическим основанием вполне конкретного анализа, если этот подход позволяет выйти на решение содержащихся в нем задач. В этом смысле выбор «опор» – не столько поиск истинного знания (что, естественно, не отменяется), сколько выбор – из этого истинного – «удобного» в применении, эвристичного для прикладного анализа. Пустой спор – какая из концепций культуры лучше, правильней вообще. И символическая, и аксиологическая, и иные, достаточно обоснованные, концепции культуры в равной степени важны и нужны; наше же право и даже обязанность как исследователей, выбрать, в соответствии с решаемой задачей и целью, ту концепцию культуры, которая будет реально работать. Например, когда мы говорим об изучении культурных оснований той или иной социальной практики (подробнее об этом – далее), то очевидна продуктивность, скажем, *регулятивной концепции* культуры, ориентирующей на выявление ценностно-нормативной «подкладки», определяющей значимые характеристики деятельности любого профиля.

К сожалению, нередко автор, при описании методологических оснований того или иного конкретного исследования (представленных в публикациях, диссертациях, пособиях), без особых селективных усилий перечисляет через запятую все известные ему подходы к пониманию культуры как базу для собственного, вполне частного, ограниченного конкретным предметным полем и задачами, анализа. Конечно, можно согласиться с классическим: «лишних знаний не бывает», и все имеющиеся у специалиста – его реальный капитал, который когда-нибудь, где-нибудь да пригодится. Однако неумение распорядиться этим капиталом, в данном случае – сформировать и обосновать теоретико-методологическую базу для конкретного случая, определенных исследовательских целей, по сути, тождествен-

но ее отсутствию в качестве *реального* навигатора при формировании стратегии и тактики анализа.

Умение *оперировать* знаниями, то есть отобрать из имеющихся то, что требуется «здесь и сейчас», как известно, – важнейший показатель реального профессионализма, что серьезно отличает такого специалиста от просто «носителя» информации. В этом отношении переход на конкретно-прикладной уровень культурологического анализа с уровня знания концепций и концептов – это не редукция «от сложного к простому», как иногда может показаться, а сложная и творческая работа специалиста-«пограничника» (о чем уже шла речь), который по сути должен быть двуликим Янусом, но не только «смотрящим» – еще и *при-цельно* «видящим» нужное как в теоретическом, так и в практическом горизонтах исследования.

Направления и тематизация прикладных культурологических исследований

Определение возможного тематического круга ПКИ, основных векторов и направлений их развития, напрямую связано (опять-таки!) с более общими, фундаментальными посылками – с определенным пониманием не только специфики культурологии как науки, но и с трактовкой базового термина «культура», в большой мере эту специфику задающей. Рассмотрим некоторые модели такого рода сопряжения и его последствия.

Один из сложившихся и даже, можно сказать, укоренившихся вариантов интерпретации культуры – это то, что можно обозначить как ее отождествление с определенной *сферой* социальной жизни. Принятие «*сферного*» подхода предполагает выделение из всей совокупности социальных практик тех, которые могут/должны быть названы «культурными практиками», а их совокупность как раз и образует область

культуры. Как правило, к таким практикам относят все, что связано с так называемой «духовной жизнью» – различные виды художественного творчества (традиционно – лишь один из них – искусство, правда в немалом числе его разновидностей); музейную и библиотечную деятельность; религиозную практику. Не входя в обсуждение и весьма неопределенного содержания термина «духовная жизнь», и множества вопросов, которые неизбежно возникают при таком вычленении «культурной области» из социального пространства, акцентируем здесь лишь одну позицию: что это означает с точки зрения формирования *тематики* культурологических исследований? Очевидно, что тематические границы узаконенного таким образом пространства заданы перечнем тех видов деятельности, которые признаются как «культурные», в отличие от всех других видов социальных практик, которые, если следовать этой логике, должны рассматриваться как *некультурные* или *внекультурные*. В таком случае за пределами культурологического анализа остаются экономика, политика, экология и далее, и далее... словом, весь многообразный набор других видов социальных практик, которые не вписываются в заданные параметры «культурности». Наряду со сложностями в обосновании критериев такой селекции⁵, неизбежны и проблемы при работе с такими понятиями, как, например, «экономическая культура», «экологическая культура» и т. д., если, конечно, не использовать широко распространенное и научно неправомерное отождествление этих терминов соответственно с «экономикой», «экологией» и т. д.

Другая модель (на которую как раз и ориентирована наша работа) основана на понимании культуры не как особой области, *выделяемой* из социального пространства, а как особого «среза» этого про-

странства, включающего, прежде всего, ценностно-нормативные (регулирующие) и знаково-символические (репрезентационные) системы социальных практик. «Встреча» идеационного, нормативного, то есть *культуро-образующего*, регулятивного начала с реальной социальной практикой (которая в соответствии с этим началом и посредством соответствующей знаково-символической системы организуется, упорядочивается, ограничивается, оформляется, т. е. становится *культуро-сообразной*), и дает основание для рассмотрения в качестве феноменов культуры как самой этой практики, так и ее результатов.

Признание культуры не частным, локальным явлением, а, прежде всего, общерегулятивной сферой по отношению к любой из форм человеческой деятельности; системой норм, ценностей, образцов, которые определяют направленность развития, которые *о-значены* и символически явлены *в каждой из социальных практик* (а не только в области особых, «духовных» видов деятельности) – такой подход логически проецируется и на принципиально иное понимание тематики культурологических исследований вообще и прикладных в частности. Во-первых, при таком концептуальном посыле в тематическое пространство ПКИ должны быть включены *любые* социальные практики: экономическая, политическая, правовая, художественная, религиозная и др. – как реальные и потенциальные объекты изучения. Культурологичность же их рассмотрения – и это во-вторых, – определяется *углом зрения* на эти практики или их составляющие (в зависимости от цели и задач), той призмой, сквозь которую культуролог смотрит на эти объекты. Для различения культурологии и других наук, действительно, важно не что я изучаю, а как я изучаю. В этом смысле, на вопрос, иногда звуча-

⁵ [Более подробно об этом см., напр.: 19, р. 1; 5].

щий во время дискуссий о границах культурологических исследований: «Так что, культуролог – это не тот, кто изучает явления культуры?!», ответ напрашивается такой: «Это тот, кто изучает культурную⁶ составляющую любых социальных явлений и процессов, в том числе и тех, что относятся к явлениям культуры». Если я изучаю, например, экономическую деятельность, но именно с точки зрения ее регулятивно-аксиологических оснований, выявляя характер влияния на нее культурных традиций, стереотипов, анализируя особенности используемого символического ряда, механизмы мифологизации в области экономического сознания населения и роль этого фактора для развития экономики определенной культурной эпохи и т. п., то я работаю как культуролог, изучающий экономику, а совсем не как экономист.

С другой стороны, хорошо известно, что исследователь, изучающий культуру, отдельные культурные феномены и процессы – это совсем не всегда и совсем не обязательно культуролог, если говорить о специфике научного анализа, а не о наличии «культурного объекта». Скажем, свои аспекты, «срезы» выделяет при изучении культурного поля (например, библиотек, театров и пр.) экономист (вспомним про экономику культуры); психолог, этнолог и т. д., отнюдь не превращаясь в культурологов лишь по причине обращения своего исследовательского интереса к объекту из области культуры.

Таким образом, еще раз подчеркнем, что «сферой компетенции» прикладной культурологии является не какой-либо отдельный вид или даже какая-то определенная группа видов социокультурной

практики (что чаще всего представлено в немногочисленных работах под названием «Прикладная культурология»), а *любой* вид или область деятельности, в которой возникла/формируется проблемная ситуация, выход из которой предполагает проведение анализа культурных факторов и составляющих, значимых для нее, и на этой основе – выработки соответствующей программы действий с использованием культурных механизмов, культурно детерминруемых «точек роста».

Отметим попутно и еще одну деталь, возможно, не столь существенную, но представляющуюся небезразличной в ситуации реальной прикладной работы. Культурологический анализ проблемной ситуации – это практически всегда лишь *одна из* компонент комплексного исследования, неизбежная междисциплинарность которого обусловлена объективной сложностью и многосторонностью любого социокультурного процесса, ситуации. Поэтому, как правило, обоснование культурологической составляющей в процессе построения модели возможных сценариев (развития, трансформации, продвижения и пр.) – это лишь некоторая *лепта*, эффективное использование которой обеспечивается *ее сопряженностью* с «лептами» смежников – экономистов, психологов, этнологов и др., в зависимости от пространства изучения. Эта ремарка порождена нередко встречающейся в текстах постановкой задачи и описанием практической значимости исследования по типу: «проведенный культурологический анализ позволяет установить, и тем самым решить...». Как правило, такого рода романтические пассажи – либо чисто умозрительные по-

⁶ Термин «культурный» здесь и в других культурологических текстах имеет, как известно, не оценочно-позитивный характер (подобно «культурному человеку»), а нейтрально-констатирующий принадлежность к культуре в вышеописанном значении. Нередко отмечаемая смысловая амбивалентность, перегруженность данного понятия в русском языке не породила какого-либо адекватного решения. Правда, ряд авторов используют для выхода из ситуации термин «культуральный» [см., напр.: 12], однако он не приобрел устойчивого и общепризнанного использования в научном сообществе.

строения, рожденные за письменным столом, либо неготовность исследователя к рефлексии происходящего в его же реальной практике взаимодействия с теми самыми смежниками, что серьезно снижает планку значимости и собственно культурологического анализа в контексте *реального практического* движения.

Применяя термин «междисциплинарность» к ПКИ, необходимо уточнить: он, на наш взгляд, имеет отношение именно к каждому *конкретному* культурологическому исследованию, а не к культурологии (в том числе и в ее прикладном векторе) в целом. Это требуется подчеркнуть, поскольку крайне распространенным является описание науки культурологии как междисциплинарной, в чем якобы и состоит ее специфика, в отличие от «дисциплинарно» четких: истории, филологии и т. д. Одновременно, как правило, «междисциплинарность» культурологии приравнивается, перечисляется через запятую как равнозначная, с общепризнанной характеристикой культурологии как науки интегративной. На наш взгляд, такое отождествление совершенно неправомерно, но, к сожалению, в использовании этих терминов применительно к культурологическому познанию возникла очевидная путаница. Если посмотреть на это в самом общем смысле, то можно сформулировать позицию так: признак *интегративности* относится к культурологическому знанию как таковому, а *междисциплинарность* – это характеристика, определяющая конкретный тип научного исследования.

В силу уже не раз обсужденных обстоятельств, культурология произросла из разных корней и, естественно, впитала в себя многое из того, что было накоплено в соответствующих областях науки. Такого рода *интегративность* по рождению вовсе не означает, что, пройдя определенный путь развития, обретая свою «структурно-кристаллическую решетку», институцио-

нальный статус и другие научные атрибуты, наука культурология должна и далее сохранять на себе «родовое пятно» мультидисциплинарного происхождения, выражающегося в ее нахождении «*меж*» различными «нормальными» науками. По сути, такое не укорененное в своей нише, «номадическое» знание, не обладающее признаками самостоятельной научной дисциплины – это не научная дисциплина вообще. Заметим, что если таким образом подходить к вопросу интегративности/междисциплинарности, то немного мы найдем наук, которые не являлись продуктом дифференциации научного знания, не находились, скажем, в процессе становления, в ситуации теснейшего взаимодействия и взаимовлияния с родственными областями. И в этом смысле интегративность – вполне понятная и обоснованная характеристика (хотя, заметим, ее интерпретации в культурологической литературе тоже неоднозначны, но в данном случае мы оставляем это без специального рассмотрения).

Когда же мы говорим не о науке культурологии в целом, а спускаемся на уровень конкретных ПКИ, то здесь прекрасно работает понятие междисциплинарности, предполагающее создание модели изучаемого феномена, максимально полно отражающей его характеристики, а потому включающей результаты полидисциплинарного социокультурного анализа (естественно, если этого требуют задачи).

В огромном числе случаев, несомненно, полномасштабность исследования обеспечивается именно принципом междисциплинарности – будь то вопросы функционирования массовой культуры [см., напр., 7; 15; 3 и др.] межкультурных взаимодействий [11 и др.], современных масс-медиа [4; 8; 14; 28 и др.] и многие другие проблемные зоны исследования. Очевидно, что родственные знания, предоставляемые специалистами в обла-

сти социальной психологии (например, об особенностях, механизмах восприятия тех или иных явлений представителями определенных групп – тинэйджеров, лиц «третьего возраста» и т. п.); социологии (скажем, социально-групповая структура в изучаемом регионе, основания и типология социальной дифференциации и пр.); этнологии и т. п. Учитывая многофакторность практически любого социокультурного явления, его конкретное исследование, в той или иной мере, должно быть междисциплинарным. Повторимся, что это совершенно не то же самое, что утверждение о междисциплинарном характере науки культурологии как таковой.

Отметим одновременно и то, что вряд ли стоит фетишизировать принцип междисциплинарности (сошлемся здесь на позицию Т. Бенета), который, рассматривая проблему интердисциплинарности применительно к одному из типов прикладных культурологических исследований («cultural studies»), подчеркивает, что при всей значимости этого принципа его завышенная оценка ведет к строительству «термитников», возвышающихся над дисциплинарными границами и претендующих на поглощение отдельных исследовательских направлений в рамках социальных и гуманитарных наук [29, Р. 44].

Прикладные культурологические исследования: поиск общего «знаменателя»

Построение прикладного культурологического исследования, в случае принятия предложенной выше его атрибутики, прежде всего, предполагает выявление культурных оснований подлежащего анализу процесса, явления, социальной ситуации; культурных факторов, значимых для рассматриваемого проблемного поля; оценку степени культуросообразности той

или иной изучаемой практики⁷ (политической, экологической, образовательной, здоровьесберегающей, информационной, рекреационной и др.). В совокупности, это, повторим, позволяет выявить (далее – проанализировать, предсказать, спроектировать) те культурно-значимые обстоятельства, которые и требуется прояснить прикладному культурологу для того, чтобы задействовать их в предполагаемой практической деятельности.

Очевидно, что в каждом отдельном случае разработка концептуальной схемы объекта ведется с учетом многих конкретных обстоятельств: цели, задач, предполагаемой/искомой эмпирико-реферативной базы, социального «здесь и сейчас» контекста исследования и др. Однако, при всех частностях и уточнениях, исходная модель анализируемого феномена необходимо опирается на разработки, обеспечивающие культурологическое (в данном случае, с акцентом на культурные факторы и основания) видение того вида социальной практики, того класса социальных явлений, к которым может быть отнесен собственно предмет анализа.

Поскольку, как уже не раз отмечалось выше, мы рассматриваем в качестве проблемного поля прикладной культурологии все социальное пространство, а не какие-то его отдельные зоны, то развитие концептуально-методологической базы ПКИ, объективно мультипредметных и многожанровых, предполагает, на наш взгляд, в качестве одной из задач формирование своего рода компендиума, содержащего описание культурологических моделей всех основных типов социальной практики. Моделей, максимально адекватных их последующей трансформации и использованию в прикладных целях,

⁷ Любопытные примеры использования «оценочного подхода» дает не только исследовательское, но и реально-социальное пространство: скажем, в Иране существует Совет по целесообразности (совещательный орган при высшем руководителе страны). Вероятно, было бы вполне резонно иметь Советы по культуросообразности в каждом социальном сообществе, что было бы важнейшим полем применения и сферой ответственности прикладной культурологии.

о чем уже шла речь выше. Стремлением к реализации этой цели продиктована, в том числе, и подготовка настоящего издания, а также некоторые предшествующие работы [напр., 19]. Однако, пока это, несомненно, лишь частично пройденный путь.

Формирование такого рода справочника предполагает, в том числе, определенное структурирование многообразных видов социальной практики на основе их типологизации. Очевидно, что реально речь может идти лишь о культурологических моделях того или иного типа социальной практики, содержащих описание потенциально/реально значимых точек культурной обусловленности, культуросообразности и др., с последующей видовой дифференциацией внутри каждого из типов (например, управленческий тип деятельности, включающий политическую практику, менеджмент и т. д.).

Построение типологий, как известно, возможно вести на различных основаниях, ориентируясь на различные маркеры-критерии. Один из вариантов, который используется нами в исследовательской и образовательной практике (в частности, в рамках изучения дисциплины «Прикладная культурология»), – это выделение блоков, исходя из целевых характеристик различных видов деятельности.

Исходя из этого основания, можно выделить такие группы социокультурных практик, как: организационно-управленческая (в том числе, политическая, включая культурную политику; менеджмент и др.); жизнеобеспечивающая (хозяйственно-предпринимательская, экологическая, здравоохранительная, гигиеническая и др.); коммуникативная (все поле информационных практик, межкультурные взаимодействия⁸ и др.); социализационно-

трансляционные (образование, воспитание, инкультурационные технологии и др.); креативная (включая все виды творчества – художественного, научного, инноватику и пр.); досугово-рекреативная (развлечения разного рода, туризм, фитнес и многое другое). Осознавая несомненную условность такого рода деления, как и всякой систематизации, отметим, в качестве примера, достаточно полезное использование этой нехитрой структуры при построении тезауруса для библиографического указателя «Прикладная культурология в контексте научного знания» (2003), подготовленного в Российском институте культурологии. Учитывая необходимость свести и соотнести в такого рода классификационных системах тематически разнородные и многообразные исследования, достаточно очевидные и несложные в использовании маркеры оказываются актуально востребованными, а не только предположительно полезными.

Конечно, такая систематизация является по сути лишь стартовой для последующего формирования своего рода матрицы, в которой будет отражено и существование каждого из типов/видов деятельности на обыденном и специализированном уровнях; и более точно (и тонко) будут представлены «пересекающиеся» в типологии круги – ведь, в зависимости от конкретных задач, тот или иной вид деятельности может быть отнесен к разным типологическим группам. Скажем, социализационные элементы вплетены во многие другие практики, целевой ориентацией которых социализация личности не является. Однако, в зависимости от целей (именно прикладного!) исследования, скажем, спорт может с полным основанием рассматриваться как практика социализации в современном

⁸ Под межкультурными взаимодействиями подразумеваются, конечно, взаимодействия не только различных этнических культур (наиболее устоявшаяся, распространенная интерпретация), а и культур (субкультур), различающихся по иным характеристикам: гендерным, возрастным, социально-территориальным и пр. [более подробно см., напр.: 11].

мире. Очевидны и существенные различия, применительно к отдельным видам практики, если принимать во внимание, например, субъекта этой деятельности. Скажем, тот же спорт для профессионального игрока – это практика жизнеобеспечения, а для спортивного фаната – досугово-рекреативная деятельность. И число таких «неоднозначностей», несомненно, постоянно возрастает при переходе от простого разделения практик на основе признака

их целеориентированности, описанного выше, к многомерной, приближенной к социальной реальности матрице.

Однако, осознавая очевидные сложности, как и существование подводных камней, в процессе реализации этой идеи, все же она представляется небесполезной для достижения более четкого, структурированного, а потому полезного и самой практике поля прикладной культурологии.

Литература

1. Акопян К. З. Специфика исторической культурологии как научной дисциплины // Культурология: от прошлого к будущему. – М., 2002. – С. 189–201.
2. Ариарский М. А. Прикладная культурология. – СПб., 2001.
3. Бодрийяр Ж. Общество потребления. – М., 2006.
4. Бурдые П. О телевидении и журналистике. – М., 2002.
5. Быховская И. М. Культурология: от определения к самоопределению // Александрова Е. Я., Быховская И. М. Культурологические опыты. – М., 1996. – С. 7–45.
6. Волков В., Хархордин О. Теория практик. – СПб., 2008.
7. Город развлечений: наблюдения, анализы, сюжеты / под ред. Е. В. Дукова. – СПб., 2007.
8. Досуг, творчество, медиакультура. – Омск, 2005.
9. Ерасов Б. С. Социальная культурология. – М., 2003.
10. Ионин Л. Г. Социология культуры. – М., 2004.
11. Культура «своя» и «чужая». Материалы международной Интернет-конференции / под ред. И. М. Быховской, О. И. Горяиновой. – М., 2003.
12. Культуральные исследования. – СПб.; М., 2006. – Вып. 8.
13. Культурология в системе наук и образования. Аннотир. библиогр. указ. / под ред. Т. С. Федоровой; сост. М. А. Кинсбургская. – М., 2000.
14. Луман Н. Реальность массмедиа. – М., 2005.
15. Массовая культура и массовое искусство. «За» и «против». – М., 2003.
16. Миненко Г. Н. Проблема методологического определения исторической культурологии // Культурология в теоретическом и прикладном измерениях. – М.; Кемерово, 2001. – С. 8–16.
17. Ориентиры культурной политики. Информационный журнал Министерства культуры РФ. – М., 1995–2002.
18. Орлова Э. А. Социокультурные проблемы и формы их решения. – М., 2001.
19. Основы культурологии / под ред. И. М. Быховской. – М., 2005.
20. Прикладная культурология в контексте научного знания. Библиогр. указатель / сост. М. А. Кинсбургская. – М., 2003.
21. Розин В. М. Теоретическая и прикладная культурология. – М., 2007.
22. Розин В. М. Социальные практики как условие становления личности // Личность в социокультурном измерении: традиции и современность. – М., 2007.
23. Савельев В. В. Очерки прикладной культурологии: Генезис, концепции, современная практика. – М., 1993. – Ч. 1, 2.
24. Современные стратегии культурологических исследований: Тр. Ин-та европ. культур. – М., 2000. – Вып. 1.

25. Тенденции социокультурного развития России. 1960–1990 гг. / под ред. И. А. Бутенко, К. Э. Разлогова. – М., 1996.
26. Флиер А. Я. Культурология для культурологов. – М., 2002.
27. Экранная культура в современном медиапространстве: методология, технологии, практики / под ред. Н. Б. Кирилловой. – М.; Екатеринбург, 2006.
28. Электронная культура и экранное творчество / под ред. К. Э. Разлогова. – М., 2006.
29. Benett T. Towards a Pragmatics for Cultural Studies // Cultural Methodologies / J. McGuigan (Ed.). – L., 1997. – P. 42–62.
30. Relocating Cultural Studies: Developments in Theory and Research / V. Blundel, J. Shepherd, I. Taylor (Eds.). – L., 1993.

УДК 130.2

Г. Е. Крейдлин

НЕВЕРБАЛЬНАЯ СЕМИОТИКА И ТЕАТР

В статье рассматривается широкий круг культурологических вопросов, касающихся невербальной коммуникации и современных проблем семиотики в русле лингвистики и искусствоведения. Подробно рассмотрены семиотические аспекты театра и хореографического искусства. Выводы сделаны на основе анализа театральных традиций и в свете развития основных направлений театрального искусства.

Ключевые слова: невербальная коммуникация, невербальная семиотика, семиотические аспекты театра, семиотические аспекты хореографического искусства.

G. E. Kreidlin

NON-VERBAL SEMIOTICS AND THEATRE

The article studies a wide range of culturology issues relating to non-verbal communication and modern semiotics issues in the context of linguistics and art studies. Semiotic aspects of theatre and choreography are considered in detail. Conclusions are made basing on theatrical traditions analysis and according to the main theatric art development trends.

Keywords: non-verbal communication, non-verbal semiotics, semiotic aspects of theatre, semiotic aspects of choreography.

1. Невербальная коммуникация и культура

Едва ли не основная особенность современных семиотики, понимаемой как наука о знаках, знаковых процессах и знаковых системах, и лингвистики заключается в том, что сегодня на наших глазах происходит частичное смягчение или полная

ликвидация многих жестких догм и оппозиций, принятых и узаконенных наукой и искусством XIX и XX веков. Как следствие этих процессов, возникают новые исследовательские принципы, подходы и установки. К ним относится, в частности, признание того факта, что многие задачи, которые лингвистика прежде отказывалась

обсуждать и решать, отбрасывая как нелингвистические, становятся наиболее актуальными и заслуживающими всяческого внимания. Другая установка – это постепенное сближение, вплоть до значительной интеграции интеллектуальных традиций и задач разных дисциплин, связанных с наукой о языке. Речь идет, в частности, о междисциплинарных проблемах и сближении метаязыков, или языков описания, разных наук и видов деятельности и их практической реализации. Наконец, третья установка – это постепенный переход от строгого, жестко формального анализа поверхностной и глубинной структур отдельного предложения к описанию и объяснению реально наблюдаемого употребления языковых единиц в текстах, больших, чем предложение.

Во многом эти новые принципы и установки связаны с изменившимся сегодня взглядом на устную коммуникацию людей, которая стала рассматриваться как область взаимодействия языкового и невербальных знаковых (прежде всего, телесных) кодов.

В устном общении, когда человек говорит, это должно быть не только слышно, но и видно. В разговор включены телесные, или соматические, знаки – жесты и выражения лица, позы, знаковые движения тела и частей тела и др. При этом все эти невербальные знаки функционируют и как единицы отдельных каналов коммуникации и как часть интегрированного целого. Дж. Бавелас [7], подчеркивая важность невербальных средств коммуникации, писала, что «устный дискурс можно считать состоявшимся (real), только если у него есть невербальный аспект» [7, с. 4–9].

Всякая символическая деятельность, будь то вербальная или невербальная семиотическая, превращает людей в актеров, играющих в диалоге различные социальные роли, отвечающие или не отвечающие сценарию, но так или иначе подлежащие

разгадке контрагентом. Речь может противоречить жестовым или даже чисто физиологическим движениям актера, и тогда адресату приходится выбирать – чему верить. И тут, по-видимому, универсальным является приоритет кинетического поведения над речевым поведением.

Замечание. Отрицательное отношение к тому, что человек не способен понять содержание дискурса или неодобрение по поводу излишней доверчивости словам собеседника тоже выражается, но, видимо, не при помощи кинетических единиц, а, в частности, с помощью построенных на их основе фразеологизмов со словом *уши*. Я имею в виду употребление фразеологических сочетаний, описывающих экстраординарное функционирование соответствующего органа, ср. *развешивать/развесить уши, уши вянут, хлопать ушами*.

В наши дни плодотворность расшифровки культурных невербальных кодов и в жизни реальной и в жизни сценической едва ли вызывает сомнения. Существенно, что телесные знаки в культуре и смысловые области, в которых они существуют и проявляют себя, в значительной мере являются национально и культурно специфичными. Если в одной культуре выражения лица, например, закреплены за областью, которую условно можно назвать «мониторинг поведения и управление процессом коммуникации» (это, к примеру, такие выражаемые мимикой эмоциональные смыслы, как раздражение или отвращение в противоположность удивлению или восхищению), то в другой культуре на передний план выступает, скажем, сфера интенсивности эмоции. Выражения лица в такой культуре передают только сильные эмоции – гнев, ярость, ненависть, любовь и др., а слабые эмоции: удовлетворенность, спокойствие, умиротворение, скука и пр. – если и выражаются невербально, то как-то иначе.

Было не раз показано, что за телесными знаками всегда стоят особый тип мышления и национальная культура, обеспечивающие существование и реализацию конкретных способов невербального выражения смыслов. Национальная культура – это определенная *система* представлений. В ней люди живут, воспроизводя данную систему не только в речи и языке, но и в различных семиотических действиях и сферах – в быту, в обряде, в литературе, в ритмической магии танца и пения, в живописи, кино и театре, да и вообще во всяком художественном или общезначимом человеческом акте.

Каждое общество и каждая культура, их отдельные представители тщательно фиксируют телесное поведение членов всего общества или отдельных его групп, интерпретируют это поведение и оценивают его. Вот что, например, пишет об одном из своих любимых педагогов О. М. Фрейденберг: (1) «С веселым, шумным нетерпением все ждали Толстого [Ивана Ивановича – Г. К.] <...>. Наконец, он пришел с тросточкой в руках. Вид и манеры Толстого вызвали у меня гомерический смех. Не в силах побороть неудержимого хохота, я, чувствуя, что все равно уже погибла, положила голову на руки и умирала от смеха. И. И. Толстой был смуглый и черный, как цыган. Вертлявый. Мы потом так прозвали его поведение «ручкам, ножкам» (т. е. ручками-ножками). Он жестикулировал, как итальянец, явно утрируя. Утрировка была его главной и «особой приметой». Этот граф не чувствовал никакой меры. Он походил на клоуна. Множество лет спустя, когда Толстой стал академиком, он вкладывал в свою утрированную жестикуляцию и фразеологию характер демократичности, стучал по столу, делал «непосредственные жесты», кричал «здорово!». В соединении с риторическими приемами, искусственной модуляцией голоса, эта условная демократичность, раз-

вязность жестикуляционных рук делала из Толстого «любимца публики». Он работал над завоеванием успеха, когда выступал; аплодисменты манили его, как актера, цветы, корзины цветов, букеты маячили ему во время публичных выступлений; он читал, думая об аудитории, ни на миг не забывая ее, ухаживая и обольщая ее, как женщину, и бывал опьянен своим успехом (Фрейденберг О. М. Университетские годы).

А вот еще характерные примеры важности телесного поведения:

(2) Походка – полет человека. // По этому признаку мы // Узнаем танцора, калеку // И выпущенного из тюрьмы. // Походка – само красноречье // Восторгов надежд и обид. // Вот – к счастью стремится навстречу, Вот – движется, хоть и убит... // Походка – ритмический почерк. // Познающему ходит добряк // И злюка, спортсмен и рабочий, // Два брата – мудрец и дурак. // С солдатами возятся много, // Чтоб всех обезличить гуртом, // Но только влюбленные в ногу // Идут, не заботясь о том. (Николай Шатров (1929–1977), НЛО, № 2, 1993, с. 304–305).

(3) На черном гранитном цоколе незнакомец, вытянув перст в направлении континента, казалось, гнал кого-то прочь... Кто же это?... Его дед... Да никогда бы он не позволил себе такой нелепый жест: он был спокойным и уравновешенным человеком. Характер – не сахар, ничего не скажешь! Все ему подчинялись. Но когда он гневался, то только сжимал кулаки. ...Может, этот указующий перст означал, что и его самого гнали прочь? ... Но в душу уже закралось чувство тревоги. Может, из-за того, что перст указывал куда-то, где простирался город. «Убирайся... Нет тебе тут места...» (Буало-Нарсежак. Остров).

(4) Ты запрокидываешь голову –
Затем, что ты гордец и враль.

Какого спутника веселого

Привел мне нынешний февраль! (это М. Цветаева писала О. Мандельштаму).

(5) Почти смешной: телосложение пингвина, походка, как у Чарли Чаплина. Повадка щегла – лицо донельзя человеческое – и божественный ум! (Лурье С. Миндальное дерево железный колпак. Частности (об О. Мандельштаме, с. 216).

2. Невербальные знаки в танце

Особое место в искусстве занимают художественные подсистемы невербальных языков балетного театра и танцев, такие, как, например, язык индийского классического танца *abhinaya* [9]. Главная роль в этом танце, известном более чем 2000 лет, отводится рукам, причем символическое значение приписывается самым разным положениям рук и их движениям, *hasta*, а также ориентации рук относительно головы и корпуса танцора. Некоторые исследователи, например, Секвейра [10], выделяют в языке танца *abhinaya* два отдельных подязыка. Это – подязык знаковых движений одной руки, *asamyutta*, и подязык парных знаковых движений двух рук, *samyutta*. Особенно значимым среди жестов, инкорпорированных в этот танец, является поведение пальцев (подобно мудрам⁹). Семантически нагруженными оказываются положение пальцев, в том числе способ и степень их наклона относительно вертикали, характер движения пальцев,

наличие/отсутствие пространства между пальцами, даже позиция остальных пальцев по отношению к большому пальцу.

Жестовая, ритмическая и музыкальная подсистемы танца *abhinaya* соотносятся сложным образом: грамматика соотношения единиц разных подсистем еще более прихотливая, чем совокупность правил употребления знаков в пределах одной из них. Этот танец сложный по форме и символично-ритуальный по смыслу, но и, казалось бы, на первый взгляд простая система европейского и латиноамериканского бального танго представляет собой особую область культуры со своим невербальным знаковым кодом, со своим этикетом и церемониалом. Так, на милонгах, на танцевальных вечерах, где танцуют исключительно танго, мужчины приглашают на танец даму взглядом, или, реже, кивком, а легкий кивок с ее стороны без каких-либо сопутствующих слов означают согласие.

Блоки милонги состоят из четырех музыкальных частей-композиций, и с началом каждой по этикету полагается поговорить о чем-то с партнером и только спустя какое-то время приступить к танцу. Согласно канону танго и милонги, мужчина всегда является ведущим партнером, а женщина должна следовать его воле, причем танцевать танго принято мол-

⁹ Мудра (от санскритского слова, обозначающего «печать, знак») в индуизме и буддизме – это символическое, ритуальное расположение кистей рук, особый лечебный и ритуальный язык жестов рук. Его иногда называют метафорически как «здоровье на кончиках пальцев». Искусство мудр, как совокупности особых положений пальцев, возникло в Китае более двух тысяч лет назад. Считается, что шесть основных энергетических каналов, связанных с сердцем, легкими, мозгом, печенью, селезенкой, кишечником и сосудистой системой, проходят по рукам и пальцам человека. Именно поэтому рука и пальцы обладают огромной целительной силой. Соединяя пальцы в определенных комбинациях, можно направить энергию по всему телу, восстановить поток энергии и устранить нарушения в больных частях тела, телесных системах, внутренних органах и других типах соматических объектов.

Систематически выполняя мудры, уже через неделю ощутите улучшение состояния. При острых заболеваниях облегчение наступает через несколько дней, а то и часов. Некоторые мудры действуют даже мгновенно! При хронических недугах стойкий эффект наступает по прошествии нескольких недель.

Научиться складывать пальцы в целительные комбинации несложно – надо лишь повнимательнее присмотреться к фотографиям.

Выполнять мудры лучше в спокойной обстановке, лицом на восток. Но в случае необходимости их можно делать где угодно – на прогулке, в транспорте, на работе во время обеденного перерыва.

При этом совершенно неважно, сидите вы, стоите или идете.

ча и не касаться других танцующих пар. Если после тура танца партнер благодарит партнершу (словами или благодарным кивком – безразлично), то это означает, что он с ней больше танцевать не хочет. Кстати, во время танцевальных туров милой люди вообще часто меняют партнеров, так как считается, что новый партнер или партнерша дарят вам новые ощущения и новую энергетику.

В России танец и балет играл особую роль в XIX веке вплоть до начала XX века. «Танцовщики играли в драматических пьесах, трагика танцевали» [3, с. 82]. Танец был одним из социальных навыков, который нужен был для продвижения наверх по ступеням имперской чиновничьей иерархии.

Говоря о теме танца в «Евгении Онегине», Уильям Тодд III связывал знаковые танцевальные элементы с миром России XIX века» [6]. Он относил обозначения этих элементов к числу важнейших единиц художественного повествования, которое, в качестве факта литературы, отражает культурные процессы, включая балет и танец. Хореография помогает реконструировать развитие персонажей и отношения между персонажами и окружающим их миром. Евгений Онегин, который «легко мазурку танцевал и кланялся непринужденно» был искушен в светских занятиях своего круга. Он легко танцует довольно трудный танец мазурку, непринужденно, то есть с легкостью исполняет непростые движения, – поклоны (а это не небрежные кивки при встрече!).

Искусству кланяться молодые люди обучались вместе с танцами. Учителя танцев разрабатывали особые правила красивого положения корпуса, головы и ног при поклоне. В руководстве 1825 года одного из известных учителей танцев Людовика Пе-

тровского сказано, что две вещи – ходить и кланяться – принадлежат к самым нужным в светском обществе. «При появлении в обществе незнакомца, прежде чем узнают о его достоинстве, обращают внимание на вид его и движение. Как в походке, так и в поклонах – разные способы! Многое зависит здесь от характера, состояния, образования. Характер пылкий обнаруживается в живости походки и поклонов. Ежели кто в важной находится должности, тому самая степень воспрещает лишнюю живость. Наконец, человек благовоспитанный сам знает, где и какой поклон сделать должно. От тех, которые никогда не обращали внимания, как прилично ходить, сидеть, кланяться, – ничего приятного ожидать нельзя». Онегин столь же искушен и во многих других светских умениях и искусствах, например во французском языке или в любовной игре (в «науке страсти нежной»). Умение разговаривать, танцевать, кланяться, приятно ухаживать и флиртовать¹⁰ было признаком человека светского, или *comme il faut* (вспомним деление людей Николенькой Иртеньевым из «Юности» Л. Толстого на людей *comme il faut* и *comme il ne faut pas*, то есть светски воспитанных и невоспитанных).

Как пишет об Онегине У. Тодд, «ловкость Евгения <...> имплицитно сопоставлена с виртуозностью Истоминой, его равнодушие – с авторской увлеченностью танцем, его формальное поведение – с вдохновением и «поэзией» Дидло [цит. по: 6, 187]. Единство души и техники, воплощенное в слове полет, использование механических «полетов», когда танцоры кружились в воздухе, было одним из изобретений Шарля Луи Дидло, которое он использовал в своих мифологических и анакреонтических, как поэзия, русских балетах в Петербурге.

¹⁰ Г. А. Гуковский вообще отказывал Онегину (явно не справедливо, о чем подробно сказано в статье Пеньковского [5]) в способности к подлинной любви и страстям. Он писал, что в Онегине «заглушено все прекрасное и возвышенное. Он знает только флирт и порок» [2, с. 198].

В танце – союзе «волшебных звуков, чувств и дум» – все сливается воедино. Ср. в «Евгении Онегине» А. Пушкина: «Блистательна, полувоздушна, Смычку волшебному послушна, Толпою нимф окружена, Стоит Истомина; она, Одной ногой касаясь пола, Другую медленно кружит, И вдруг прыжок, и вдруг летит, Летит, как пух от уст Эола; То стан совет, то разовьет, И быстрой ножкой ножку бьет» (I, 20). Но Онегин пропускает волшебный сценический танец Истоминой. Опоздав, он идет меж кресел по ногам и затем наводит лорнет на «ложи незнакомых дам». Именно таким способом, по контрасту с состоявшимся танцем передается скука Евгения: «С мужчинами со всех сторон: «Раскланялся, потом на сцену В большом рассеянье взглянул, Отворотился – и зевнул, И молвил: «Всех пора на смену; Балеты долго я терпел, Но и Дидло мне надоел» (I, 21). На фоне идеально облагораживающей атмосферы бала и его социальных и культурных функций описываются страдания и социальное разобщение героя.

А в деревнях мелкопоместное дворянство и помещики, балансируя между культурой крепостных людей и культурой городской аристократии, имели возможность использовать обе танцевальные традиции и культуры. И народный танец – хоровод – в юношеской лирике поэта обозначал любой круговой танец, реальный – греческий, черкесский – или воображаемый. Между тем в «Евгении Онегине», как справедливо заметил У. Тодд, дело обстояло иначе. Пушкин, описывая деревенскую жизнь, передает именно русскую народную специфику; не случайно помещики Ларины сохраняют приметы народного крестьянского танца. Хоровод – это одна из привычек милой старины, которую Ларины «хранили в жизни мирной».

Танец является отражением конвенционального процесса порождения невер-

бального текста по заданному смыслу и как знаковая система искусства, и как тип невербального знакового социального поведения, способен воплотить многие из высших ценностей романа – творчество, красоту, жизненную силу и поэзию (понятую как соединение смысла и техники).

3. Невербальные знаки в драматическом театре

Теперь о драматическом театре. Театральная инсценировка литературного произведения или его переложение, например, всегда осуществляются в рамках некоторой театральной и, шире, культурной традиции. Они предполагают, в частности: (а) аутентичное воссоздание вещных элементов культурных традиций – предметов быта, культа, технических устройств. Это одежда, мебель, ордена, старинные экипажи, современные автомобили и др. – так сказать, реквизит театральной культуры и (б) внимание к пространственному и телесному аспектам, то есть к тем сторонам театра, которые здесь меня преимущественно будут интересовать.

Я начну с пространственного компонента и пространственного поведения актеров в театральной инсценировке.

В своем руководстве по проксежному поведению Э. Холл пишет: «Изучение культуры в ее пространственном аспекте – это изучение того, как люди, находящиеся в разных эмоциональных состояниях, окружениях и контекстах, люди, совершающие различные действия и вступающие в различные отношения, пользуются своими способностями к восприятию пространства» [8, с. 2]. В инсценировке театральному режиссеру важно осознать, что каждый народ видит пространственное устройство бытия в особой проекции, которую можно назвать **национальная концептуализация пространства** [4].

Одним из любимых предметов проксемики – науки о коммуникативном простран-

стве человека и знаках пространственного поведения – является семиология дома, то есть наполнение культурными смыслами разных частей дома, прежде всего основных личных территорий человека. Почему бельэтаж традиционно считается хорошим этажом, а для простолюдинов обычно отводят первые этажи, или почему вообще верхняя часть дома во многих культурах издревле считалась чистой, а нижняя – нечистой? Какова пространственная организация дома, например символика углов дома и его частей, и как она выражается в языке? Какое пространство мыслится людьми как свое, а какое – как чужое? Эти и многие другие подобные вопросы сегодня интересуют и специалистов в области проксемики и лингвистов.

Культурные представления о пространстве и коммуникации в нем людей находят отражение в сценических постановках. Столкновение категорий бытия и ничто и их семиотических проявлений в более частных оппозициях – жизни и смерти, любви и разлуки, приезда и отъезда, деятельности и бездействия (апатии), закономерности и случая, осмысленности и случайности – все эти полюса и пределы выражаются в рамках пространства сцены и в сценическом действии.

Например, в корейском театре отражаются корейские верования и необычные с нашей точки зрения представления о пространственном устройстве дома. Зритель корейского театра должен знать, что если на сцене появляется дом и комнаты, то (а) в каждой точке пространства дома живут духи, помогающие в повседневных делах, заботящиеся о жителях дома, защищающие их от бед, несчастий и пр. Так, в зале с деревянным полом **maru** живет дух – хранитель дома Сонгджу, а в женской половине дома – дух Самсин. В кухне живет Джованг, во дворе – Тод-

жу, а в туалете – Тыксин. И каждый из них исполняет свою роль, не вмешиваясь в деятельность других. Самсин управляет деторождением, Тоджу охраняет двор от злых духов и пр. Зритель должен также понимать, (б) что **magu** – самое важное место в доме (есть гипотеза, что слово произошло из эвенкийского **malu** ‘святое место’). Это место в центре жилища, и многие обряды проводятся там. Именно поэтому на сцене **magu** всегда в центре. Дух Сонгджу, который там обитает, часто отождествляется со старшим, главным мужчиной в доме, принимая вид хозяина дома. Наконец, он должен знать, (в) что «тело» Сонгджу символизирует бумажный конверт, обвязанный ниткой, или глиняный горшок с рисом. Они ставятся в комнате, то есть на соответствующем месте сцены, там, где **magu**, то есть где чистое и святое пространство, или обвязывают бумагу вокруг главного столба, держащего крышу.

Питер Брук, один из великих теоретиков театра и исследователей театрального языка в своей книге «The Empty Space» («Пустое пространство») утверждает, что слова в пьесе – это лишь конечный элемент процесса, зародившегося как импульс. Этот процесс начинается в драматургии и повторяется в театре [1, с. 12]. Театр часто обращается к внеязыковой форме, обыгрывая ее. К. С. Станиславский, едва ли не главный теоретик театра XX века, делил актерскую игру на три компонента: внешнее действие, словесное действие и внутреннее действие. П. Брук рассматривал, соответственно, паралингвистику и кинеснику как знаковые системы, наследующие словесному коду и противоположные ему. В «безжизненно однообразном», или, по Бруку, «мертвом», театре жесты шли за текстом, за режиссерским и актерскими замыслами. Однако, как отмечает в своей работе 1999 года «Паралингвизм в театрах и

международные театральные фестивали» македонский специалист, по-видимому, театровед Саша Огненовский, примерно в середине XX века то, что Тартюф у Мольера обладает лицемерием, стало возможным понять непосредственно из неязыковых структур, раскрывающих его внутреннюю сущность. Да и Гамлет тоже, добавлю, – это вовсе не тот человек, который не знает, что ему делать перед лицом постигшей его и его семью трагедии. Если заменить шепот плачем, а горестные или возмущенные, но вместе с тем пассивные жесты Гамлета яростными и энергичными, то зрителю откроется новый Гамлет, прекрасно осознающий свой удел (это замечание в частном письме ко мне сделала известный исследователь театра, переводчик и режиссер из Санкт-Петербурга Татьяна Боборыкина). В самом деле, Гамлет должен придумать план для достижения своих целей – вот что вытекает из его неязыкового поведения, а отсюда и возможной становится и жестовая травестия.

А македонская театральная паралингвистика, по Саше Огненовскому, делится на два эмоционально окрашенных направления: 1. Положительное, или **Ликование**, показателями которого являются, например, смех и крики радости в македонских народных танцах, «ога». Более сложные явления – это свадьба, рождение ребенка, крещение, любовные и сексуальные отношения. Последние формы театрального искусства в течение многих лет были табуированы из-за турецкого (исламского) рабства. 2. Отрицательное, или **Страдание**. Параязыковые показатели страдания – это грустные вздохи, крики, всхлипывания, плачи, рыдания (в частности, сопровождающие разлуку), а также болезни, смерть или похороны. Например, разлука после первой брачной ночи, когда сладостная агония полового акта переходит в кри-

ки страдания на войне. Невербальная знаковая компонента театрального спектакля, особенно эмоционального плана, как полагает С. Огненовский, – наиважнейшая.

Вернемся к сценическому пространству. Сценическое пространство наделяется многими смыслами и означает многими способами. В семиологии театра, то есть в существующих общих механизмах и моделях семиотизации, а также в конкретных средствах и приемах насыщения смыслами различных частей сцены и зрительного зала, важно различать переднюю и заднюю части сцены, соотношение центра и периферии сценического пространства, а также пространство актеров и пространство зрителей. Выделенные пространственные противопоставления (оппозиции) в процессе означивания становятся важными знаковыми оппозициями и в кругу ряда других формируют мир театра и театрального действия.

Знаки, вступающие в эти оппозиции, имеют каждый определенную форму и смыслы, кодифицированные в языке театра. Например, пустая сцена может служить показателем условности театра и театральной игры, а может быть знаком пустоты, наступающей после войн, эпидемий и других трагических исторических событий. Пустое пространство может выражать молчание страны и молчание человека, вызванное, например, болезнью или сильным душевным потрясением, эмоциональным шоком. Пустая сцена является также знаком начала спектакля, знаком его прерывания или знаком окончания.

К проксемным театральным знакам примыкают знаки невербальных языков декораций (сценического оформления), одежды, грима, света и предметных знаков (то есть бутафории и реквизита, превратившихся на сцене в знаки) – типа тех предметных знаков, о которых мы говори-

ли при обсуждении корейского театра, и знаки еще многих других семиотических систем. Так, декорации могут быть связаны с режиссерской концепцией спектакля или прямо, непосредственно, или косвенно. В последнем случае они несут дополнительный и образуют своеобразный изобразительный текст (или подтекст). Текст этот – иногда иронический, иногда гротескный, ср., например, эскиз декорации С. Дали к балету «Лабиринт» (1941) или декорации В. Симова к знаменитому спектаклю Московского Художественного театра по пьесе М. Горького «На дне» (1902) в постановке К. С. Станиславского и В. И. Немировича-Данченко. В декора-

циях, как и в других театральных знаковых системах, отражается национальная и культурная специфика народа или социальной его группы.

В «немых» предметных знаках и «говорящих» жестах, крика и шепоте и паразыковых знаках, в других компонентах театрального процесса таятся не только драматические модели предшествующих исторических эпох, но и новые культурные тенденции. Задача невербальной семиотики применительно к театру и театральной деятельности – связать эпохи и тенденции «до того не имевшие друг о друге никакого представления» с днем сегодняшним и его проблемами.

Литература

1. Брук Питер Пустое пространство («The Empty Space»). Секретов нет (пер. с англ.) – М.: «Артист. Режиссер. Театр», 2003.
2. Гуковский Г. А. Пушкин и проблемы реалистического стиля. – М., 1957.
3. Красовская В. М. Русский балетный театр. От возникновения до середины XIX века. – Л., 1958.
4. Крейдлин Г. Е. Невербальная семиотика. – М.: «Новое литературное обозрение», 2002.
5. Пеньковский А. Б. О страсти и страстях, или умел ли Онегин любить, или как читать Пушкина // Пушкин и поэтический язык XX века. Сборник статей, посвященный 200-летию со дня рождения А. С. Пушкина. – М.: Наука, 1999. – С. 42–59.
6. Тодд III У. «Русской Терпсихоры душой исполненный полет» (тема танца в «Евгении Онегине») // Пушкинский сборник (сост.: Игорь Лощилов, Ирина Сурат). – М.: Три квадрата, 2005. – С. 184–209.
7. Baverlas J. V. Nonverbal and social aspects of discourse in face-to-face interaction // Text. Berlin (West), 1990. vol. 10. – № 1–2, P. 4–9).
8. Hall E. T. Handbook of proxemic research. – Washington, DC: Society for the Anthropology of Visual Communication, 1974.
9. La Meri. The gesture language of the Hindu dancing. – New York, 1941.
10. Sequeira R. An Indian approach to movements, gestures and dance // Gestures: meaning and use. Papers for the First International Conference on Gestures: Gesture, Meaning and Use. – Oporto [Portugal]: Universidade Fernando Pessoa, 2001.

ПЕДАГОГИКА И СОЦИАЛЬНО-ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ PEDAGOGICS AND SOCIO-PEDAGOGICAL ACTIVITY

УДК 338.48

Н. Ф. Веретнова

К ВОПРОСУ О МЕТОДИКЕ ОЦЕНКИ КАЧЕСТВА АНИМАЦИОННЫХ УСЛУГ В ТУРИСТИЧЕСКОМ СЕРВИСЕ

В статье обсуждаются вопросы повышения качества анимационных услуг в туристическом сервисе. Раскрываются преимущества исследовательского подхода, основанного на применении метода анализа иерархий (МАИ), разработанного Т. Саати. Обобщается материал проведенного конкретно-эмпирического исследования, демонстрирующий продуктивность введения количественных параметров с целью повышения объективности оценок качества предоставляемых анимационных услуг в названной сфере деятельности.

Ключевые слова: анимация, анимационные услуги, метод анализа иерархий, туристический сервис, шкала Саати.

N. F. Veretnova

ON THE ISSUE OF METHODS OF EVALUATING ANIMATION SERVICES IN TOURISM QUALITY

The article discusses the issues concerning improving the quality of animation services in tourist business. It reveals the advantages of a research approach based on applying the hierarchy analysis method (HAM) developed by T. Saati. It systematizes the material of the conducted empiric research demonstrating the effectiveness of introducing quantity parameters to increase the objectiveness of evaluating the quality of animation services provided in the said area of activity.

Keywords: animation, animation services, hierarchy analysis method, tourist business, Saati scale.

В настоящее время все большее внимание в научных исследованиях и в практике социального сервиса и туризма уделяется вопросам анимации, о чем свидетельствует появление большого количества публикаций и монографических изданий данной тематики [см.: 1 и др.]. В словарном определении под туристической анимацией понимается «...комплекс оперейтинга по разработке и предоставлению специальных программ проведения свободного времени» [2, с. 30]. В уточненной дефиниции туранимация – это «...оживление отдыха и организация непосредственных впечатлений от личного участия в мероприятиях <...> Туристская услуга, при оказании которой турист вовлекается в активное действие. Основана на личных контактах

аниматора с туристами, на их совместном участии в развлечениях» [3, с. 104].

В сфере туризма теоретические аспекты анимации находят практическое воплощение в содержательно-рекреационной практике, на рынке туруслуг. Оценка качества предоставляемых в туристическом сервисе анимационных услуг является сложной проблемой в силу многочисленности и разнообразия предполагаемых критериев. Один из подходов, применяющихся в гуманитарных науках к решению подобных проблем, основан на получении информации от экспертов с помощью специально разработанных опросников или анкет. При таком подходе оценка качества исследуемого явления чаще всего представляет собой суммарный балл

оценок, данных экспертами при ответе на ряд вопросов. Недостатком такого подхода является то, что все составляющие рассматриваемого явления учитываются с одинаковыми весовыми коэффициентами, хотя их влияние на показатель качества может быть различным. На наш взгляд, более адекватным в решении данной проблемы является подход, основанный на применении метода анализа иерархий (МАИ) [см.: 4] и позволяющий определить приоритеты в комплексе составляющих изучаемого явления. Имеется успешный опыт применения данного метода в образовательной сфере [см.: 5].

Суть МАИ заключается в следующем. На первом этапе необходимо осуществить декомпозицию проблемы на сравнительно простые составляющие. Для этого изучаемое сложное явление, оценку которого мы хотим получить, представляется в виде иерархии компонентов. Для анализа приоритетов составляющих на каждом уровне иерархии формируются матрицы парных сравнений. Каждая из них является обратной симметричной, т. е. $a_{ij} = 1/a_{ji}$, где $a_{ij} = v_i/v_j$. Для установления относительной важности элементов иерархии используется шкала отношений, которая позволяет лицу, принимаемому решение, ставить в соответствии степени предпочтения одного сравниваемого объекта перед другим некоторые числа. Для построения матриц парных сравнений может быть использована шкала Саати [1] (см.: табл. 1).

Таблица 1

Шкала Саати

Шкала	Определение	Объяснение
1	Одинаковая значимость	Действия вносят одинаковый вклад в достижение цели
3	Некоторое преобладание одного действия над другим	Легкое предпочтение одному действию перед другим

Шкала	Определение	Объяснение
5	Существенная или сильная значимость	Сильное предпочтение одному действию перед другим
7	Очень сильная или очевидная значимость	Предпочтение одного действия перед другим очень сильно
9	Абсолютная значимость	Свидетельства в пользу предпочтения одного действия другому в высшей степени убедительны
2, 4, 6, 8	Промежуточные значения между соседними значениями шкалы	Ситуация, когда необходимо компромиссное решение

Вектор приоритетов по соответствующей матрице парных сравнений определяется по следующему алгоритму:

1. Найти главный собственный вектор, соответствующий наибольшему собственному значению матрицы парных сравнений. Оценка компонентов главного собственного вектора осуществляется следующим образом. Например, *i*-ая компонента собственного вектора a_i определяется как среднее геометрическое компонент данной строки по формуле:

$$a_i = \sqrt[n]{a_{i1} \cdot a_{i2} \cdot \dots \cdot a_{in}} \quad (1)$$

2. Найти сумму элементов собственного вектора:

$$a = \sum_{i=1}^n a_i \quad (2)$$

3. Тогда компоненты вектора приоритетов $\bar{w} = (w_1, w_2, \dots, w_n)$ определяются по формуле: $w_i = \frac{a_i}{a}$ (3)

Для оценки согласованности мнений экспертов используются следующие показатели: λ_{\max} – наибольшее собственное значение матрицы суждения; ИС = $(\lambda_{\max} - n) / (n-1)$ – индекс согласо-

ванности (дает информацию о степени нарушения согласованности оценок экспертов), где n – размерность матрицы; $OC = IC / \alpha$ – отношение согласованности, где α – случайная согласованность (известное значение, зависящее от размера матрицы и определяемое из табл. 2). Оценки экспертов считаются согласованными, если значение OC меньше либо равно 0, 1.

Таблица 2

Значение показателя, характеризующего случайную согласованность, в зависимости от размера матрицы

Размер матрицы	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
Случайная согласованность α	0	0	0,58	0,9	1,12	1,24	1,32	1,41	1,45	1,49

После того как построены матрицы парных сравнений для составляющих всех уровней и найдены приоритеты сравниваемых критериев, начинается второй этап, называемый иерархическим синтезом. Иерархический синтез осуществляется в целях определения вектора приоритетов составляющих нижнего уровня относительно фокуса иерархии.

Рассмотрим возможность применения данного подхода для получения весовых коэффициентов составляющих оценки качества предоставляемых анимационных услуг.

На первом этапе строится многоуровневая иерархическая модель «Качество предоставляемых анимационных услуг» (рис. 1). Данная иерархическая модель отражает «фокус» иерархии – самого оцениваемого явления на двух уровнях. Первый уровень иерархии состоит из трех составляющих: 1.1 – образовательной, 1.2 – культурологической, 1.3 – воспитательной. Второй уровень модели представляет собой структурные составляющие

первого уровня иерархии. Так, образовательная составляющая 1.1 делится на четыре компоненты: 2.1.1 – формирование самосознания, 2.1.2 – развитие способности целенаправленно «строить себя», 2.1.3 – формирование избирательного отношения к прошлому опыту, 2.1.4 – формирование потребности в самосовершенствовании и самообразовании. Культурологическая составляющая 1.2 состоит из пяти компонент: 2.2.1 – создание условий самоопределения; 2.2.2 – формирование целостности, гармонии в достижении знаний, осуществлении мыслительных операций, действий; 2.2.3 – формирование социальной устойчивости; 2.2.4 – формирование продуктивной включенности общественной, профессиональной жизни; 2.2.5 – создание психологического комфорта. Воспитательная составляющая 1.3 состоит из четырех компонент: 2.3.1 – воспитание патриотизма, 2.3.2 – воспитание толерантности, 2.3.3. – воспитание высоких моральных качеств, 2.3.4 – формирование широких связей с миром.

После создания многоуровневой иерархической модели были построены матрицы парных сравнений для компонент каждого уровня иерархии и вычислены коэффициенты приоритетов всех составляющих (см. табл.: 3–6).

Таблица 3

Составляющие качества предоставляемых анимационных услуг

Составляющие оценки качества предоставляемых анимационных услуг	1.1. Образовательная	1.2. Культурологическая	1.3. Воспитательная	Коэффициенты приоритетов
1.1. Образовательная	1	1/7	1/3	0,080961
1.2. Культурологическая	7	1	5	0,730645
1.3. Воспитательная	3	1/5	1	0,188394
	$\lambda_{\max} = 3,06$	ИС=0,03	СИ=0,58	ОС=0,06

Анализ результатов, представленных в табл. 3, позволяет сделать вывод о том, что наиболее значимое влияние на оценку качества предоставляемых анимационных услуг оказывает культурологическая составляющая.

Рис. 1. Многоуровневая иерархическая модель оценки качества предоставляемых анимационных услуг

Таблица 4

Компоненты образовательного блока оценки качества предоставляемых анимационных услуг

Компоненты образовательного блока 1.1. Качества предоставляемых анимационных услуг	2.1.1. Формирование самосознания	2.1.2. Развитие способности целенаправленно «строить себя»	2.1.3. Формирование избирательного отношения к прошлому опыту	2.1.4. Формирование потребности в самосовершенствовании, самообразовании	Коэффициенты приоритетов
2.1.1. Формирование самосознания	1	3	5	9	0,611666
2.1.2. Развитие способности целенаправленно «строить себя»	1/3	1	3	5	0,268332
2.1.3. Формирование избирательного отношения к прошлому опыту	1/5	1/3	1	3	0,120002
2.1.4. Формирование потребности в самосовершенствовании, самообразовании	1/9	1/5	1/3	1	0,052644
	$\lambda_{\max}=4,07$	ИС=0,027	СИ=0,9		ОС=0,03

Из приведенной таблицы видно, что наиболее значимой компонентой образовательного блока является компонента формирования самосознания.

Таблица 5

Компоненты культурологического блока качества предоставляемых анимационных услуг

Компоненты культурологического блока оценки качества предоставляемых анимационных услуг	2.2.1. Создание условий самоопределения	2.2.2. Формирование целостности, гармонии в достижении знаний, осуществлении мыслительных операций, деятельности	2.2.3. Формирование социальной устойчивости	2.2.4. Формирование продуктивной включенности общественной и профессиональной жизни	2.2.5. Создание психологического комфорта	Коэффициенты приоритетов
2.2.1. Создание условий самоопределения	1	5	1/3	3	7	0,26383
2.2.2. Формирование целостности, гармонии в достижении знаний, осуществления мыслительных операций, действий	1/5	1	1/7	7	3	0,06363

Компоненты культурологического блока оценки качества предоставляемых анимационных услуг	2.2.1. Создание условий самоопределения	2.2.2. Формирование целостности, гармонии в достижении знаний, осуществлении мыслительных операций, деятельности	2.2.3. Формирование социальной устойчивости	2.2.4. Формирование продуктивной включенности общественной и профессиональной жизни	2.2.5. Создание психологического комфорта	Коэффициенты приоритетов
2.2.3. Формирование социальной устойчивости	3	7	1	5	9	0,510039
2.2.4. Формирование продуктивной включенности общественной и профессиональной жизни	1/3	1/7	1/5	1	5	0,129574
2.2.5. Создание психологического комфорта	1/7	1/3	1/9	1/5	1	0,032918
	$\lambda_{\max} = 5,24$	ИС=0,06	СИ=1,12			ОС=0,05

Наиболее значимой компонентой культурологической составляющей является компонента, отвечающая за формирование социальной устойчивости.

Таблица 6

Компоненты воспитательного блока качества предоставляемых анимационных услуг

Компоненты воспитательного блока 1.3. оценки качества предоставляемых анимационных услуг	2.3.1. Воспитание патриотизма	2.3.2. Воспитание толерантности и собственной национальной идентичности	2.3.3. Воспитание высоких моральных качеств	2.3.4. Формирование широты связей с миром	Коэффициенты приоритетов
2.3.1. Воспитание патриотизма	1	1/2	6	2	0,293695
2.3.2. Воспитание толерантности и собственной национальной идентичности	2	1	7	3	0,477717
2.3.3. Воспитание высоких моральных качеств	1/6	1/7	1	1/5	0,049295
2.3.4. Формирование широты связей с миром	1/2	1/3	5	1	0,179293
	$\lambda_{\max} = 3,064518$	ИС=0,021077	СИ=0,58		ОС=0,03634

Наиболее значимой компонентой воспитательного блока является компонента, отвечающая за формирование толерантности и собственной национальной идентичности.

После построения всех матриц парных сравнений и определения приоритетов сравниваемых компонент, выполняется иерархический синтез, после которого

каждая компонента второго уровня иерархии получает значение весового коэффициента, отражающего степень влияния данной составляющей на оценку качества предоставляемых анимационных услуг.

В таблице 7 представлены коэффициенты приоритетов составляющих нижнего уровня иерархии, полученные путем иерархического синтеза.

Таблица 7

Приоритеты составляющих второго уровня иерархии

Составляющая второго уровня иерархии	Коэффициент приоритета
2.1.1. Формирование самосознания	0,049521
2.1.2. Развитие способности целенаправленно «строить себя»	0,021725
2.1.3. Формирование избирательного отношения к прошлому опыту	0,009716
2.1.4. Формирование потребности в самосовершенствовании, самообразовании	0,004262
2.2.1. Создание условий самоопределения	0,192769
2.2.2. Формирование целостности, гармонии в достижении знаний, осуществлении мыслительных операций, действий	0,046495
2.2.3. Формирование социальной устойчивости	0,372657
2.2.4. Формирование продуктивной включенности общественной и профессиональной жизни	0,094672
2.2.5. Создание психологического комфорта	0,024051
2.3.1. Воспитание патриотизма	0,05533
2.3.2. Воспитание толерантности и собственной национальной идентичности	0,089999
2.3.3. Воспитание высоких моральных качеств	0,009287
2.3.4. Формирование широты связей с миром	0,033778

На втором этапе оценки качества предоставляемых анимационных услуг эксперты оценивают по 10 балльной шкале каждую составляющую этой оценки, где 0 означает низкий уровень формирования данной компоненты (полное отсутствие качества),

10 – наиболее высокий уровень формирования данной компоненты. Искомая оценка качества представляет собой взвешенную сумму оценок составляющих. Рассмотрим в качестве примера расчет оценки качества трех мероприятий (см.: табл. 8).

Таблица 8

Расчет оценок качества предоставляемых анимационных услуг трех мероприятий

	Значение составляющей оценки качества предоставляемых анимационных услуг		
	Мероприятие 1	Мероприятие 2	Мероприятие 3
2.1.1. Формирование самосознания	9	2	3
2.1.2. Развитие способности целенаправленно «строить себя»	7	4	2

	Значение составляющей оценки качества предоставляемых анимационных услуг		
	Мероприятие 1	Мероприятие 2	Мероприятие 3
2.1.3. Формирование избирательного отношения к прошлому опыту	7	6	4
2.1.4. Формирование потребности в самосовершенствовании, самообразовании	2	9	4
2.2.1. Создание условий самоопределения	10	5	3
2.2.2. Формирование целостности, гармонии в достижении знаний, осуществлении мыслительных операций, действий	5	7	8
2.2.3. Формирование социальной устойчивости	10	4	2
2.2.4. Формирование продуктивной включенности общественной и профессиональной жизни	10	5	3
2.2.5. Создание психологического комфорта	8	8	10
2.3.1. Воспитание патриотизма	7	9	10
2.3.2. Воспитание толерантности и собственной национальной идентичности	8	10	2
2.3.3. Воспитание высоких моральных качеств	2	5	9
2.3.4. Формирование широты связей с миром	3	7	3
Оценка качества предоставляемых анимационных услуг	8,93	5,51	3,87

Первое мероприятие направлено на формирование самосознания, условий для самоопределения (имеет высокие оценки по этим составляющим). Оно формирует также продуктивную включенность в общественную и профессиональную жизнь. Оценка качества для этого мероприятия по 10-балльной шкале достаточно высокая – 8,93.

Второе мероприятие направлено на формирование широты связей с миром, воспитание патриотизма, толерантности и собственной национальной идентичности, создание психологического комфорта личности. Данное мероприятие получает среднюю оценку качества – 5,51 балла.

Третье мероприятие было направлено на формирование психологического комфорта, воспитание патриотизма и высоких моральных качеств и получило низкую оценку качества предоставляемых анимационных услуг – 3,87 баллов.

Таким образом, проведенное исследование свидетельствует о том, что метод анализа иерархий позволяет усилить количественной аргументацией качественные оценки предоставляемых анимационных услуг, которые неизбежно содержат в себе субъективно-интуитивный момент. Тем самым применение данного метода способствует продуцированию объективного знания в этой области.

Литература

1. Гаранин Н. И. Менеджмент туристской и гостиничной анимации / Н. И. Гаранин, И. И. Булыгина. – М.: Советский спорт, 2004. – 234 с.
2. Каган Е. С. Оценка уровня жизненного самоопределения студенческой молодежи с помощью метода анализа иерархий / Е. С. Каган, Е. С. Мартынова // Профессиональная подготовка кадров для социальной сферы: региональный аспект: коллективная монография; под ред. Т. Н. Мартыновой / Кемеровский государственный университет. – Томск, 2009. – С. 146–169.
3. Можаяева Н. Г. Туризм: учебник для студентов системы СПО / под ред. А. А. Скамницкого / Н. Г. Можаяева, Е. В. Богинская. – М.: Гардарики, 2007. – 270 с.
4. Саати Т. Принятие решений. Метод анализа иерархий: пер. с англ. / Т. Саати. – М.: Радио и связь, 1993. – 320 с.
5. Туристский терминологический словарь: справ.-метод. пособие / авт.-сост. И. В. Зорин, В. А. Квартальцев. – М.: Советский спорт, 1999. – 664 с.

УДК 37.013

А. А. Попов

**МОДЕЛЬ ОРГАНИЗАЦИИ ЗДОРОВОГО ОБРАЗА ЖИЗНИ СТУДЕНТОВ
В ТВОРЧЕСКОМ ВУЗЕ**

В статье представлено обоснование и описание теоретической модели, реализация которой в вузе способствовала повышению уровню организации ЗОЖ и уровня ЗОЖ студентов (уровень культуры здоровья).

Ключевые слова: модель, моделирование, компоненты модели, координация, стимулирование, регулирование.

А. А. Попов

**MODEL OF STUDENTS' HEALTHY LIFESTYLE ORGANIZATION
IN AN ARTISTIC EDUCATIONAL INSTITUTION**

According to the results of the conducted theoretical research we have developed and tested a structure-function model of organizing students' healthy lifestyle in an artistic educational institution. The theoretical model described and justified in the article was implemented in the educational institution, which helped to increase the organizational level of healthy lifestyle, as well as students' real healthy lifestyle level (physical culture level).

Keywords: model, modelling, model components, coordination, stimulation, regulating.

На основе анализа педагогических идей, подходов и теорий, ориентированных на проблемы ЗОЖ в сфере профессионального образования, а также существующих технологий и собственного опыта организации ЗОЖ в творческом вузе нами разработана структурно-функциональная

модель организации ЗОЖ студентов в условиях вуза.

Моделирование – это «один из методов познания и преобразования мира, получивший особо широкое распространение с развитием науки, обусловившим создание новых типов моделей, раскрывающих но-

вые функции самого метода; модель есть аналог, заместитель исследуемого объекта; модель – это система, исследование которой служит средством получения информации о другой системе» [1].

Г. В. Суходольский рассматривает «моделирование» как «... процесс создания иерархии моделей, в которой некоторая реально существующая система моделируется в различных аспектах и различными средствами [2].

Основным понятием метода моделирования является термин «модель».

Модель, по мнению В. А. Штоффа, – это искусственно созданный объект в виде схемы, физических конструкций, знаковых форм или формул, который, будучи подобен исследуемому объекту (или явлению), отображает и воспроизводит в более простом и обобщенном виде структуру, свойства, взаимосвязи отношения между элементами этого объекта [4].

Модельный характер изучения организации ЗОЖ студентов в вузе, на наш взгляд, является эффективным методом научного познания. Он позволяет зафиксировать общие схемы действий и операций в таком сложном явлении, как ЗОЖ студентов.

Понятие «модель» (лат. *modulus* – мера, образец) мы рассматриваем как: 1) аналог определенного фрагмента природной или социальной реальности; 2) схему, изображение или описание какого-либо явления или процесса в природе, обществе элементов, связи, функции, предмет исследования В. В. Краевский подразделяет модели на материальные (физические, вещественные) и идеальные (идеализированные, мысленные) [3].

В компонентный состав концепции модельного обучения как педагогического процесса формирования новых знаний следует включать:

- целепологание (теоретический, практический, методический модуль);
- представление модели объекта или динамического процесса;

- оперирование знаково-символическими средствами (материальными, перцептивными, идеальными);

- знаково-символическая деятельность (моделирование, схематизация, кодирование, замещение) и управление;

- создание условий устойчивости перцептивного образа и представления;

- адекватность априорной модели результату внутренних действий обучаемого образа.

Наиболее распространенным в педагогике типом модели и наиболее отвечающей задачам нашего исследования является структурно-функциональная модель, в основе которой лежат сущностные связи и отношения между важнейшими компонентами определенной системы.

Структурно-функциональная модель активно используется в социологии, управлении (Н. А. Заруба, Н. А. Сорокин и др.), в педагогике по проблемам управления. Так как наша работа посвящена организации ЗОЖ студентов и исследует одну из функций управления, организацию, то мы считаем обоснованным использовать структурно-функциональную модель как метод изучения педагогической проблемы.

Структурный и функциональный подходы в моделировании организации ЗОЖ студентов в вузе задают принципы исследования социокультурных явлений и процессов (на уровне общества, социума и культуры, личности, любого социального «объекта» – группы, общности, института, организации) как системно-организационной структурной целостности, в которой каждый элемент имеет определенное функциональное значение (функции внутри этой целостности). Структурный подход в научных исследованиях позволяет выделять элементы структуры (целостность взаимосвязанных элементов, процессы воспроизводства), а функциональный – элементы организации (принципы соотношения и функционирования)

в их взаимосвязи и взаимозависимости. При разработке модели мы опирались на методологические положения процесса моделирования, определенные В. А. Штофф: модель объективно отражает тот или иной процесс или явления (внешний вид); богатство содержания изучаемого явления (процесса) представляется в существенных признаках, компонентах, отношениях; в модели основное звено составляют противоречия (сущность явления или процесса).

Моделирование в педагогике имеет свои особенности: они связаны с наличием субъективного фактора при моделировании, что придает модели не детерминированный, а стохастический характер; факторы и условия, определяющие социальные явления, как правило, складываются из качественных признаков, а они труднее поддаются количественному описанию; кроме того, социальные явления и процессы имеют многофакторный характер.

Разработанная в ходе нашего исследования структурно-функциональная модель организации ЗОЖ студентов в творческом вузе позволяет выделить в процессе организации взаимосвязанные компоненты: цель, задачи, принципы, функции, формы и методы, критерии и показатели, уровни и этапы формирования ЗОЖ студентов. Структурно-функциональная модель (рис. 1) представляет собой совокупность четырех блоков: *целевого, содержательного, процессуального, контрольного*.

Целевой блок содержит цель, задачи, закономерности, принципы организации ЗОЖ студентов в условиях творческого вуза и соответствующие функции.

Определяющим принципом системного анализа в науке является *целенаправленность*. Каждая система функционирует и развивается в соответствии со стоящими перед ней целями. Их единство определяет систему и объединяет ее деятельность. *Цели* мы понимаем как *желаемое состоя-*

ние или результаты функционирования системы организации ЗОЖ студентов, достижимые в некоторых промежутках времени. В нашем случае весь процесс организации ЗОЖ студентов должен быть ориентирован на достижение запланированной цели – ЗОЖ студентов в творческом вузе. Системообразующим элементом структурно-функциональной модели является целеполагание, определяющее функции всех остальных элементов.

Целеполагание наиболее часто рассматривают как информацию о проблеме, условия, ситуации, ее анализ; как формулировку проблемы и замыслов ее решения.

В педагогике употребляется также термин *«целеобразование»* – процесс порождения новых целей в деятельности человека, одно из направлений мышления. Таким образом, целью организации ЗОЖ студентов в нашей модели является – ЗОЖ студентов в творческом вузе.

Задачи, обеспечивающие достижение поставленной цели, нами определены следующим образом:

– поэтапно подключить студентов к ЗОЖ, приобщая их к культуре здоровья (культура движения, культура эмоций, культура питания и интеллектуальная культура);

– обеспечить интеграцию интеллектуальной, физической, духовно-нравственной деятельности студентов в творческом вузе с целью формирования ЗОЖ;

– создать условия в вузе для ЗОЖ студентов: кадровые, материально-технические, экономические, организационные, педагогические и др.;

– учитывать специфику, профильную направленность и особенности ЗОЖ студентов в творческом вузе;

– разработать и создать организационную структуру, осуществляющую координацию деятельности по организации ЗОЖ студентов в вузе.

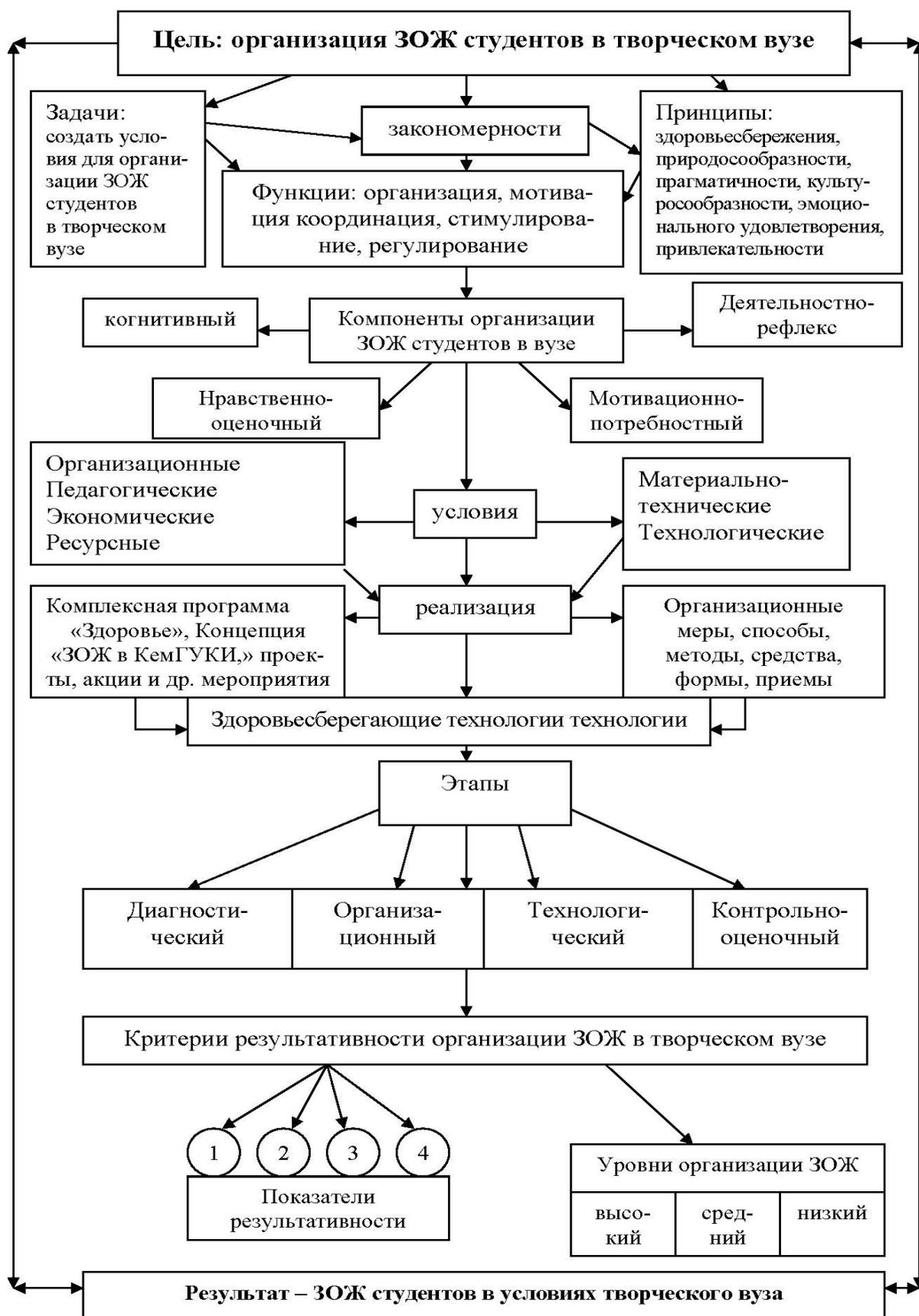

Рис. 1. Структурно-функциональная модель организации ЗОЖ студентов в условиях творческого вуза

Необходимо отметить также сложность структуры организации ЗОЖ студентов в вузе. Она, по нашему мнению, предполагает ряд элементов:

– изучение состояния проблемы ЗОЖ студентов в связи с решением проблемы ее организации;

– постановка цели и определение задач, с целью получения оптимальных результатов;

– планирование организации ЗОЖ студентов и реализация;

– разработка и отбор необходимого содержания, форм и методов организации ЗОЖ студентов в творческом вузе;

– оптимальное распределение людей по участкам;

– систематическое консультирование и инструктаж исполнителей по организации ЗОЖ студентов, формирование позитивного настроения на работу;

– коррекция, помощь, поддержка организации ЗОЖ студентов;

– анализ процесса и результатов организации ЗОЖ студентов в творческом вузе и др.

На основе анализа научно-педагогической литературы мы определили следующие *принципы реализации идеи организации ЗОЖ студентов в творческом вузе.*

Ведущим методологическим принципом организации ЗОЖ в вузе, определяющим содержание, организационные формы и методы, приемы и способы здоровьесбережения является принцип *здоровьесбережения*, назначение которого мы видим в обосновании теоретических предпосылок для реализации обучающих, развивающих, воспитывающих функций *процесса* профессионального обучения с позиций ЗОЖ; в единстве процессов обучения, воспитания и развития в вузе с целью ЗОЖ студентов; в актуализации норм и правил ЗОЖ во всех сферах жизнедеятельности

студентов в творческом вузе (учебной, внеучебной, досуговой, театральной, спортивной, художественной и др.); в направленности всех субъектов воспитательно-образовательного процесса в вузе на реализацию Концепции ЗОЖ студентов в творческом вузе.

Принцип *культуросообразности* организации ЗОЖ студентов обусловлен культурологическими факторами, связанными с формированием культуры здоровья (культуры питания, культуры движения, культуры эмоций и интеллектуальной культуры); организацией досуга населения, общинных, национальных, религиозных идей, традиций, обрядов на основе популяризации вопросов ЗОЖ; активное использование рекреационно-терапевтических и синкретических возможностей искусства с целью организации ЗОЖ студентов, здоровьесформирующих возможностей целого ряда учебных дисциплин творческого вуза (валеология, социальная психология, народные танцы, хореография и др.).

Валеолого-дидактический принцип обосновывает единение потребностей студентов в ЗОЖ и мотивацию к ЗОЖ; формирует методологию валеологического образования студента.

Принцип *природосообразности* предполагает организацию ЗОЖ студентов с учетом его природных задатков и индивидуальных предпочтений на основе индивидуальной траектории, соответствующей его природным морфофункциональным свойствам;

Принцип *преемственности и непрерывности.* Следование этому принципу означает необходимость организации постоянной и непрерывной работы по формированию ЗОЖ личности, обязательность формирования ЗОЖ на каждом этапе профессионального образования в вузе,

следование необходимости обеспечивать определенный уровень готовности к ЗОЖ студентов от одного уровня к другому.

Принцип *интеграции* в организации ЗОЖ студентов означает усиление взаимодействия структурных подразделений вуза, субъектов воспитательно-образовательного процесса в направлении формирования культуры здоровья студентов.

Принцип *педагогической поддержки* предполагает необходимость помощи студенту вуза в организации ЗОЖ с учетом его индивидуальных возможностей, особенностей и интересов.

Принцип *гибкости* основан на том, что организация ЗОЖ студентов должна быть гибкой к внутренней логике и закономерностям воспитательно-образовательного процесса в творческом вузе, к внешней среде и к индивидуальным особенностям студентов творческого вуза.

Принцип *адаптивности* предполагает необходимость приспособлять формы и методы организации ЗОЖ в вузе к индивидуальным особенностям и интересам студентов творческого вуза, характерным для сферы «Человек – художественный образ».

Принцип *активности и самостоятельности* заключается в необходимости осуществлять организацию ЗОЖ студентов в творческом вузе с привлечением к этому процессу всех субъектов воспитательно-образовательного процесса на основе их активной позиции и самостоятельности.

Принцип *привлекательности и эмоциональной удовлетворенности* предполагает необходимость осуществлять организацию ЗОЖ студентов в творческом вузе на основе свободного выбора ими форм и методов организации, привлекающих студентов и вызывающих у них положительные эмоциональные реакции, что обусловлено индивидуальными особенностями учащихся творческого вуза.

Принцип *прагматичности*, предполагает формирование у студентов установки на ЗОЖ, что будет способствовать их профессиональной мобильности на рынке труда.

Система принципов, определенная нами, не является законченной, она может дополняться и видоизменяться в связи с изменениями, вызванными общественными и социально-экономическими переменами.

Содержательный блок

Центральным понятием в структурно-функциональной модели является понятие функция (от лат. function – исполнение, осуществление.)

Функция в нашем исследовании рассматривается как совокупность однородных по некоторому признаку действий, сосредоточенных на достижении заданной цели, конкретно на достижении ЗОЖ студентов, организационными методами и средствами.

В связи с тем, что нами исследуется проблема организации ЗОЖ студентов, мы определили, что функция управления, **организация** – это «деятельность субъекта (объекта) управления по формированию и регулированию определенной структуры организационных взаимодействий посредством совокупности способов и средств, необходимых для эффективного достижения целей» [1, с. 146]. Мы понимаем под **организацией** также некоторое упорядочение взаимодействия всех субъектов образовательного процесса в вузе в направлении ЗОЖ студентов. **Организацию** мы рассматриваем также как деятельность по созданию организации, упорядочению взаимосвязи элементов ЗОЖ студентов [1]; как функцию управления процессом организации ЗОЖ студентов, представляющую собой процесс обеспечения цели (ЗОЖ студентов), реализации принятых решений по

ЗОЖ студентов. Осуществленный анализ по определению функции «организации», привел нас к пониманию многогранности ее сущности.

В связи с этим, мы разделяем точки зрения тех ученых, которые принимают сложность конструкции функции «организация» [1, с. 146], включая в нее *координацию, регулирование, стимулирование* деятельности, что нашло отражение в нашей модели.

Под *координацией организации* ЗОЖ студентов следует понимать деятельность, направленную на согласование взаимодействия людей с целью ориентации их активности на гармонизацию в достижении цели ЗОЖ студентов и предполагающую в условиях различного уровня структур и специалистов вуза устранение расхождений в подходах к организации ЗОЖ, обеспечение взаимодействия между всеми участниками образовательного процесса в вузе.

Процесс координации организации ЗОЖ студентов необходим по причине возникающих несоответствий в ходе реализации Концепции ЗОЖ, программ, проектов на этапе выявления имеющихся отклонений; в связи с необходимостью упорядочения, налаживания, приведения в соответствие с концепцией ЗОЖ установленных норм, правил, требований; в связи с необходимостью объединения усилий и интересов студентов и сотрудников вуза относительно ЗОЖ студентов.

Регулирование – это функция по изучению изменений факторов внешней среды, оказывающих влияние на организацию ЗОЖ студентов в творческом вузе и эффективность организации, принятию мер по совершенствованию организации ЗОЖ. К ним мы относим социально-экономические, педагогические, организационные и др. факторы, выявленные нами в первой главе исследования. К методам

регулирования процесса организации ЗОЖ студентов, на наш взгляд, следует отнести *распорядительное и дисциплинарное воздействие, правовое регулирование, социально-психологические приемы воздействия* и др. Регулирование способствует результативности организации ЗОЖ на основе принципов комплексности, систематичности, внутренней непротиворечивости воздействия и др.

Стимулирование в процессе организации ЗОЖ студентов предполагает разработку и реализацию системы стимулирующих мер, направленных на формирование ЗОЖ студентов в условиях творческого вуза, представляющую собой набор моральных, административных и материальных средств (дипломы, поощрения, премии и др.) с учетом особенностей профильной направленности вуза. Безусловно, стимулы являются эффективным инструментом создания в вузе обстановки мажорного настроения, здорового микроклимата; средством привлечения внимания всех субъектов процесса образования в вузе к ЗОЖ. К средствам стимулирования в условиях творческого вуза мы относим инструменты, которые традиционно недооценивают, но которые приветствуются в коллективах творческих людей: улыбка, приятное приветствие, комплимент, искренность и доброжелательность в отношениях и др. Система стимулов организации ЗОЖ студентов в вузе – это система и технология экономических и гуманитарных мер по формированию у студентов мотивации и потребности в ЗОЖ.

Компонентная целостность организации ЗОЖ студентов представлена единством *когнитивного, нравственно-оценочного, деятельностно-рефлексивного и мотивационно-потребностного компонентов*.

Когнитивный компонент включает в себя элементы, способствующие:

– формированию представлений, знаний студентов о факторах и средствах ЗОЖ: о важности ЗОЖ для двигательной, эмоциональной, психофизиологической и духовной культуры человека; о методах, средствах и путях формирования культуры здоровья; о вредных привычках и их отрицательном влиянии на здоровье; о санитарно-гигиенических нормах и правилах; об экологических проблемах, возникающих в результате взаимоотношений человека с природой; о влиянии государственных институтов на духовное здоровье; о средствах и методах закаливания и многих других;

– развитию познавательной активности и самостоятельности студентов в области ЗОЖ: интерес к ЗОЖ; позитивное отношение к людям, занимающимся своим здоровьем и физической культурой, спортом;

– воспитанию культуры здоровья студентов: культуры бытия, культуры питания, культуры движения, культуры поведения, культуры эмоций, культуры общения, физической культуры, когнитивной культуры (культуры умственного труда) и т. д.

Содержательная сторона элементов когнитивного компонента представлена в содержании учебных дисциплин государственного стандарта ВПО творческого вуза, набор которых обозначен в первой части нашего исследования.

Нравственно-ценностный компонент включает в себя элементы, направленные на формирование у студентов оценки ЗОЖ как нравственно значимой стороны жизни человека, на формирование положительного отношения к своему здоровью:

– знание студентами особенностей функционирования своего организма и здоровья; психофизиологических способностей; проблем в поведении; заболеваний

и недугов; режима дня и отдыха; черт характера; психологических особенностей (темперамента, внимания, памяти и т. д.);

– развитие умений, навыков, компетенций ЗОЖ: эффективное выполнение утренней гимнастики (комплекс упражнений); правильный уход за одеждой и обувью; гигиенические процедуры и закаливание; рациональный прием пищи; регулярные занятия физкультурой и спортом; адекватное оценивание своего здоровья и психофизиологических особенностей и т. д.

Мотивационно-потребностный компонент включает в себя элементы, способствующие формированию потребности в совершенствовании своего физического и духовного образа; мотивационной установки на ЗОЖ; стимулированию развития дальней и ближней перспектив ЗОЖ и т. д.

Праксиологический компонент включает в себя элементы, способствующие формированию компетентностей ЗОЖ студентов, применение умений на практике:

– поведение в соответствии с нормами и правилами ЗОЖ студентов; соблюдение правильного режима дня и отдыха; деятельность в соответствии культурой здоровья; соблюдение санитарно-гигиенических требований; участие в соревнованиях, занятиях, спортивных секциях и спортивных клубах; участие в научно-практических конференциях, круглых столах и дискуссиях по ЗОЖ; соблюдение мер безопасности жизнедеятельности;

– участие в дополнительных формах обучения **профессионально-прикладной** физической культуры, включающей в себя все элементы формирования культуры здоровья студентов и ЗОЖ: литературу, историю, философию, искусство, музыку, театр, игры, танцы, физическую культуру и спорт и др.

Профессионально-прикладная физическая культура (ППФК) рассматривает-

ся нами как часть культуры труда и физической культуры в целом, специфика которой заключается в направленности на содействие развития условий для формирования и реализации психофизических качеств и психофизиологических процессов в человеческом организме в профессиональной деятельности, основы которой необходимо формировать в процессе обучения в творческом вузе.

Под ППФК в творческом вузе понимается педагогический процесс, направленный на развитие и совершенствование специальных, профессионально важных физических качеств, двигательных навыков и психофизиологических функций организма, к которым в процессе конкретной трудовой деятельности в сфере культуры и искусства предъявляются повышенные требования. Занятия физическими упражнениями с профессиональной направленностью обеспечивают активную адаптацию организма человека к творческому труду, что существенно способствует эффективности профессионального обучения, создает предпосылки для устойчивой работоспособности, профессиональной мобильности в условиях развития культуры и искусства в рыночных социально-экономических отношениях в российском обществе.

В целом необходимо подчеркнуть, что представленные компоненты не только взаимосвязаны, но и достаточно сильно пересекаются. Очевидно, например, что реализация деятельностного компонента в значительной степени невозможна без мотивационно-ценностного или рефлексивного и т. д. Кроме того, каждый компонент реализует определенные функции организации ЗОЖ студентов: функции организации, регулирования, распорядительного и дисциплинарного воздействия обеспечивают деятельностный компонент;

правового регулирования, социально-психологического воздействия, стимулирования – мотивационно-потребностный и нравственно-ценностный; гностическую функцию организации ЗОЖ студентов – когнитивный компонент; рефлексивную – рефлексивный компонент.

Структура организации ЗОЖ студентов в вузе предполагает процесс изменения ее движения от одного уровня к другому. Логика исследования позволяет нам использовать шкалу уровневой оценки, включающую в себя четыре ступени градации процесса формирования культуры здоровья, которая является основой ЗОЖ: оптимальный, допустимый, критический, недопустимый.

Для выявления и описания уровней организации ЗОЖ студентов в творческом вузе были определены следующие критерии и показатели:

– *мотивационно-потребностный критерий*: ЗОЖ как средство признания социумом в виде социально значимой нормы жизни в обществе, что выражается в стремлении к выявлению внутренних потребностей, мотива, интереса, желания в ЗОЖ и т. п. (показатель – уровень мотивов и установок на ЗОЖ студента); *нравственно-ценностный критерий*: ЗОЖ как профессионально-личностное качество, характеризующее ее отношение к ЗОЖ как к жизненной ценности (показатель – уровень принятия ЗОЖ как ценности); *когнитивный критерий* – ЗОЖ как мировоззрение (показатель – уровень знаний о ЗОЖ); *психофизиологический (деятельностный) критерий* – ЗОЖ как линия поведения (показатель – уровень сформированности умений ЗОЖ); *рефлексивный критерий* – ЗОЖ как результат формирования культуры здоровья, анализ и оценка (показатель – уровень культуры здоровья).

При определении критериев результативности организации ЗОЖ нами были учтены следующие требования к критериям:

– раскрытие критериев происходит через совокупность показателей и уровней их проявления, на основании которых можно судить о степени выраженности этих показателей (сами качества неизмеримы, но можно говорить об измерении проявления этих качеств); необходимо фиксирование соответствия, взаимосвязи, взаимозависимости качественной определенности состояния предметов, явлений или понятий;

– критерии должны отражать динамику процесса и уровней их проявления;

– измеримость показателей является важным условием.

Разработанные нами условия организации ЗОЖ студентов носят комплексный характер и представляют собой совокупность условий: *организационных, педагогических, экономических, ресурсных, материально-технических, технологических.*

К *организационным условиям* мы отнесли, во-первых, следование единой педагогической стратегии в соответствии с концепцией ЗОЖ всеми участниками образовательного процесса в вузе, направленность на совместную, кооперированную, организованную деятельность по организации ЗОЖ студентов, обеспечение целостности процесса профессионального обучения, воспитания и развития физических, психических, личностных и профессионально значимых качеств обучающихся. В качестве *организационного механизма* определен *программно-проектный* способ деятельности. Это предполагает определение ЗОЖ как общей идеи, которая подчиняет процесс обучения и процесс воспитания целям здорового образа жизни, объединяет

и сплачивает работу всех субъектов образовательного процесса, и, прежде всего, педагогов. Во-вторых, разработка и реализация программ, проектов по формированию ЗОЖ студентов в соответствии с концепцией ЗОЖ как главной объединяющей идеи; в-третьих, материально-техническое, экономическое, ресурсное обеспечение процесса формирования ЗОЖ студентов в творческом вузе.

К *педагогическим условиям* отнесены: реализация содержания образования, способствующего формированию ЗОЖ студентов в процессе обучения в творческом вузе в соответствии с государственным стандартом ВПО; отказ от авторитарной педагогики и реализация здоровьесберегающих технологий в процессе обучения в вузе; совместная деятельность участников образовательного процесса в творческом вузе по организации ЗОЖ.

Процессуальный блок

Процессуальный блок представлен *диагностическим этапом* (анализ исходных условий организации ЗОЖ в творческом вузе, уровень здоровья, уровень культуры здоровья (культуры эмоциональной, когнитивной культуры, культуры поведения, психофизиологической культуры) студентов); *организационным этапом* (разработка концепции, стратегии ЗОЖ, организационного механизма, организационной структуры, программ, проектов, акций, факультативных курсов на основе совокупности подходов: личностно-ориентированного, системного, процессного, комплексного, интегративного, междисциплинарного, контекстного, культурологического, валеологического и ортобиотического, при доминировании трех последних); *технологическим этапом* (реализация программы «Здоровье и адаптация», проектов «Здоровый образ жизни и социально безопасное

поведение», «Гражданско-правовое, патриотическое и духовно-нравственное воспитание», «Психологическое сопровождение образовательного и воспитательного процессов в вузе», «Адаптация студентов» и др.; акции: «Чистая зона. КемГУКИ без сигарет и наркотиков», «Боремся с курением», «Здоровое питание», «СПИД – чума XXI века», «Здоровый образ жизни – шаг на встречу» и др.; *контрольно-оценочный этап* (обеспечение оперативной обратной связи между всеми блоками, оценка результативности организации ЗОЖ студентов, корректирование процесса организации ЗОЖ студентов).

В качестве организационных **методов** ЗОЖ студентов мы выбрали: *распорядительные* (директивы, постановления, приказы, распоряжения и др.); *стабилизирующие* (применение норм и нормативов, регламентирование и др.); *дисциплинарные* (установление ответственности, поощрения и др.)

В качестве критериев оценки эффективности организации ЗОЖ студентов в творческом вузе мы определили: ЗОЖ как мировоззрение – когнитивный критерий (показатели – уровень знаний о ЗОЖ); ЗОЖ как линия поведения – праксиологический критерий (показатели – уровень сформированных умений

ЗОЖ); ЗОЖ как средство признания социумом – мотивационно-потребностный критерий (показатели – уровень мотивации ЗОЖ, установка на ЗОЖ); ЗОЖ как профессионально-личностное качество – нравственно-ценностный критерий (показатель – уровень ЗОЖ как жизненной ценности); ЗОЖ как результат формирования культуры здоровья – рефлексивный критерий (показатель – уровень культуры здоровья и способность к оценке и самооценке здоровья).

Данная модель направлена на организацию взаимодействия всех субъектов образовательного процесса в творческом вузе по ЗОЖ студентов, формирование позиции сотрудничества работников вуза, объединение их усилий по формированию культуры здоровья студентов, упорядочение деятельности студентов и преподавателей по формированию культуры здоровья, замена неорганизованной деятельности по формированию ЗОЖ студентов на организованную.

Разработанная нами структурно-функциональная модель организации ЗОЖ студентов в творческом вузе и реализованная на практике, в условиях Кемеровского государственного университета культура и искусства, дала положительные результаты.

Литература

1. Заруба Н. А. Психическое и физическое развитие личности как индивидуальности // Здоровье, личность, образование. – Кемерово, 1996. – С. 84–89.
2. Педагогические и медицинские проблемы валеологии: сб. тр. междунар. конф. – Новосибирск: изд-во НГПУ, 1999. – 473 с.
3. Краевский В. В. Методология педагогического исследования пособие для педагога-исследователя. – Самара: изд-во СамГПИ. – 1994. – 165 с.
4. Эксперимент по совершенствованию структуры и содержания общего образования. Педагогические факторы здоровьесбережения школьников. Материалы Всероссийской науч.-практ. конференции, г. Кемерово, 27–30 октября 2003 год / под общ. ред. А. М. Водянского; под науч. ред. Э. М. Казин, И. И. Колисниченко, Е. А. Бабенкова, Н. А. Заруба. – М., 2004. – 200 с.

УДК: 02+378

С. В. Савкина

**СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ИНФОРМАЦИОННОГО ПОТЕНЦИАЛА
ЭЛЕКТРОННЫХ БИБЛИОТЕЧНЫХ СИСТЕМ:
ВОЗМОЖНОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ
И НАУЧНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КЕМГУКИ**

В статье представлено сравнение электронных библиотечных систем с целью выявления целесообразности их использования в образовательной и научной деятельности КемГУКИ. Приводится анализ 7 электронных библиотечных систем, в том числе системы «КнигаФонд», используемой вузом в настоящее время. Представлены результаты анкетирования пользователей. Материал статьи иллюстрирован и сопровождается наглядными таблицами. Представленные в статье выводы позволяют судить о соответствии рассмотренных электронных библиотечных систем информационным потребностям КемГУКИ.

Ключевые слова: электронные библиотечные системы, «КнигаФонд», «Университетская библиотека online», «IQ Library», «БиблиоТех», «Рукопт», «Синергия», «Лань»

S. V. Savkina

**COMPARATIVE ANALYSIS OF ELECTRONIC LIBRARIES' SYSTEMS
INFORMATIONAL POTENTIAL:
EXPLOITATION PROSPECTS IN KEMGUKI EDUCATIONAL
AND SCIENTIFIC ACTIVITY**

The article gives a comparative analysis of electronic libraries' systems in order to identify how reasonable it is to use them in educational and research work in KemGUKI. 7 electronic libraries' systems are analyzed in the article, among them such as «BookFund» system exploited in the university at present. It presents the results of the users' poll. The article is illustrated and accompanied by grids. The conclusions given in the article allow to estimate the suitability of the studied electronic libraries' systems for the requirements of KemGUKI information needs.

Keywords: electronic libraries' systems, «BookFund», «University library on-line», «IQ Library», «BiblioTech», «Rucont», «Sinergia», «Doe»

В настоящее время учебные заведения уделяют большое внимание образовательным ресурсам Интернет. Важное

место отводится электронным библиотечным системам.

В Отраслевом докладе начальника отдела книжных выставок и пропаганды чте-

ния Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям А. Н. Воропаева и доцента кафедры авторского права Российского государственного института интеллектуальной собственности К. Б. Леонтьева термин «электронная библиотечная система» (ЭБС) определяется как «совокупность используемых в образовательном процессе электронных документов, объединенных по тематическим и целевым признакам, снабженная дополнительными сервисами, облегчающими поиск документов и работу с ними, и соответствующая всем требованиям ФГОС ВПО и иных нормативных правовых актов» [1, с. 28].

Мы рассмотрели 7 ЭБС с целью выявления возможностей их использования в образовательной и научной деятельности КемГУКИ. Это такие библиотечные системы, как: «КнигаФонд» (используемая нашим вузом в настоящее время), «Университетская библиотека online», ЭБС «IQ Library», «БиблиоТех», «Рукопт», «Синергия» и «Лань».

ЭБС проанализированы по следующим параметрам: объем фонда и его соответствие информационным потребностям КемГУКИ, структурирование документов и вариативность поиска, возможность копирования, наличие дополнительных сервисных возможностей и стоимость. Результаты исследования приведены в сравнительной таблице электронных библиотечных систем, которая представлена в Приложении.

Объем фонда. Проведенный анализ свидетельствует (табл. 1), что наибольшей полнотой обладает ЭБС «КнигаФонд»: он составляет около 46000 документов. Следует отметить, что ЭБС «IQ Library» и «Рукопт» не содержат информации об общем объеме фонда.

Таблица 1

Объем фонда электронных библиотечных систем

ЭБС	Книга-Фонд	Университетская библиотека online	Библио-Тех	Синергия	IQ Library	Рукопт
Объем фонда	45861	18788	ок. 7000	329	?	?

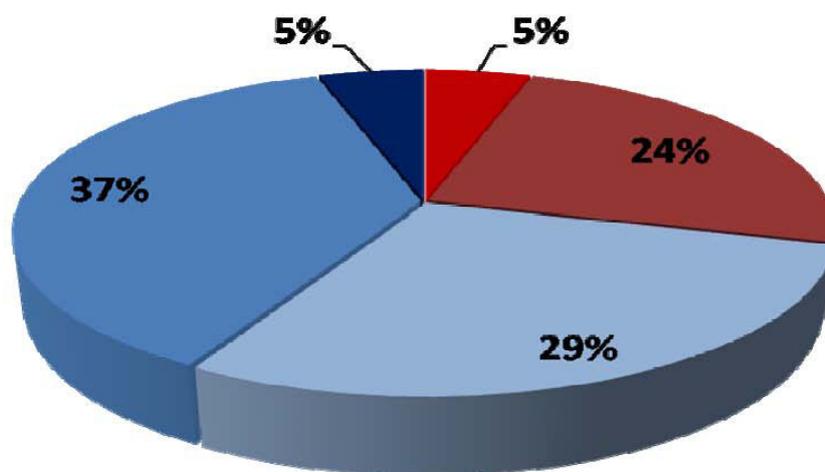
Несмотря на свою полноту, ассортимент «КнигаФонд» на 80 % составляют дореволюционные издания. Большой объем фонда обеспечивается за счет представления всех выпусков каких-либо дореволюционных периодических изданий. Например, в разделе «Справочные издания. Серии. Сборники. Литература универсального содержания» из представленных более 6500 документов только 2 изданы после 2000 года, а остальные представляют собой дореволюционные издания; в разделе «Произведения зарубежной литературы XX и XXI века» нет ни одного документа, изданного позднее 1940 года.

Современной литературой различных издательств наполнены такие разделы, как: «Информатика», «Менеджмент», «Связи с общественностью» и некоторые другие. Заметим, что даже в разделах, укомплектованных современными изданиями, зачастую отсутствует научная литература.

Мы проанализировали тематику разделов и сравнили ее со специальностями и направлениями, по которым осуществляет подготовку КемГУКИ; провели анкетирование пользователей для выявления востребованности отдельных разделов ЭБС (рис. 1). Так, из 149 мы выделили 29 разделов, соответствующих информационным потребностям вуза. Однако не каждый из них представляет интерес для пользователей. Согласно результатам опроса, 71 % респондентов не удовлетворены представленным ассортиментом, 37 % опрошенных отмечают, что интересующий их раздел представлен, но в нем отсутствуют необхо-

димые документы, 29 % указали, что могут найти интересующие документы, только в некоторых разделах, в то время как необходимые документы по другим тематическим рубрикам отсутствуют. 5 % отметили, что отсутствует и сам интересующий раздел. Из той части респондентов, которые в целом удовлетворены фондом ЭБС, более 80 % отмечают, что их ассортимент все же нуждается в расширении.

библиотеки online можно считать более актуальным. Помимо электронных аналогов печатных изданий в ЭБС представлены аудиокниги и книги для мобильных устройств. ЭБС оснащена интерактивными онлайн тестами и тренажерами, репродукциями изображений, картами, пособиями для подготовки к экзаменам (экзаменационные вопросы и ответы по конкретным дисциплинам), а также современными сло-

- Представлено большинство документов, интересующих пользователей
- Желательно увеличение ассортимента документов
- Необходимые документы присутствуют только в некоторых разделах. Отсутствуют документы по другим отраслям знаний
- Необходимый раздел представлен, но не содержит необходимых документов
- Нет раздела, соответствующего информационным потребностям

Рис. 1. Удовлетворенность пользователей ассортиментом ЭБС «КнигаФонд»

ЭБС «Университетская библиотека online» содержит 18788 документов 4382 авторов, преимущественно гуманитарной тематики. Все документы достаточно новые, последних лет издания. Было выделено пять разделов, соответствующих специальностям и направлениям КемГУКИ. Ассортимент документов внутри разделов небольшой, но при сравнении с количеством современных документов в КнигаФонде, фонд Университетской

варями с возможностью осуществления поиска по ним.

Фонд ЭБС «IQ Library» представлен преимущественно изданиями российских университетов. Достоинством является то, что единицей хранения является не только книга, но и отдельные главы или словарные статьи, связанные посредством интерактивного оглавления. В ЭБС содержатся материалы для подготовки к рефератам и курсовым работам, структурированные

в алфавитном порядке тем. Каждая тема реферата связана гиперссылкой на главы, книги, словарные статьи.

ЭБС «БиблиоТех» содержит около 7000 наименований документов. Преимущественно это естественнонаучная и техническая литература. К разделам, соответствующим направлениям подготовки КемГУКИ, мы отнесли 4 раздела, причем в них документы присутствуют только в разделах «Культура. Культурология» (14 документов) и «Социокультурная деятельность в сфере досуга» (1 документ). В других двух разделах («Библиотечное дело. Библиотековедение. Библиография» и «Охрана памятников природы, истории и культуры. Музейное дело. Архивное дело») документы отсутствуют вовсе. Следовательно, данная ЭБС не может удовлетворять информационные потребности КемГУКИ.

Не удовлетворяет потребности и ЭБС «Лань», которая содержит документы преимущественно по инженерии и сельскому хозяйству.

ЭБС «Руконт» содержит образовательную и художественную литературу, а также литературу для досуга и быта. Полный перечень документов не представлен, но при расширенном поиске доступны все разделы, касающиеся культуры и искусства, отраженные в ББК. Количество документов в каждом разделе и в ЭБС в целом не отражено, но при обращении к некоторым из перечисленных разделов установлено, что содержание документов в них различно, например, по запросу «Библиотековедение» найдено 137 документов, а по запросу «Хореография» – 0. Помимо книжных изданий представлены также периодические издания и аудиодокументы.

ЭБС «Синергия» содержит 329 учебно-методических комплексов. Несмотря на то, что указывается большое видовое разнообразие документов, все остальные из заявленных видов документов отсутствуют. Преимущественно это издания

Российского нового университета. Следует отметить, что у данной ЭБС отсутствует совместимость с другими версиями программ-браузеров, кроме Internet explorer.

Структурирование информации и поисковые возможности

Документы преимущественно структурированы по отраслям знаний. Все ЭБС обеспечивают разные типы поиска: простой и расширенные по нескольким основаниям; разные виды выборки; поиск по отраслям знаний или видам изданий. Следует отметить, что у ЭБС «Руконт» один и тот же запрос при простом и расширенном поиске может давать разные результаты, имеется возможность осуществлять выборку по стоимости документов. Наиболее широко поисковые возможности реализованы в ЭБС «IQ Library», где поиск осуществляется по классификаторам, алфавитному и тематическому каталогу, имеется алфавитный указатель и раздел «новые поступления».

Цитирование и копирование информации

Тексты документов представлены в защищенных от копирования форматах.

Представленные в «КнигаФонде» документы идентичны бумажным изданиям, текст представлен постранично. Система позволяет создавать конспекты, содержащие цитаты из книг. Для цитирования доступно не более 10 % от текста книги. В конспекте автоматически создаются ссылки на использованные книги. В конспекте могут содержаться и собственные записи и комментарии. Возможность копирования всего текста документа отсутствует. Некоторые книги можно скачать после оплаты. Загружаемый файл может быть представлен в защищенном от копирования формате Secure PDF. Просмотр текста пользователи большинство пользователей отмечают неудобным, документы при чте-

нии медленно загружаются, а иногда их просмотр практически невозможен.

В ЭБС «Университетская библиотека онлайн» просмотр и копирование документов осуществляется в 2-х режимах, которые определяют издательства для каждого конкретного документа: в режиме постраничного просмотра онлайн (полная защита от копирования); и в режиме загрузки (копирования) полного файла книги на компьютер пользователя (после оплаты услуги).

Для просмотра документов из фондов ЭБС «БиблиоТех» и «Синергия» необходима установка специального программного обеспечения. ЭБС «Рукопт» и «БиблиоТех» реализуют возможность бесплатного просмотра фрагментов текста. ЭБС «IQ Library» и «Рукопт» имеют в своем фонде бесплатные документы, следует отметить, что бесплатные документы из ЭБС «Рукопт» доступны только для зарегистрированных пользователей, а «IQ Library» для каждого.

Дополнительные сервисные возможности

Каждая из представленных ЭБС имеет дополнительные сервисные возможности. Преимущественно это составление индивидуальных подборок документов, к которым пользователь постоянно обращается во время работы. КнигаФонд позволяет добавлять книги на полку и удалять с нее как при просмотре каталога, так и во время чтения книги. Для удобства чтения возможно создание закладок, которые позволяют обратиться к нужной странице книги. Согласно результатам опроса, пользователи отмечают удобство работы с текстом собственных конспектов, где можно применять цветные и шрифтовые выделения, а цитата вставляется сразу со ссылкой на документ. Одним из основных достоинств пользователи отмечают возможность выхода в ЭБС под своим логином с любого компьютера.

В ЭБС «Университетская библиотека онлайн» возможен просмотр книги в двух окнах, где одновременно открыты разные страницы. Предоставляются следующие дополнительные услуги и специализированное программное обеспечение:

- «Менеджер библиотеки» (программа по формированию электронной библиотеки).
- «Детектор плагиата» (автоматизированная система поиска плагиата).
- «Ваш учебный курс» (создание компакт-диска с учебными материалами).
- Print-on-Demand (заказ печати экземпляра книги).
- Scan-on-Demand (заказ сканирования книг).
- Публикация научных работ для сотрудников вуза.

Кроме того, пользователь имеет возможность оставить отзыв о книге.

ЭБС «IQ Library» реализует возможность работы с личными папками, в которых помещаются ссылки на информацию из фонда ЭБС. Пользователь может создавать до 20 папок и хранить в них до 1000 ссылок, упорядочивая их удобным образом. Возможно сохранение как непосредственно во время просмотра текста, так и со страницы результатов поиска. Имеется возможность редактировать, удалять папки и записывать комментарии.

Пользователь может сохранить свои запросы. Кроме того, по его желанию, на адрес электронной почты приходит уведомление о новых поступлениях по теме запроса, которые также можно сохранять в личных папках.

Пользователям предоставляется сервис «Обмен ссылками», который предназначен для пересылки на электронный адрес друзей ссылок на материалы, найденные пользователем.

Сервис «Сослаться на книгу» позволяет поместить ссылку на книгу на своем сайте, в блоге или на форуме.

Реализуется возможность ознакомиться с издательствами, документы которых представлены в ЭБС. При переходе на ссылку с названием издательства пользователю предоставляется контактная информация издательства, ссылка на его сайт, а также список представленных в фонде ЭБС книг с возможностью выхода на полный текст. Кроме того, пользователь имеет возможность перейти на страницу конкретного издательства со страницы библиографического описания каждой книги.

ЭБС «Руконт» позволяет оформить подписку на электронные ресурсы для библиотек.

Таким образом, более широкими дополнительными возможностями сервиса обладают такие ЭБС, как: «IQ Library», «Университетская библиотека онлайн» и «КнигаФонд», при этом дополнительные сервисные возможности первых двух ЭБС более разнообразны и разнонаправлены.

Стоимость

Сравнить стоимость пользования рассматриваемыми ЭБС затруднительно, поскольку данная информация в большинстве случаев предоставляется только после регистрации или рассчитывается индивидуально, в зависимости от условий пользования и количества документов. Кроме того, в некоторых ЭБС отмечается стоимость пользования всеми ресурсами в целом, либо разделом, другие же раскрывают стоимость каждого документа, без указания при этом стоимости абонемента на использование всего контента или его части на определенный срок. Можно отметить, что у большинства из рассмотренных ЭБС абонемент на использование заключается

сроком на один год, после чего возможно его продление. ЭБС «КнигаФонд» предлагает различные сроки для использования ее ресурсов. При использовании ЭБС «БиблиоТех» необходимо осуществление платной технической поддержки устанавливаемого программного комплекса «электронный читальный зал», которая проводится каждый год. ЭБС «КнигаФонд» и «Электронная библиотека онлайн» предоставляют возможность бесплатного тестового доступа. ЭБС «IQ Library» и «Руконт» помимо платных документов содержат и бесплатные.

В проведенном нами опросе пользователям было предложено указать достоинства и недостатки ЭБС, к которым обращались респонденты помимо «КнигаФонда». В большинстве случаев пользователи отмечали не ЭБС, а электронные библиотеки и полнотекстовые БД. Фонд большинства ресурсов имеет определенную тематическую направленность и, следовательно, может с большей полнотой удовлетворить запросы конкретных пользователей.

Таким образом, мы можем сделать следующий вывод. Наиболее полно представлены профильные для КемГУКИ документы в таких ЭБС, как: «Университетская библиотека онлайн», «IQ Library», «КнигаФонд». Следует отметить, что некоторые из профильных разделов в данных ЭБС представлены с оптимальной полнотой, в то время как в других профильных разделах документы могут отсутствовать вовсе. Следовательно, для достижения наиболее полного удовлетворения информационных потребностей желательно использовать несколько ЭБС.

Литература

1. Проект «Основные требования (критерии) отбора ЭБС для использования в вузах РФ» / Министерство образования и науки РФ [Электронный ресурс]. – URL: <http://mon.gov.ru/dok/akt/8090/>. – (Дата обращения: 14.02.2010).
2. Электронная книга и электронно-библиотечные системы России: Отраслевой доклад / А. Н. Воропаев, К. Б. Леонтьев. – М.: Федеральное агентство по печати и массовым коммуникациям, 2010. – 64 с.

Сравнение электронных библиотечных систем

ЭБС	Объем фонда и его соответствие информационным потребностям КемГУКИ	Структурирование литературы и осуществление поиска	Цитирование и копирование информации	Другие возможности сервиса	Стоимость
<p>КнигаФонд www.knigafund.ru</p> 	<p>45861 документ. Тематика разделов соответствует информационным потребностям КемГУКИ, некоторые разделы наполнены преимущественно дореволюционными изданиями</p>	<p>Удобное структурирование литературы по отраслям знаний. Комфортный поиск, осуществляется в 2-х режимах</p>	<p>Для цитирования доступно не более 10 % от текста книги. Возможность копирования всего текста документа отсутствует</p>	<p>Возможно составление собственной подборки книг, ведение собственных конспектов, создание закладок</p>	<p>Полный доступ ко всем представленным документам – 5000 руб./год на человека. Доступ к одному из разделов от 500 до 2000 руб./год на человека. Возможен бесплатный тестовый доступ сроком на 1 неделю</p>
<p>Университетская библиотека online www.biblioclub.ru</p> 	<p>18788 документов различных видов и жанров. Тематика 5-ти разделов соответствует потребностям КемГУКИ, документы последних лет издания. Ассортимент документов некоторых разделов недостаточно широк</p>	<p>Документы структурированы по отраслям знаний и учебным дисциплинам. Имеется два режима поиска. Комфортный поиск и просмотр документов</p>	<p>2 режима просмотра: полностью защищенный от копирования либо копирование всего файла на компьютер пользователя. Возможно копировать фрагменты текста</p>	<p>Одновременный просмотр двух разных страниц. Услуга заказа печати книги и сканирования книги. Возможность публикации научных работ сотрудников вуза. Предоставление программного обеспечения: программу по формированию электронной библиотеки; систему поиска плагиата; создание компакт-диска с учебными материалами</p>	<p>Два режима доступа: безлимитный и лимитированный. Стоимость определяется индивидуально по состоянию на день оформления заказа. Возможен бесплатный тестовый доступ сроком на 2 недели</p>
<p>БиблиоТех www.bibliotech.ru</p> 	<p>Около 7000 наименований документов. Преимущественно естественнонаучная и техническая литература. 4 раздела соответствуют потребностям КемГУКИ, из которых имеется 14 документов только в разделе «Культурология». В остальных из 4-х представлен 1 документ, либо они отсутствуют вовсе</p>	<p>Документы структурированы по ББК. Поиск осуществляется по электронному каталогу или по разделам ББК</p>	<p>Необходима установка специального ПО для чтения защищенных документов. Открыть документ можно только на компьютере пользователя. Возможность копирования отсутствует</p>	<p>Возможен бесплатный просмотр фрагмента текста</p>	<p>Итоговая стоимость системы составляет 500000 руб. Книги приобретаются в собственности навсегда. Техническая поддержка одного ЭЧЗ составляет 30000 руб. в год</p>

Продолжение таблицы

ЭБС	Объем фонда и его соответствие информационным потребностям КемГУКИ	Структурированные литературы и осуществление поиска	Цитирование и копирование информации	Другие возможности сервиса	Стоимость
<p>IQ Library</p> 	<p>Количество документов в фонде и отрасли знаний не указаны. Преимущественно фонд представлен изданиями российских университетов</p>	<p>Три типа поиска, осуществляемых в двух режимах. Наличие алфавитного указателя. Издания представлены как в виде текста для чтения, так и в виде файлов для скачивания различных форматов</p>	<p>Многие документы представлены в доступном для скачивания виде. Некоторые документы только для чтения. Более подробная информация доступна только зарегистрированным пользователям</p>	<p>Возможность работы с личными папками, в которых помещаются ссылки на информацию из фонда ЭБС. Возможно создание и хранение запросов, по которым на электронную почту приходит информация о новых поступлениях по теме запроса. Возможно размещение ссылок на книгу на собственных сайтах или блогах. Возможен обмен ссылками с другими пользователями. Представлена подробная информация об издательствах с возможностью выхода на их сайт</p>	<p>Цены и тарифные планы ставятся доступны только после прохождения процедуры регистрации. Существует бесплатный раздел «Каталог тематических изданий» Представлены как документы, доступные для чтения, так и документы, доступные для скачивания</p>
<p>Синергия</p> <p>www.cinergia.ru</p> 	<p>329 учебно-методических комплексов. Все остальные из перечисленных видов документов отсутствуют. Преимущественно это издания Российского нового университета. Отсутствие совместности с другими версиями программ-браузеров кроме Internet explorer</p>	<p>Поиск осуществляется по трем каталогам: тематическому, видовому и профильному</p>	<p>Для просмотра документов необходимо установить программу для чтения защищенных форматов документов Gisoft Reader. Возможность копирования фрагментов текста не определена</p>	<p>Возможно изменение количества отображаемых документов на странице при поиске. Возможность формировать список избранных изданий</p>	<p>Стоимость представлена индивидуально для каждого документа. В среднем, стоимость одного документа составляет 210 рублей</p>

Окончание таблицы

ЭБС	Объем фонда и его соответствие информационным потребностям КемГУКИ	Структурированные литературы и осуществление поиска	Цитирование и копирование информации	Другие возможности сервиса	Стоимость
<p>Руконт. www.rusbib.ru</p> 	<p>Полный перечень документов не представлен, но при расширенном поиске доступны все разделы, касающиеся культуры и искусства, отраженные в ББК. Количество документов в каждом разделе и в ЭБС в целом не отражено</p>	<p>Документы структурированы по отраслям знаний. Поиск осуществляется в 2-х режимах. Расширенный поиск неудобен. Один и тот же запрос при простом и расширенном поиске может давать разные результаты</p>	<p>Документ сохраняется на компьютере пользователя или просматривается онлайн. Копировать фрагменты документа невозможно</p>	<p>Возможен бесплатный просмотр фрагмента текста. Библиотеки могут оформить подписку на электронные ресурсы</p>	<p>Некоторые ресурсы предоставляются бесплатно зарегистрированным пользователям. Стоимость остальных ресурсов определяется правообладателями и становится известной для пользователя только после регистрации</p>
<p>Лань e.lanbook.com</p> 	<p>Информационным потребностям КемГУКИ не соответствует</p>	<p>-</p>	<p>-</p>	<p>-</p>	<p>-</p>

Л. А. Ткаченко

**ИНСТИТУТ ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО
ОБРАЗОВАНИЯ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ
УНИВЕРСИТЕТА КУЛЬТУРЫ И ИСКУССТВ**

В работе рассмотрены цели и задачи института дополнительного профессионального образования университета культуры и искусств. Повышение квалификации и профессиональная переподготовка – неперемное условие современных требований к работе преподавателя и возможность увеличения компетентности и информированности работника по актуальным вопросам социально-культурной сферы.

Ключевые слова: повышение квалификации и профессиональная переподготовка, инновационные подходы, образовательные программы, работники социально-культурной сферы, творческие специальности.

L. A. Tkachenko

**EDUCATIONAL PROJECTS IN THE SPHERE
OF CULTURE AND ARTS**

The research considers the purposes and tasks of an institute of additional professional education of a university of culture and arts. Advancing skills and professional development is an indispensable condition of modern requirements to a teacher's work, as well as a possibility to increase competence and knowledge ability of an employee on the burning issues of socio-cultural sphere.

Keywords: advancing skills and professional development, innovation approaches, training programs, specialists of socio-cultural sphere, creative specialties.

На современном этапе экономического и общественного развития одной из наиболее важных глобальных проблем следует считать непрерывность образования. Потребность в постоянной актуализации полученных в результате образования знаний, необходимость решения в процессе трудовой деятельности усложняющихся социальных и профессиональных задач явились причиной возникновения различных форм послевузовского образования, и в частности такого социального института как повышение квалификации и переподготовка кадров.

Институт дополнительного профессионального образования (ИДПО) Кемеровского государственного университета культуры и искусств (КемГУКИ) был создан в 1998 году как факультет повышения квалификации и переподготовки кадров (ФПК и ПК) с целью развития дополнительного профессионального образования работников сферы культуры, искусства и образования Западно-Сибирского региона. Спектр реализуемых в ИДПО образовательных программ представлен в таблице № 1.

Перечень профессиональных образовательных программ ИДПО КемГУКИ

№	Программы высшего профессионального образования	Квалификация (степень), присваиваемая по завершении образования
1	Культурология	Культуролог
2	Социальная педагогика	Социальный педагог
3	Музыкальное искусство	Бакалавр музыкального искусства
4	Дирижирование (по видам исполнительских коллективов)	Дирижер, хормейстер, преподаватель
5	Актерское искусство	Артист драматического театра
6	Музейное дело	Музеевед
7	Режиссура театрализованных представлений и праздников	Режиссер ТПП
8	Дизайн	Бакалавр дизайна, графический дизайн
9	Декоративно-прикладное искусство и народные промыслы	Бакалавр декоративно-прикладного искусства
10	Декоративно-прикладное искусство	Художник ДПИ
11	Библиотечно-информационные ресурсы	Бакалавр библиотечно-информационные ресурсы
12	Библиотечно-информационная деятельность	Библиотекарь-библиограф
13	Народная художественная культура	Бакалавр народной художественной культуры
14	Народное художественное творчество	Руководитель коллектива
15	Социально-культурная деятельность	Бакалавр, менеджер социально-культурной деятельности
16	Бухгалтерский учет, анализ и аудит	Экономист
17	Менеджмент	Менеджер
18	Прикладная информатика	Бакалавр прикладной информатики, информатик-аналитик
19	Социально-культурный сервис и туризм	Специалист по сервису и туризму
20	Домоведение	Менеджер

К категории специалистов социально-культурной деятельности относятся работники Домов и Дворцов культуры, библиотек, музеев, картинных галерей, а также организаций, занимающихся образовательной деятельностью в области начального, среднего, высшего и дополнительного образования (изобразительного, музыкального, театрального искусства, хореографии и т. д.) – эта категория слушателей преобладает в ИДПО КемГУКИ.

Специалисты в области культуры, как никто другой, занимаются «обучением в течение жизни». Примером могут служить пе-

дагоги художественного образования, в котором сложилась 3-х ступенчатая система:

1) детские художественные школы (ДХШ) или отделения в детских школах искусств (ДШИ) (обучаются дети 10–12 лет, обучение длится 4–5 лет);

2) ссузы – художественные училища (возраст обучающихся 15–17 лет, обучение длится 4,5–5 лет);

3) вузы – высшие художественные учебные заведения (обучение с 17 лет, длится 6 лет), образование только очное.

Если человек получает высшее художественное образование и становится художником, то он в течение всей жизни

занимается самообразованием. Если же он становится преподавателем и работает в учебных учреждениях 1, 2, 3 ступени художественного образования, то он призван своевременно повышать свою квалификацию.

Основной целью деятельности ИДПО КемГУКИ является осуществление дополнительного профессионального образования, направленного на непрерывное профессиональное развитие специалистов социально-культурной сферы Западно-Сибирского региона. Дополнительное профессиональное образование включает: повышение квалификации (краткосрочное (72 час.) и долгосрочное (более 100 час.)), профессиональную переподготовку (свыше 500 час.) и стажировку в целях повышения профессиональных знаний специалистов, совершенствования их деловых качеств, подготовки их к выполнению новых трудовых функций (таб. № 2). Такими специфическими формами повышения квалификации, как подготовка и защита диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук и доктора наук, а так же другими видами дополнительного образования (например, подготовка к поступлению в вуз, получение второго высшего образования) ИДПО КемГУКИ не занимается.

Динамика развития ИДПО КемГУКИ отражена в таблице № 2.

Таблица № 2

**Численность обучившихся слушателей
в ИДПО КемГУКИ за 2005–2010 годы**

Период обучения	Численность обучившихся		
	Всего	Профессиональная переподготовка	Повышение квалификации
2005/2006	152	23	129
2006/2007	305	37	268
2007/2008	443	48	395
2008/2009	484	37	447
2009/2010	594	75	519

ИДПО проводит работу по выявлению востребованных и приоритетных направлений дополнительного профессионального образования; удовлетворяет потребности специалистов в получении знаний о новейших достижениях в соответствующих областях науки, передовом отечественном и зарубежном опыте. Одним из приоритетных направлений деятельности ИДПО является создание пакета образовательных программ повышения квалификации и переподготовки кадров в соответствии с государственными образовательными стандартами и лицензией на право ведения образовательной деятельности; определение содержания образовательных программ и технологий обучения (Приложение № 1).

В настоящее время особое значение приобретает способность человека быстро адаптироваться к условиям современной действительности, быстро меняющимся обстоятельствам и потребностям рынка, формирующегося в сфере социально-культурных услуг. В условиях становления новых, рыночных отношений изменились требования к подготовке кадров, к качеству получаемого образования. Возникновение нового социально-экономического пространства предполагает формирование иного контекста профессиональной художественной деятельности, а, следовательно, инновационного качества подготовки специалистов.

В стране постепенно происходит изменение отношения к образованию, признается истинная его ценность как важнейшего ресурса экономического развития страны. Профессиональные кадры являются главной производительной силой всех отраслей, а в области культуры и творческих специальностей процесс обучения тесно связан с уровнем таланта, наличием харизмы, динамикой личностного развития преподавателя-художника (музыканта, хореографа и т. д.).

В настоящее время прохождение курсов повышения квалификации и профессиональная переподготовка – очень распространенные способы повышения собственной конкурентоспособности специалистов, имеющие целый ряд преимуществ по сравнению с другими способами получения знаний. Потребность в данных образовательных услугах формируется как у самих работников, так и их работодателей. Нередко обучение на курсах повышения квалификации и профессиональная переподготовка – неременное требование руководителей, которые заботятся о компетентности и информированности работника по актуальным вопросам социально-культурной сферы, о развитии тех или иных навыков, качеств. Но значительно чаще можно столкнуться с противоположным отношением работодателей к образовательным потребностям их сотрудников. Отмечая необходимость совершенствования профессиональной переподготовки кадров, руководители организаций не создают для этого необходимых условий. Здесь мы сталкиваемся с некоторыми проблемами.

Правовые основы и формы повышения квалификации этой категории специалистов закреплены в Конституции РФ, Трудовом кодексе РФ (ТК РФ), в федеральных законах и постановлениях правительства РФ. Изначально противоречивы нормы общего характера, содержащиеся в ст. 196 и 197 ТК РФ, регулируют вопросы повышения квалификации и профессиональной переподготовки кадров. Статья 196 относит решение вопроса о необходимости профессиональной переподготовки и повышения квалификации работника к компетентности работодателя (точнее, к его усмотрению), то ст. 197 ТК РФ закрепляет соответствующие права работника. Очевидно, что наличие права предполагает взаимную обязанность сторон и ответственность работодателя. В большинстве

случаев решение этого спора вряд ли будет в пользу работника, если это не совпадает с выгодой работодателя.

Известно, что при проведении комплексной оценки деятельности различных учебных заведений и других учреждений культуры, при прохождении процедур лицензирования и аккредитации одним из критериев успешного функционирования учреждения, является повышение квалификации его работников не реже одного раза в пять лет (ст. 21 Федерального закона «О Высшем и послевузовском образовании»). Это стимулирует поиск путей взаимодействия руководителя с учреждениями дополнительного профессионального образования. Каждый работник получает возможность повысить квалификацию. При подготовке к лицензированию и аккредитации выявляются сотрудники, не имеющие документа об образовании по специальности или специализации, в которой они приняты на работу и ведут деятельность, – такая категория работников получает возможность пройти профессиональную переподготовку. Профессиональная переподготовка – это зачастую единственная возможность перейти в смежную профессию. «Повышение квалификации работников может осуществляться по договорам, заключенным физическими и (или) юридическими лицами с высшими учебными заведениями, за счет средств физических и (или) юридических лиц» (там же). То есть заинтересованный в обучении работник может (или обязан) сам оплатить обучение.

Еще совсем недавно, в докризисный период, большое количество людей стремились получить диплом о втором высшем образовании. Но в последнее время ситуация изменилась: многие хотели бы пройти программы опережающего обучения, и особым спросом стали пользоваться профессиональная переподготовка и повышение квалификации. По данным

РИА «НОВОСТИ» (23 ноября 2009 года) среди профессий, по которым хотели бы пройти переподготовку наши сограждане, лидируют такие, как бухгалтер, управленцы разного профиля, менеджер по кадрам и экономист. Образовательные программы большинства перечисленных специальностей могут быть реализованы в ИДПО КемГУКИ. Что касается творческих специальностей, в этом направлении также ведется большая работа (этот аспект будет рассмотрен далее).

Каковы преимущества дополнительного профессионального образования перед вторым высшим образованием?

Во-первых, высшее/второе высшее образование не носит выраженного практикоориентированного характера. Лекции и семинары – основные формы проведения занятий. Учебная информация усваивается не в полном объеме. Программы же профессиональной переподготовки предполагают широкое применение практических занятий, тренингов, игр, выполнения проектов (группы «Менеджмент туризма», «Менеджмент связей с общественностью рекламы и имиджа», «Кадровый менеджмент» и т. д.). В процессе обучения слушатель знакомится с конкретными методиками и технологиями, представляющими реальную ценность в осуществлении его профессиональной деятельности. Все практические задания нацелены на решение актуальных профессиональных задач («Методика преподавания сольного пения», «Методика преподавания эстрадного пения», «Преподаватель по классу гитары»).

Во-вторых, получение второго высшего образования требует слишком больших временных затрат, и потому курсы профессиональной переподготовки и повышения квалификации более приемлемы, т. к. занятия могут организовываться в вечернее время и в выходные дни. Это удобно и для студентов очной и заочной форм обучения, которые получают первое высшее образо-

вание и имеют возможность параллельно обучаться в ИДПО. Подобная практика существует уже 5 лет. Студенты КемГУКИ и других вузов г. Кемерово (КемГУ, КемГТУ) одновременно получают дипломы о высшем образовании и о профессиональной переподготовке.

В-третьих, полученные знания в ИДПО можно сразу применить на практике. («Графический дизайн», «Декоративно-прикладное искусство и народные промыслы»). Для работающих людей зачастую это более ценно. Посещая курсы, слушатели получают профессиональную информацию и навыки, необходимые им в повседневной работе.

Кроме того, курсы профессиональной переподготовки и повышения квалификации хороши еще и тем, что для обучения по заявленной узкопрофессиональной тематике собирается группа людей, имеющих опыт работы или заинтересованных в особом виде деятельности. Соответственно, с ними можно обсудить актуальные вопросы, наладить профессиональные связи.

После прохождения дополнительного образования специалист получает диплом о профессиональной переподготовке, который свидетельствует о том, что его обладатель владеет двумя специальностями – первой, полученной после обучения в техникуме или вузе, и второй – после профессиональной переподготовки. Вторая специальность становится равноправной с первой (законодательно) и дает право заниматься соответствующим видом деятельности.

Обратимся к востребованным в последнее время (5 и более лет) образовательным программам ИДПО «Методика преподавания сольного пения», «Методика преподавания эстрадного пения», «Преподаватель по классу гитары». В Кемеровском музыкальном училище и Кемеровском государственном университете культуры и искусств, а также в других музыкальных

учебных заведениях Западно-Сибирского региона существуют отделения и кафедры дирижирования, хорового дирижирования, дирижирования академическим хором. Одной из изучаемых дисциплин на вышеперечисленных специальностях, является «Вокальное исполнительство» (например, в объеме 72 часа на 3 и 4 курсе). В настоящее время «Методика преподавания сольного пения (академического и эстрадного)» приобретает особую актуальность, так как в начальном, среднем и высшем музыкальном образовании сольное исполнительство становится востребованным: дети, учащиеся, студенты хотят обучаться пению соло, а не в хоре. А в группах «Преподаватель по классу гитары» обучаются слушатели, которые уже прошли обучение на отделениях и кафедрах оркестра и ансамбля (народного) по классу домры и балалайки, а востребованным является обучение на гитаре. Перечисленные программы требуют углубленного освоения (более 500 час.).

Итак, рассмотрев различные направления и тенденции работы ИДПО КемГУКИ, можно определить круг наиболее важных задач развития структурного подразделения:

1. Исходя из запросов слушателей, которыми, в основном, являются работники социально-культурной сферы, преподаватели и студенты, мы стремимся предложить разнообразные программы обучения, обеспечить возможность выбора. Так как среди слушателей ИДПО преобладают преподаватели, остановимся подробнее на рассмотрении программ адресованных данной категории обучающихся. Для преподавателей различных ступеней (начального, среднего, высшего) предлагаются разнообразные образовательные программы, различающиеся в количественном отношении (объемом часов – 72, 100, 500) так и качественном (структурой и содержанием). Они будут ориентированы на так называемое «предметное» повышение ква-

лификации и должны состоять из модулей, содержащих вопросы преподавания основных дисциплин.

2. Особенностью подготовки преподавателей творческих специальностей является то, что они не имеют специального педагогического образования. Исходя из этого, особую значимость приобретает задача оказания им помощи в овладении современными приемами образовательной деятельности. Решению данной задачи способствует предлагаемая ИДПО программа «Современные педагогические технологии».

3. Наряду с курсами ориентированными на «предметное» повышение квалификации, следует организовать курсы по тематическим направлениям. Постоянно меняющаяся социокультурная ситуация, динамика развития молодежной среды, трансформация ценностных приоритетов современной молодежи диктует необходимость повышения квалификации педагогов по программе «Социокультурные проблемы образования». Программа может ориентировать на внедрение инновационных подходов к организационно-воспитательной работе с молодежью.

4. Многие работники социально-культурной сферы, преподаватели в процессе своего карьерного роста начинают занимать различные управленческие должности, хотя не имеют менеджерской подготовки, что сказывается на качестве их деятельности. Необходимо обучать слушателей по программам новых технологий управления, например, «Хай-хьюм».

5. Целенаправленная работа по формированию информационной компетенции преподавателей создает возможности для внедрения в образовательную деятельность, в том числе по повышению квалификации, дистанционных технологий (Skype). Как известно, их использование является одним из важнейших условий развития непрерывного образо-

вания, и современная система повышения квалификации невозможна без их широкого применения. В настоящее время необходимо разрабатывать новые соответствующие программы и электронные учебно-методические комплексы, которые позволят значительно расширить возможности применения в дополнительном образовании дистанционных технологий. Подобные программы востребованы, за ними, безусловно, будущее. Преподаватели, вла-

деющие ИТ – технологиями в образовательном процессе ИДПО, должны иметь более высокую оплату труда.

От того, как организовано повышение квалификации и переподготовка кадров, каков уровень образовательных программ, широта применяемых технологий во многом зависит результативность процесса совершенствования профессиональной компетентности работников социально-культурной сферы.

Литература

1. Виноградов В. Н. Проектная культура преподавателя современного университета // Инновационные процессы в образовании: проблемы и практика проектирования: межвузовский сборник научных статей и проектных работ по материалам курсов повышения квалификации «Проектная культура преподавателя современного университета». – Смоленск: изд-во СмолГУ, 2009. – 232 с.
2. Всероссийская конференция. Кадры высшей школы инновационной России: вызовы и решения. Сборник материалов. Москва, 10–11 ноября 2009 года / под ред. В. Л. Панкова. – М.: МИРЭА, 2010. – 128 с.
3. Сборник нормативно-правовых и методических документов в сфере дополнительного профессионального образования. – М.: Чертановская типография, 1998. – 464 с.

Приложение № 1

Перечень образовательных программ ИДПО КемГУКИ

Профессиональная переподготовка (свыше 500 час.), возможно по всем специальностям и специализациям, лицензированным в вузе.

Группы, в которых проводится обучение в 2009–2010 учеб. году

1. Менеджмент туризма
2. Менеджмент связей с общественностью, рекламы и имиджа
3. Кадровый менеджмент
4. Методика преподавания сольного пения
5. Методика преподавания эстрадного пения
6. Руководитель фольклорно-этнографического коллектива
7. Декоративно-прикладное искусство: методика преподавания, современные технологии

8. Преподаватель по классу гитары

9. Графический дизайн

10. Дизайн интерьера

Группы, в которые осуществляется набор

1. Кино-, видео-, фототворчество и мастерство оператора
2. Менеджмент социально-культурного сервиса и туризма
3. Социальный педагог
4. Народное художественное творчество (руководитель студии ДПИ)
5. Современные театральные технологии (руководитель театральных коллективов)
6. Режиссура праздников
7. Информатик аналитик ИСС
8. Современная хореография.
9. Джаз-модерн
10. Методика преподавания народного пения
11. Арт-менеджмент

Повышение квалификации (72–100 и более часов) возможно по всем специальностям и специализациям, лицензированным в вузе

Группы, в которых проводится обучение в 2009–2010 уч. году

1. Методика преподавания специальных дисциплин в ДХШ и ДШИ

2. Методика преподавания специальных дисциплин в ДМШ и ДШИ

3. Социология СКД

4. Менеджмент СКС

5. Методика и разработка образовательной программы для учреждений дополнительного образования детей

6. Мастерство хореографа

7. Русская философия в XIX – начале XX веков: преемственность и развитие

8. Режиссура как сценическое действие

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ЗНАНИЕ

SOCIO-ECONOMICAL KNOWLEDGE

УДК 338.485

О. А. Балашова

РОЛЬ ТУРИЗМА В ЭКОНОМИКЕ ЕГИПТА

В статье рассматривается роль туризма в экономике Египта, факторы его развития, оценка экономических последствий туризма на макроэкономическом уровне с помощью методов вспомогательных счетов туризма (ВСТ) и экономического анализа воздействия туризма (ЭАВ).

Ключевые слова: туризм, экономика Египта, экономические последствия туризма, методы вспомогательных счетов (ВСТ).

O. A. Balashova

ROLE OF TOURISM IN EGYPTIAN ECONOMY

The article considers the role of tourism in Egyptian economy, the factors of its development, it give evaluation of economic consequences of tourism on macroeconomic level with the help of additional accounts of tourism (AAT) methods and tourism influence economic analysis (IEA).

Keywords: tourism, Egyptian economy, economic consequences of tourism, additional accounts of tourism (AAT) methods.

Туризм оказывает воздействие на экономику практически по всем аспектам жизни общества. В экономическом отношении туризм рассматривается как:

1) определенная совокупность общественных отношений в сфере производства, обмена и распределения продукции;

2) часть народно-хозяйственного комплекса данной страны, включающая определенные отраслевые виды производства и экономической деятельности;

3) экономическая наука, изучающая туризм как отрасль хозяйства страны или региона (экономика туризма);

4) общественная наука, изучающая поведение в сферах производства турист-

ского продукта, его потребления, распределения и обмена. Экономисты анализируют процессы, происходящие в этих сферах, прогнозируют их последствия для физических лиц, организаций и общества в целом;

5) современная экономическая теория, изучающая поведение людей как хозяйствующих субъектов на всех уровнях туристской экономической системы в процессах производства, распределения, обмена и потребления туристских услуг в целях удовлетворения человеческих потребностей при ограниченных ресурсах семьи, фирмы и общества в целом.

С точки зрения фундаментальной экономики туризм представляет собой эко-

номический комплекс, развитие которого в большей степени объясняется мирохозяйственными процессами и отношениями, нежели внутренними причинами. Но туризм также и важнейший катализатор экономического роста многих быстро развивающихся стран, поскольку выступает каналом перераспределения валового национального продукта между странами, которое не сопровождается вывозом (импортом) товаров и услуг. Другими словами, если туристы не только вывозят часть заработанных в других производствах средств, но и создают в других странах новые рабочие места.

Современный туризм как экономическое явление:

- имеет индустриальную форму;
- выступает в виде туристского продукта и услуг, которые не могут накапливаться и транспортироваться;
- создает новые рабочие места и выступает зачастую пионером освоения новых районов и катализатором ускоренного развития национальной экономики;
- выступает как механизм перераспределения национального дохода в пользу стран, специализирующихся на туризме;
- является мультипликатором роста национального дохода, занятости и развития местной инфраструктуры и роста уровня жизни местного населения;
- характеризуется высоким уровнем эффективности и быстрой окупаемостью инвестиций;
- выступает как эффективное средство охраны природы и культурного наследия, поскольку именно эти элементы составляют основу его ресурсной базы;
- совместим практически со всеми отраслями хозяйства и видами деятельности человека, поскольку именно их дифференциация и дискретность и создают ту разность потенциалов рекреационной среды, которая вызывает потребности людей к перемене мест и познанию.

Влияние экономических факторов на туризм главным образом обусловлено тем, что между тенденциями развития туризма и экономики наблюдается тесная взаимосвязь. Существует прямая зависимость между экономическим развитием страны, объемом национального дохода и материальным благосостоянием ее граждан. Поэтому государства с развитой экономикой, как правило, лидируют на мировом рынке по количеству туристских поездок своих граждан.

С помощью туризма постоянно происходит перекачивание капитала из экономически развитых стран в развивающиеся. При этом многие страны мира строят свою экономическую политику на развитии туризма. Для этого они создают особо благоприятные условия: снижают налоги, создавая свободные экономические зоны, упрощают визовые формальности, реализуя крупные национальные и интернациональные проекты, т. е. используют в основном методы экономического стимулирования развития туризма в расчете на будущие поступления.

От экономического положения государства зависят не только доходы населения, но и уровень развития материально-технической базы и инфраструктуры туризма. К числу экономических факторов относятся также инфляция, процентные ставки, колебания реальных обменных курсов валют. Так, изменения обменных курсов существенно влияют на объем туристских потоков между странами с сильными и слабыми валютами. Замечено, что рост относительной себестоимости поездки за рубеж на 5 % приводит к уменьшению спроса на выездной туризм на 6–10 %.

Развитие туризма очень чувствительно к тому, в какой фазе экономического цикла – подъема или спада – находится не только национальная, но и мировая экономика. Так, во время экономического

кризиса число международных туристских прибытий значительно сократилось.

Рассмотрим взаимное влияние туризма и экономики на примере одной из наиболее популярных стран в плане отдыха среди наших соотечественников – Египте.

Египет занимает уникальное географическое положение. Многие люди из разных стран мира приезжают сюда из-за его климата. Египет обладает и уникальным наследием культуры. Здесь есть памятники времен фараонов, римского, коптского и исламского периодов. Египет является одним из самых желанных для посещения мест. Путешественники со всего мира мечтают увидеть одно из семи известных чудес света: великие пирамиды. Египет – это рассвет и колыбель цивилизации, земля фараонов, дар Нила. Наследие в 5000 богатых и таинственных лет продолжают привлекать в эту страну миллионы туристов на протяжении многих лет. Египет может много чего предложить людям со всего света с их различными интересами, и каждый найдет его удивительным в плане исторического туризма, лечебного туризма, культурного туризма, спортивного туризма, сафари, конференций и выставочного туризма.

С точки зрения микроэкономики туризм создает прямо или косвенно миллионы рабочих мест для египтян. Вакансии в сфере туризма в Египте очень выгодны по сравнению с другими областями.

С точки зрения макроэкономики туризм имеет большое воздействие на национальную экономику страны. Туризм в Египте является одним из основных источников твердой валюты, а также эффективным фактором экономического и социального развития. Египет обладает достаточным потенциалом, чтобы заработать большие деньги от туризма. Египетское правительство работает над многими туристическими проектами. Всемирный банк

и другие иностранные инвесторы направляют сюда свои средства для воплощения этих проектов в жизнь.

Туризм в Египте в 1988 году догнал нефть как основной источник иностранной валюты страны и по сей день остается одним из главных добытчиков денег, прямо или косвенно обеспечивая каждое десятое рабочее место.

Роль туризма в экономике Египта воспроизводится степенью вклада гостиниц и ресторанов в сектор услуг (рис. 1 и 2). По данным Министерства экономики и международной торговли, доходы от туризма составляют 11,3 % ВВП и около 12 % от общего числа занятых в экономике. Хотя этот вывод разумно основан на том, что доходы от туризма включают услуги отелей и ресторанов, это проблематично, поскольку он полностью игнорирует расходы туристов на широкий спектр других товаров и услуг, таких, как: транспорт, развлекательные и культурные мероприятия, покупки.

Информация о прибывающих туристах и их средних расходах поступает из двух источников: 1) Паспортное и иммиграционное управление, которое сообщает также номера документов, национальности и количество проведенных в стране ночей, и 2) Центральное агентство по мобилизации капитала и статистики, которое приводит оценки моделей туристских расходов. Последнее опирается на выборочные исследования оценки средних расходов туристов, распределение этих расходов на различные группы товаров и услуг, а также распределение структуры расходов по национальности, возрасту, цели визита и т. д. Центральный банк использует данные этих двух источников для расчета поступлений от туризма для платежного баланса.

Для оценки экономических последствий туризма существует два альтерна-

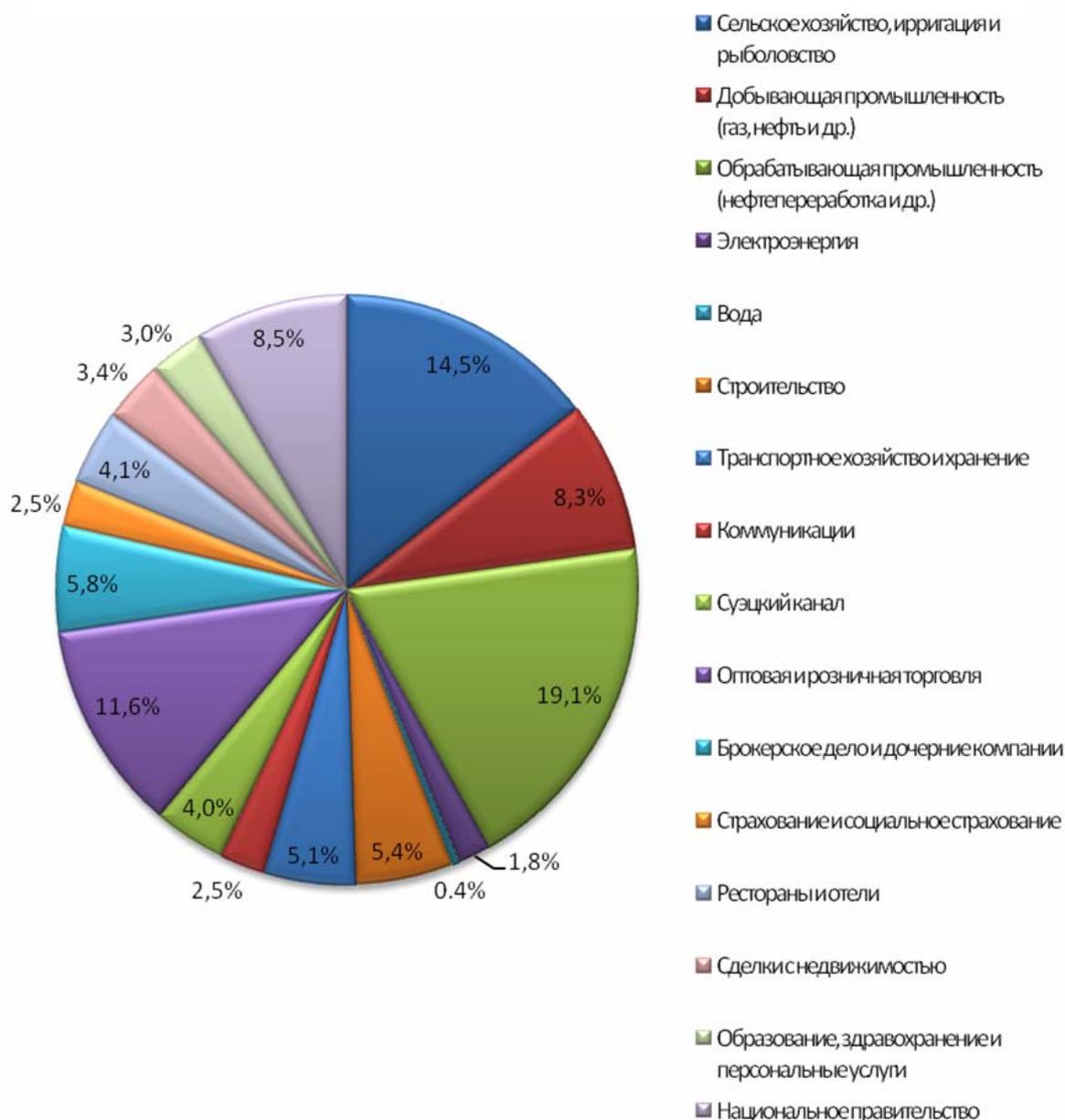

Рис. 1. Доля отраслей в ВВП

тивных метода. Первый опирается на разработку вспомогательных счетов туризма (ВСТ), в то время как второй зависит от использования таблиц затраты-выпуск, чтобы иметь представление о том, что называется «Экономический анализ воздействия» (ЭАВ).

В соответствии с методом ВСТ первичные данные по конкретному виду деятельности собраны с целью определения размера деятельности, которая явно не вписана в стандартные записи национальных счетов. Как правило, это возможно только для развитых стран с большими

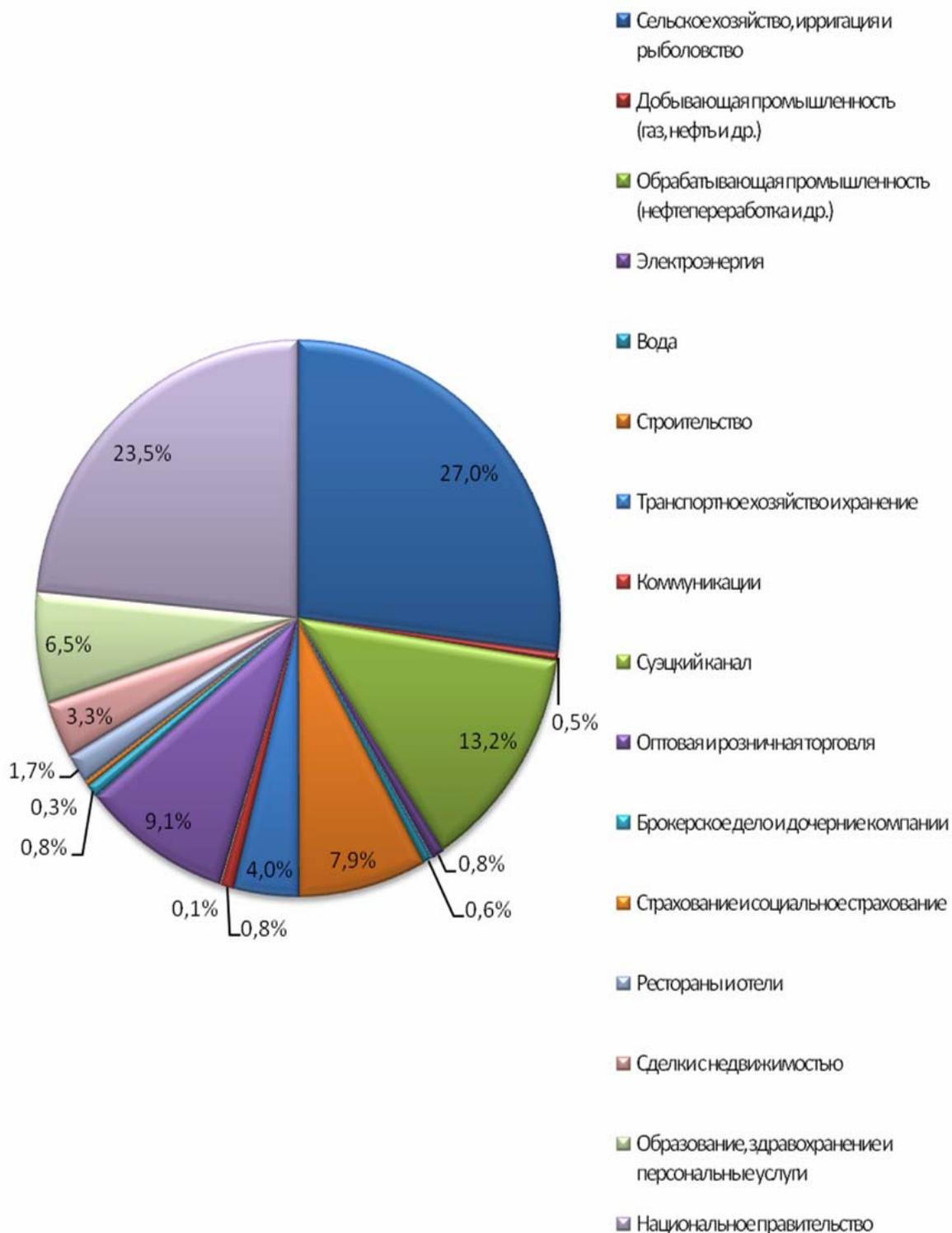

Рис. 2. Занятость по отраслям экономики

базами данных и обширными человеческими и материальными ресурсами. В список стран, которые уже разработали ВСТ, входят Канада, Франция и Соединенные Штаты, а также некоторые развивающиеся страны, такие, как Доминиканская Республика.

С момента разработки данного метода, оценка ВСТ получила большую поддержку от международных организаций. Помимо того, что она признана в качестве важного источника данных по туризму в рамках конференции по измерению экономического влияния туризма, которая состоялась в Ницце, Франция, в июне 1999 года. Организация Объединенных Наций и Всемирная туристская организация одобрили ее подход. Как результат, всем странам, включая Египет, предлагается рассмотреть вопрос о принятии эффективных мер по внедрению ВСТ по крайней мере в среднесрочной перспективе.

Второй способ – ЭАВ – влияние расходов туристских потоков на различные сектора экономики в стране или регионе. Этот метод исследует как прямое, так и косвенное воздействие расходов на следующие экономические показатели: продукция других секторов, доходы от туризма, возможности трудоустройства и налоговые поступления.

Так как в тот момент провести оценку ВСТ в Египте не представлялось возможным, эта система приняла методологию ЭАВ. В частности, она оценивает:

1) прямые эффекты, которые являются незамедлительной реакцией, связанной с изменениями туристских расходов;

2) вторичные эффекты, которые включают в себя следующее:

– косвенные эффекты, которые являются изменениями в результате различных циклов повторного расходования поступлений от туризма в промышленность, поставляющую продукты и услуги для индустрии туризма;

– индуцированные эффекты, которые представляют собой изменения в экономической деятельности в результате расходования средств домашних хозяйств, прямо или косвенно полученных в результате туристских расходов.

Количественный анализ, проведенный Египетским центром экономических исследований, показывает, что непосредственное воздействие иностранных туристских расходов на совокупный спрос составило 11,6 млрд. долларов США в 2009 году, что представляет собой 19,3 % от ВВП [4]. Другие данные, которые сосредотачиваются только на гостиницах и ресторанах, исключают 60–70 % от общего объема расходов туристов, относящихся к другим секторам экономики [8].

Что касается занятости, исследования показывают, что расходы иностранных туристов в 2008 году непосредственно способствовали созданию по приблизительным подсчетам около миллиона рабочих мест в туризме, что составляет около 12 % от общего числа занятых в экономике. Всего вклад в занятость с учетом вторичных эффектов достигает 2,8 миллионов рабочих мест.

Исследования оценки вклада туристских расходов в объем налоговых поступлений. Согласно Закону № 91, вступившего в силу 10 июня 2005 года, налог с продаж составляет от 0 до 25 % общего объема производства, а подоходный налог с заработной платы и прибыли, получаемых от туризма колеблется от 10 до 20 %. Используя эти индексы, налоговые поступления, непосредственно связанные с этой деятельностью составляют 5 % от общего числа прямых и косвенных налоговых поступлений за год.

Наконец, следует отметить, что, т. к. расходы иностранных туристов приводят к прямым вливаниям иностранной валюты в экономику (функция, которая не

может быть легко доступной для других видов деятельности), влияние этих расходов сопоставимо с экспортом египетских товаров и услуг для потребления в другие страны. Этот момент обычно имеет решающее значение для развивающихся стран с растущим дефицитом торгового баланса, так как он обращает внимание на преимущества наценки к прибавочной стоимости, созданной в ориентированных на экспорт секторах, особенно когда давление оказывается на местную валюту и торговый баланс.

Результаты работы Египетского центра экономических исследований очевидны. Как минимум это исследование должно повышать способность предприятий как внутри, так и за пределами индустрии туризма стратегически планировать свою деятельность в соответствии с информацией о прибытиях иностранных туристов и их расходах. С помощью усовершенствованной оценки связей иностранного туризма с другими секторами компании могут лучше прогнозировать их потребности, использовать свои возможности и избежать возможных перебоев с поставками.

Однако результаты исследования более важны для правительства и промышленности. Самым непосредственным образом эти результаты относятся к тому, какое место туризм должен занимать в

списке приоритетных египетских направлений. Неизбежно, как деятельность, которая значительно способствует поступлениям иностранной валюты через свои связи и косвенные эффекты, туризм будет зарабатывать себе все более высокое место на экономической повестке дня политики Египта. Кроме того, способность туризма вносить свой вклад в приоритеты государственной политики, таких, как увеличение занятости и содействие экономическому росту других секторов, могут только укрепить позиции туризма в экономической политике Египта.

После того как приоритетное положение туризма будет установлено, усилия по развитию туристской стратегии Египта станут целью не только для политиков в секторе туризма, но и политиков на макроэкономическом уровне. Согласованные усилия по разработке туризма в Египте позволят стране извлечь выгоду из своего значительного туристского потенциала и растущего значения туризма во всем мире.

Туризм – это повсеместное явление. Нет такой страны, которая не отправляла бы или не принимала туристов. Рекреационный ресурс повсеместен, и уровень его определяется в экономической теории величиной спроса, которая, в свою очередь, определяет уровень доходов и расходов страны по линии туризма.

Литература

1. Carnegie Papers. The Political Economy of Reform in Egypt: Understanding the Role of Institutions. Carnegie Endowment for International Peace. – Number 5-October 2007. – 32 p.
2. Daniel J. Stynes Economic Impacts of Tourism. – 19 p.
3. Egypt and the Global Economic Crisis: A Preliminary Assessment of Macroeconomic Impact and Response / Volume II: Annexes / June 16, 2009. – 71 p.
4. Egypt Tax Guide 2009. – 9 p.
5. Internet on the Nile: Egypt Case Study. – International Telecommunication Union. – March 2001. – 60 p.
6. Sahar Tohamy and Adrian Swinscoe The Economic Impact of Tourism in Egypt / The Egyptian Center for Economic Studies // Working Paper. – No. 40. – June 2000. – 39 p.
7. The Economic Impact of Tourism in Egypt / Policy Viewpoint / The Egyptian Center for Economic Studies / Working Paper. – June 2001. – No. 5. – 4 p.
8. The Travel & Tourism Competitiveness Report 2008. World Economic Forum.

Древний храм в Абу-Сембеле, Египет (источник: <http://www.worldtourismplace.com>)

Панорама г. Александрия, Александрийская библиотека, Египет (источник: <http://iguide.travel.ru>)

В. Ш. Курмашев

ОСОБЕННОСТИ ОРГАНИЗАЦИИ РЕГИОНАЛЬНОЙ И МУНИЦИПАЛЬНОЙ СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЙ ПОЛИТИКИ

В статье рассмотрены особенности и проблемы региональной и муниципальной социально-культурной политики. Даны определения региональной и муниципальной политики. Рассмотрен управленческий аспект региональной и муниципальной социально-культурной политики. Особое внимание уделено программированию и консультированию в управленческом ключе.

Ключевые слова: социально-культурная политика, региональная социально-культурная политика, особенности программирования и консультирования в управлении муниципальной социально-культурной политикой.

V. Sh. Kurmashev

PECULIARITIES OF REGIONAL AND MUNICIPAL SOCIO-CULTURAL POLICY ORGANIZATION

The article considers peculiarities and problems of regional and municipal socio-cultural policy organization. The definitions are given for regional and municipal policy. The managerial aspect of regional and municipal socio-cultural policy is studied. Special attention is paid to programming and consulting in management aspect.

Keywords: socio-cultural policy, regional socio-cultural policy, peculiarities of programming and consulting in managing municipal socio-cultural policy.

Региональная культурная политика – понятие многозначное и широко применяемое в последнее время в различных смыслах. Можно выделить три основных круга проблем, при характеристике которых он чаще всего используется:

1. При характеристике различного рода отношений между федеральными структурами и субъектами федерации по поводу организации на местах культурной деятельности.

2. При характеристике того или иного вмешательства в развитие культуры в отдельных территориальных образованиях с целью преодоления имеющихся различий в культурном обслуживании.

3. При характеристике собственной культурной политики в субъектах федерации.

В подавляющем большинстве под региональной культурной политикой подразумевают систему целей и задач по организации культурной деятельности в каком-нибудь конкретном регионе.

Общество в целом, отдельный человек живут в системе взаимодействия политических, экономических и культурных полей. К сожалению, долгие годы задачи экономики решались без учета национально-исторических и культурных факторов, что естественно нанесло значительный урон во взаимосвязи че-

ловека и природы. Вместе с тем культура тоже не может игнорировать экономику, социально-политическую ситуацию или иные существенные факторы жизни общества и человека.

Еще в начале 80-х годов прошлого века А. Ф. Шарова сформулировала задачи обеспечения благоприятных условий для повсеместного равного приобщения к культуре населения разных регионов [2].

Она указывала, что управление сферой культуры заключается в создании соответствующих условий для развития творческого потенциала каждого субъекта действия. Отсюда главной задачей субъекта управления считались поиск инвестиций, укрепление материально-технической базы.

В качестве главного направления преобразования всей системы управления, предложенной исследовательской группой НИИ культуры под руководством В. Г. Родионова, был избран кардинальный переход от управления только учреждениями (подотраслями или группами учреждений), строящими свою работу на основе заданных ведомственных ориентиров, к более гибкому механизму регулирования развития культуры (культурных процессов) на основе интеграции всех возможных субъектов культурной деятельности [1]. Соответствующие проектные предложения по интеграции действий всех субъектов, участвующих в развитии сферы культуры, в том числе инициативной культуротворческой деятельности населения и появления нового, коллективного субъекта управления. Под коллективным субъектом имелась в виду прежде всего система единых органов управления развитием культуры на разных уровнях.

В 70–80-х годах были предприняты и другие попытки приблизить систему управления к реальным потребностям практики. Были созданы культурно-спортивные комплексы, различные централизованные си-

стемы (библиотечные, в частности). Они позволили более свободно оперировать с финансами на местах, использовать дополнительные источники финансирования сферы культуры. Стало возможным, например, финансирование культурных мероприятий разными ведомствами (через аккумуляцию средств в культурно-спортивном комплексе). Однако по своей форме эти организационно-управленческие нововведения были отражением административной системы. С точки зрения управления реальной деятельностью это было неэффективно и вносило неопределенность в работу учреждений культуры. В этой ситуации реальные проблемы так и продолжали оставаться проблемами, т. к. система не работала на их решение.

Новый подход к программированию в сфере культуры формировался в рамках управленческого консультирования, проектирования, развития городской среды. Стержнем его являлась организация процесса программирования как непрерывного взаимодействия между всеми участниками программы и согласования интересов, целей и приоритетов культурного развития. Новизна данного подхода основана на принципе индивидуализации территориального развития и демократическом механизме формирования культурных приоритетов с опорой на тех социально активных агентов, которые действуют на данной территории. В данном случае механизм формирования культурной политики идет «снизу вверх», а не так как было раньше из центра. Однако заметим, что руководители местных органов управления культурой в большей степени склонны заимствовать нововведения из других регионов или принимать политические установки центра (то есть действовать «по образцу»), чем, опираясь на анализ местных условий и проблем», самостоятельно формулировать приоритеты культурного развития.

Анализ функционирования сферы культуры показывает, что структура управления культурой пережила несколько периодов, каждый из которых отражал подходы и ситуацию своего времени.

Такой подход привел к тому, что в государственной системе шла дифференциация структур управления, их расширение, а в системе общественного саморегулирования культурой происходил обратный процесс – от многообразия организаций и многослойности структур к их унификации.

Современный подход к выработке региональной культурной политики нацелен, прежде всего, на:

Специфику исторического развития региона, сложившихся традиций, национальные и конфессиональные отличия;

Развитость инфраструктуры, в том числе учреждений культуры, средств массовой коммуникации;

Кадровый потенциал в его связи с национально-историческими и культурными особенностями региона.

Конечно, подобные проблемы существуют и при управлении экономикой и социальной сферой. Но в области культуры эти проблемы имеют свою доминанту.

На взгляд автора, региональный подход к культуре связан с ограниченными возможностями централизации, недоучета самобытности, оригинальности культурной жизни. И задача культурной политики заключается в том, что невозможно учесть из единого центра огромной страны всю специфику культурной сферы, требующей постоянного внимания области жизни общества и человека. Однако эти особенности чаще всего поддаются учету при развитии федерализма и местного самоуправления. Именно развитие культурной политики региона – путь борьбы с централизацией, местничеством, национал-сепаратизмом.

Рыночные отношения вносят существенные изменения в культурную жизнь

регионов. Они передают «инструменты» культурной политики от государства в руки новых владельцев и, тем самым, способствуют созданию многосубъектной, многоканальной системы финансирования культуры, что несет в себе альтернативы и для творческой личности, и для учреждений культуры.

Рыночные отношения сразу же выявляют различия между официальной культурой (государственной (региональной), несущей в себе принципы общегосударственной культурной политики), и реально существующим многообразием структурных образований в обществе: по уровням развития, характеру потребностей и ценностей, субъектами собственности и управления.

Децентрализация управленческой сферы культуры региона дает возможность не только расширению культурной самостоятельности на региональном уровне, но и созданию нового механизма взаимодействия государственных и общественных структур управления. Включенность потребителей в общественно-государственное самоуправление становится очевидной необходимостью. Следует, вероятно, заменить жесткие типы административного управления общественным управлением культурными процессами. При этом необходим отказ от диктата центра и переход от директивного управления к партнерским отношениям.

Региональная система культуры – важнейший базовый элемент управленческой конструкции, с помощью которой эффективно может осуществляться культурная политика на местах, а также и государства в целом.

Правомерно выделить три уровня регулирования культурной жизни, что схематично представлено на рисунке 1:

1. Местный (муниципальный) – районный;

2. Региональный (область, край, автономное образование);
3. Федеральный.

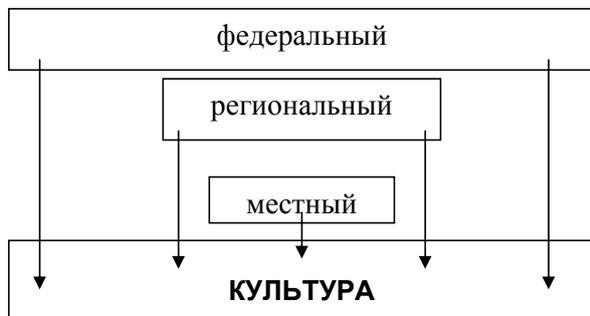

Рис. 1. Схема регулирования культурного процесса

Очевидно, что культурная жизнь (даже если ее отдельные факты или явления приобретают общенациональное или общегосударственное значение) существует и развивается на региональном и муниципальном уровне. Сегодня эти уровни превратились в своеобразные центры, где перекликаются буквально все интересы: политические и территориальные, личные и производственные, коллективные и государственные, культурные. Именно на уровне территорий сосредотачиваются и наиболее рельефно проявляются все «болезни» нашего общества, концентрируется мнение населения о ходе экономических реформ и реализации других решений органов власти и управления.

Сегодня на региональном и муниципальном уровнях создаются предпосылки для формирования и реализации культурной политики, которая существенным образом отличается от прежней.

Рассмотрим более подробно три уровня регулирования культурной жизни.

Федеральная культурная политика напрямую связана с деятельностью Министерства культуры России. Федеральная культурная политика должна, очевидно, строиться таким образом, чтобы инициировать и стимулировать активность раз-

нообразных субъектов культурной жизни, в том числе местных органов, а в случае необходимости поддерживать эту активность ресурсами. В рамках подобной парадигмы управления местные органы будут выступать уже не в роли исполнителей директив, а как партнеры. Такое расширение субъектов культурной политики – объективная закономерность общественного развития на переходном этапе. В связи с этим необходим поворот от аппаратного принятия решений о распределении средств в рамках государственных целевых программ и соответствующих правительственных ассигнований.

Задача культурной политики на региональном уровне определяется значимостью регионов как крупных социокультурных единиц, являющихся средоточием культурных различий, культурной специфики. Соответственно успехи или неудачи решения социально значимых проблем на этом уровне характеризуют улучшение или ухудшение социокультурной ситуации в обществе в целом. Содержание задач культурной политики в этом случае связано с построением программ регионального развития.

Следует принимать во внимание, что базовое различие регионов определяется по нескольким основаниям. Наиболее значима в этом отношении этническая специфика, в особенности в кризисной ситуации, когда межнациональные отношения обостряются. Задача культурной политики в подобных случаях, как свидетельствует мировой опыт, связывается субъектами управления с целями национального возрождения, сохранения национальной самобытности. Важным основанием специфики региона является его историко-культурный статус. Устойчивость сложившихся структур расселения и хозяйствования, историческая память, удерживающая традиционные пути, связывающие население,

памятные места и исторические ценности – вот тот культурный потенциал, который не должен быть утрачен.

Соответственно задачи культурной политики определяются необходимостью найти приемлемые для жителей регионов соотношения традиционных и модернизирующихся культурных форм. На наш взгляд, этот уровень в современных условиях еще недостаточно четко обозначил свои функции. Ибо, в связи с принятием Закона о Местном самоуправлении, большая часть полномочий, связанных с развитием культуры регионального уровня, перешла на муниципальный. Вопросы, связанные с финансированием, расстановкой кадров, развитием материально-технической базы учреждений культуры и многие другие, сегодня решает сама администрация муниципального уровня. В то же время региональный уровень располагает значительным научным и творческим потенциалом, который необходим для развития культуры на муниципальном уровне при осуществлении культурной политики.

Важным источником решения социокультурных проблем региона являются внебюджетные средства. Достаточно сказать, что общая величина средств, аккумулирующихся в этих фондах, порой превышает величину федерального бюджета. Именно внебюджетный фонд, на наш взгляд, является одним из важных рычагов регулирования социокультурных процессов на региональном уровне. Но для этого необходимо законодательно утвердить выделение средств на развитие культуры региона, т. к. нормативные акты по данному вопросу на сегодняшний день отсутствуют.

Возрастающая значимость городской культуры в динамике общества является важнейшим аспектом развития муниципального уровня. С этой точки зрения города – региональные центры выполняют особые функции в развитии регионов. Сюда со всей их территории поступает информация

о локальных социокультурных проблемах и затруднениях. Здесь концентрируются институциональные структуры и культурный потенциал для решения проблем в регионе.

Необходимость муниципальной политики в условиях регионального многообразия усугубляется разнокачественностью городов – региональных центров. «Центральные функции» города-столицы, города-исторически промышленного центра, города-центра исторически сложившихся сельских регионов, города с большой историей торговых связей, города – преимущественно историко-культурные центры, города-новостройки. В то же время эта неоднородность имеет ограничители, обусловленные для всей территории страны правовыми установлениями, – с одной стороны, и намеченных общегосударственных решений культурной политики – с другой. Кроме того, имеется определенное сходство культурных проблем в различных городах-исторических центрах. Это позволяет выделить некоторые общие принципы муниципальной политики.

Учитывая вышеизложенное, задачу культурной политики на муниципальном уровне можно определить как организацию и поддержание в приемлемом состоянии городской среды при активном участии горожан. В решении этой задачи выделяются два основных направления: воспроизводство уже сложившегося социально-приемлемого уровня городской культуры и решение существующих и предполагаемых социально значимых проблем в городе. Какой бы аспект культуры этого уровня не был затронут, он везде связан с необходимостью постановки и решения различных проблем культурной политики. Именно этот уровень наиболее тесно связан с природными факторами, которые обуславливали традицию в культуре и являлись основным источником жизнедеятельности социума. В то же вре-

мя он в наибольшей степени ощутил на себе разрушительные последствия культурных традиций. Под угрозой полной гибели оказалась самобытность культуры, ее созидательно-творческая сущность. Поэтому так важно сегодня вернуть народу нравственно-эстетический потенциал народной культуры, расширить взаимодействие национальных культур, а самое главное – учитывать природный фактор в жизнедеятельности человека и этой взаимосвязью стимулировать культурное состояние общества, которое на сегодня утрачено.

Ситуация усугубляется проблемами экономическими: нет четкой экономической программы муниципального уровня, его культуры, а отсюда – практически утрачены прогностические функции этого звена. Ясно одно, что ни теоретических, ни правовых, ни кадровых оснований к переходу в новые условия, в новое качество сделано не было. А неизбежность перемен диктует время. Все опережающая электронная информация, развитие видеоиндустрии приводит к окончательному отставанию многих работников отрасли от «злобы дня». Средства массовой информации, и прежде всего радио и телевидение, обрушили на человека поток новых «досуговых услуг», с которыми учреждения культуры во многом конкурировать не могут. Необходимо проанализировать ситуацию, сделать переоценку прежним методам и подходам. Не срабатывает ориентация на массовую аудиторию. Важно найти нечто иное. Скажем, вместо усредненных методик, рассчитанных на «массу», разработать методики работы с людьми талантливыми, помочь посетителям преодолеть пассивное восприятие, пассивное потребление и стать активным субъектом культурного творчества.

На основе краткого анализа всех трех уровней (федерального, регионального,

муниципального) можно отметить, что в силу сложившихся политических, экономических, социокультурных обстоятельств данные уровни несомненно могут являться самостоятельными субъектами культурной политики. Но каждый уровень, по-нашему мнению, имеет свою палитру, свои отличительные особенности, которые должны создать нечто единое – общенациональную культурную политику. Эта политика должна отражать все те краски местных культур, которые бы раскрепощали, творчески развивали, учитывали природу человека, а главное обеспечивали его жизнедеятельность. Будущее культурной политики видится в равноправном, свободном взаимодействии всех трех уровней.

Культурный суверенитет субъектов Федерации и культурно-национальная автономия, провозглашенные сегодня в России, вовсе не абсолютное благо. Они хороши настолько, насколько разгораживают ее естественное пространство не искусственными заборами национальных, административных и прочих границ. С другой стороны, общенациональная культурная политика – это вовсе не руководство нижестоящими уровнями, а лишь стимулирование многообразия в культуре как первичном условии ее выживания и развития.

Выжить регионы могут только во взаимодействии друг с другом, ибо ни одна территория Российской Федерации не имеет полнопрофильной, самодостаточной инфраструктуры культуры: учебных заведений, предприятий которые выпускают оборудование для учреждений культуры и т. д. – центр должен создать эти условия для многообразия культурных политик регионов и координировать, то есть обслуживать их взаимодействие.

Ведь централизация и регионализм сами по себе вовсе не означают автоматического освобождения культуры от администрирования и произвола.

Культурный регионализм, возрождение и благополучие локальных и «местных» культур в их взаимодействии. В России это взаимодействие может стать реальностью только под воздействием инициатив и стимулов как «сверху», так и «снизу». И на наш взгляд, важно усвоить и мировой опыт, из которого следует, что культура существует саморазвитием, но при существенной поддержке со стороны государства. И процветает она благодаря равноценности локальных (местных) культур и распадается, когда страна не имеет общенациональной объединяющей культурной политики.

Надо наконец осознать, что свобода творчества малопродуктивна, если напрочь исчезает регулирование социальных и экономических условий творческой деятельности, что культурной развитие обеспечивается инициативами снизу, но обращая в хаос, если такое развитие лишено всякого планирования.

Суммируя вышеизложенное, необходимо отметить, что до сих пор вся структура управления в сфере культуры предполагала единую модель функционирования культуры, которая основывалась на утопических идеологемах социальной справедливости и предполагала выравнивание всех субъектов культурной политики по низшему уровню социокультурной активности, взятому как социальный эталон. Эта модель, действовавшая долгие годы в сфере культуры, фактически игнорировала множественность интересов и потребностей субъектов культурной политики.

Развитие культуры представлялось преимущественно в категориях «количества» (благ, услуг, сети учреждений и др.), т. е. в форме обезличенных показателей и бесчисленных ведомственных нормативов.

Реформа в сфере культуры предполагает совершенно иную логику програм-

мирования, и прежде всего, – от мифов стандартизированного, унифицированного планирования. Оно неизбежно уступит место предвидению, выработке долгосрочного курса действий.

Переход к новой методологии формирования культурной политики должен быть основан на специфических методах принятия решений, системного и ситуационного (сценарного) подхода к будущему сферы культуры.

Новая идеология заключается в отказе от мифологии национально-культурного и социального равенства и отказе от революционного нигилизма, опустошившего нашу национальную культуру.

Возрождение истории, традиции, социальной памяти народной культуры определяют целый комплекс проблем регулирования сферы культурно-исторического наследия: правовых, научно-технических, организационно-управленческих решений, которые уже не вписываются в старую парадигму.

Автор считает, что важнейшие ориентиры и организационно-экономические механизмы культурной политики можно сформулировать следующим образом:

1. Признание «многоукладности культуры», ее многообразия и равноправие субъектов культурной деятельности, поиск форм сотрудничества этих субъектов, что означает обновление функций управления и переход от курирования к «партнерским» отношениям;

2. Сочетание централизации и децентрализации как изменение структуры функций управления, преобладание в этой структуре функций стратегического опережающего управления;

3. Демонополизация и демократизация системы финансирования, а также использования целевого финансирования куль-

турной деятельности для взаимодействия различных субъектов культурной политики в рамках общих интересов.

4. Культурная политика должна обеспечить эволюционный переход от централизованной системы управления к государ-

ственно-общественной, для этого предстоит нивелировать вертикальные связи между различными уровнями и создать полноценные, всесторонне и глубоко учитывающие условия всех субъектов культурной политики.

Литература

1. Состояние и тенденции совершенствования управления развитием культуры. Научный доклад НИИК. – М., 1987. – С. 5; а также: Родионов В. Г. Разработка схемы управления: опыт и перспективы / Актуальные направления совершенствования и перестройки в сфере культуры: сб. науч. тр. НИИК. – М., 1988. – № 6. – С. 9.
2. Шарова А. Ф. Региональная система культуры как объект управления / Принципы исследования и планирования региональной системы культурного обслуживания населения. – Свердловск, 1982. – С. 2.

УДК 005

С. А. Мухамедиева

ЭФФЕКТИВНОСТЬ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В СФЕРЕ КУЛЬТУРЫ

В современных условиях развития рыночных отношений актуальным является вопрос об эффективности деятельности организаций независимо от формы собственности и от вида деятельности. Особенностью проводимых исследований в данной области применительно к сфере культуры является то, что эффективность исследуется только с содержательной стороны, что не дает возможности ее практического определения. В этой связи возникает необходимость методологического обоснования нового подхода к анализу эффективности деятельности в сфере культуры.

Ключевые слова: эффективность, эффект, критерии эффективности, показатель экономического эффекта, индекс эффективности

S. A. Mukhamedieva

ACTIVITY EFFECTIVENESS IN THE SPHERE OF CULTURE

The urgent question under the modern circumstances of developing market relations is the question of company activity effectiveness irrespective of the property form and type of activity. The peculiarity of researches applied to the culture sphere is that the effectiveness is studied from the content point of view only which does not allow to define it practically. In this connection the necessity for the methodological basis of a new approach to the activity effectiveness in the culture sphere analysis is arising.

Keywords: effectiveness, effect, effectiveness criteria, economic effect index, effectiveness index.

Сфера культуры как область создания и обращения символической продукции вызывает чрезвычайный интерес с точки зрения определения эффективности ее деятельности. Как специфическая сфера создания уникального творческого продукта сфера культуры имеет ряд особенностей, определяющих ее функционирование в условиях рынка, а также механизмы регулирования и финансирования, поэтому отрасль культуры обладает особым статусом в экономической науке и именно поэтому процесс определения эффективности деятельности в данной сфере затруднен.

Проблема определения эффективности является ключевой проблемой в теории управления и использования ресурсов организации. Для сферы культуры – эта проблема связана с невозможностью измерения конечного результата деятельности, т. к. для этой сферы не подходят критерии эффективности материального производства.

Рассмотрение проблемы эффективности предполагает несколько уточнений. Эффективность – это соотношение эффекта и вызвавших его затрат, которая является относительной величиной и измеряется в долях единицы или в процентах при этом характеризует результативность затрат.

Критерием эффективности является максимизация эффекта при заданных затратах или минимизация затрат на достижение заданного эффекта. При этом нужно уточнить, что эффект – это результат деятельности, который в теории эффективности отождествляется с физическим объемом чистого продукта. На уровне материальных отраслей и организаций эффектом считают либо продукцию, либо часть чистой продукции – прибыль. Кроме того следует отметить, что эффектом является и снижение затрат: живого труда, себестоимости, материальных ресурсов, капитальных вложений и оборотных средств, приводя-

щие к росту чистого продукта (накоплений, национального дохода, прибыли).

Показатель экономического эффекта на всех этапах реализации проводимых мероприятий определяется как превышение стоимостной оценки результатов над стоимостной оценкой совокупных затрат ресурсов за весь срок осуществления мероприятий.

При определении экономического эффекта по условиям производства используются: действующие цены и тарифы на продукцию и услуги; установленные действующим законодательством нормативы платы за производственные ресурсы (производственные фонды, трудовые и природные); действующие нормативы отчисления от прибыли предприятий и объединений в государственный и местный бюджеты, вышестоящим организациям для формирования централизованных отраслевых фондов и резервов; правила и нормы расчетов предприятий с банком за предоставленный кредит или хранение собственных средств; нормативы пересчета валютной выручки и т. п.

В общем виде в экономике выделяют несколько видов эффектов: экономический, ресурсный, технический, социальный.

Экономический эффект предполагает рост производительности труда и снижение трудоемкости, снижение материалоемкости и себестоимости, рост прибыли и рентабельности.

Ресурсный эффект, в свою очередь отражает высвобождение ресурсов на предприятии: материальных, трудовых и финансовых.

Технический эффект является результатом появления новой техники и технологии, открытий, изобретений и рационализаторских предложений, ноу-хау и других нововведений.

Социальный эффект указывает на повышение материального и культурного уровня жизни граждан, более полное удовлетворение их потребностей в товарах и услугах, улучшение условий и техники безопасности труда, снижение доли тяжелого ручного труда и др.

Кроме видов эффектов в экономике различают абсолютную и сравнительную эффективность. Рассматривая абсолютную эффективность, следует отметить, что она определяется на различных уровнях: на уровне отрасли – это отношение прироста чистой прибыли отрасли к капитальным вложениям, вызвавшим этот прирост; на уровне действующей организации – это отношение прироста чистой прибыли организации к затратам, вызвавшим этот прирост; на уровне вновь созданной организации – это отношение разницы между ценой и себестоимостью к капитальным вложениям в деятельность вновь созданного предприятия.

Рассчитанные таким образом коэффициенты сравниваются с нормативным коэффициентом (E_n). **Нормативный коэффициент** показывает минимальную величину результата, который необходимо получить в расчете на 1 рубль капитальных вложений. При сравнении должно выполняться следующее условие: $K_э \geq E_n$.

Сравнительная экономическая эффективность, в отличие от абсолютной, представляет собой годовую сумму приведенных затрат, которая состоит из суммы текущих затрат (себестоимость) и капитальных вложений, приведенных к одинаковой временной размерности в соответствии с нормативом эффективности.

Экономически выгодным считается вариант с наименьшей величиной приведенных затрат, для обобщения которых необходимым условием является сопоставимость вариантов капитальных вложений:

по объему деятельности; по ассортименту; по воздействию на окружающую природную среду; по срокам; по ценам и т. д.

Таким образом, в сложившейся практике задача оценки эффективности организации материальной сферы может решаться с использованием главного критерия, так или иначе связанного с финансовым показателем. Но для организаций сферы культуры получение прибыли является вторичной задачей.

В научной литературе часто смешиваются понятия эффективность сферы культуры и эффективность деятельности учреждений культуры из-за двойственности статуса организаций культуры и из-за того, что не всегда финансовые показатели в данной сфере работают.

Существенным моментом в оценке эффективности сферы культуры является выявление различий между ее результатом и эффектами, проявляющимися в обществе. Практически любая деятельность сферы культуры, кроме непосредственного результата (достижение цели), приводит и к незапланированному положительному (а может и отрицательному) результату и эффекту.

Оценка эффекта от результатов деятельности сферы культуры связано с ее экономическим и социальным значением для общества. Этот аспект подробно отражен в работах отечественных исследователей, в то время оценке эффективности деятельности в сфере культуры уделяется мало внимания.

В качестве примера рассмотрим методику системной комплексной оценки эффективности деятельности в сфере культуры на основе индикаторов, разработанную И. Васильковой [4].

Данная оценка должна начинаться с ранжирования направлений деятельности по степени важности, которые долж-

ны быть привязаны непосредственно к их уставной деятельности.

Василькова И. утверждает, что если всерьез оценивать эффективность деятельности учреждения культуры, первое, с чего необходимо начать, – это четко определить цели и выявить специфические задачи для каждой конкретной организации на конкретном временном интервале:

– если текущая цель – сокращение бюджетных обязательств, то главными являются финансовые индикаторы экономической деятельности;

– если целью является выполнение уставных задач в сфере культуры, то главными должны стать социокультурные индикаторы (которые состоят из всех плановых показателей и не исключают применение финансовых показателей, т. к. деятельность любого учреждения носит и экономический характер).

Для получения достоверной комплексной оценки эффективности деятельности организации предлагается следующая система оценок: оценка социальной эффективности; оценка экономической эффективности; оценка организационной эффективности; оценка технологической эффективности.

Социальная эффективность связана с некой социальной задачей, для решения которой и было создано учреждение, получающее бюджетное финансирование. Социальная эффективность – индикатор, показывающий способность учреждения достигать поставленные перед ним социальные и общественно значимые цели. Это может быть организация творческого, социально значимого досуга населения; формирование навыков творческого мышления и творческой деятельности; организация массовых праздников и активных социальных взаимодействий; сохранение и передача нематериального культурного наследия.

Эффективность перечисленных видов деятельности может быть определена только на аналитическом уровне. При математическом анализе предлагается использовать следующие относительные показатели: индикатор разнообразия – количество творческих видов деятельности относительно выбранной идеальной модели; индикатор конкурсной деятельности – число участвующих в конкурсах относительно количества занимающихся, или число номинантов относительно количества занимающихся; индикатор массовости – число постоянно занимающихся в клубе относительно количества возможных посещений.

Если в конкретном регионе какой-либо вид творческой деятельности является особенно ценным и может быть причислен к ресурсам местной индустрии культуры, то соответствующие направления должны поощряться локальным индикатором эффективности, определяемым регионом или соответствующим учреждением отдельно. Это может быть, например, уровень развития местной разновидности декоративно-прикладного искусства или количество так называемых фольклорных традиционных деревень, или уровень приобретенных навыков изобразительной деятельности, широко востребованных в настоящий момент многочисленной армией дизайнеров.

На решение этой задачи направлена работа клубных подразделений, производящих коллективный творческий продукт. Например, концерты хореографических, музыкальных, хоровых коллективов дают их участникам уникальный опыт коллективного взаимодействия и коллективного успеха. Этот вид деятельности можно оценивать при помощи относительного индикатора коллективного творчества, вычисляемого как отношение числа подразделений, имеющих в результате деятель-

ности коллективный продукт, к общему числу клубных формирований.

При оценке эффективности работы по сохранению и передаче нематериального культурного наследия необходимо определить, какие виды творческой деятельности, существующие или предлагаемые к развитию в данном учреждении, могут быть отнесены к традиционной народной культуре – нематериальному культурному наследию, сохранение которого важно для данного региона или страны в целом. Это будет индикатор сохранения нематериального культурного наследия – отношение характеристик плана мероприятий по поддержке и развитию этого направления к результату выполнения такого плана в данном учреждении.

Для организаций со смешанной формой финансирования (бюджетные средства и средства от собственной коммерческой деятельности) расчет оценки экономической эффективности деятельности является далеко не второстепенной задачей. В качестве оценки эффективности использования бюджетных средств предлагаются динамические индикаторы качества бюджетных вложений, рассчитываемые как отношение затрат бюджета за отчетный период к индикаторам социальной эффективности. Причем критерием эффективности бюджетных вложений будет наличие положительной динамики этого индикатора. Необходимость анализа динамики важна потому, что многие бюджетные вложения будут иметь отложенный эффект (например, затраты на капитальный ремонт учреждения).

Если перед организациями ставится задача сокращения бюджетных расходов и перехода на принципы самофинансирования собственных проектов, можно ввести индикатор коммерческой активности и считать его как отношение собственных (заработанных) денежных средств к бюджетным средствам.

С анализом экономической эффективности тесно связан анализ организационной эффективности бюджетного учреждения. Последний необходим даже в том случае, если динамика социальной и экономической эффективности будет свидетельствовать об успешной деятельности организации в целом. При исследовании организационной эффективности следует выявлять: работает ли организация по современным кадровым технологиям; имеет ли она четкую структуру – утвержденные должностные инструкции, ясную форму учета и контроля деятельности; осуществляет ли компьютеризированный бухгалтерский и кадровый учет; имеет ли программу по работе с персоналом.

При математическом анализе организационной эффективности можно также применить индикатор отношения плана с фактом. Причем под планом следует понимать планы как по основной социокультурной деятельности, так и любой другой внутриорганизационной, в т. ч. хозяйственной деятельности, а также деятельности в сфере безопасности и т. д.

Индикатор план/факт достаточно точно отражает организационную эффективность, т. к. показывает умение коллектива организации выполнять поставленную задачу.

Под технологической эффективностью понимается оценка способности организации к эффективному использованию ресурсов в процессе преобразования их в результат деятельности. Оценка технологической, ресурсной эффективности имеет своей целью привить новую культуру «ресурсосберегающего» мышления, что также является необходимым условием для развития социального капитала. Под ресурсами в данном контексте понимаются финансовые, технические, организационные, человеческие ресурсы, а также применяе-

мые технологии социокультурной деятельности.

При анализе технологической эффективности необходимо оценить: уровень образования и профессионального мастерства кадров; наличие авторских программ, обучающих тренингов и семинаров, собственных методических разработок, изданий, публикаций; участие в профессиональных научно-практических конференциях; степень новизны учебных программ и обновляемость репертуара творческих коллективов; поиск новых форм и тем при проведении массовых мероприятий; использование разработок данной организации в работе других коллективов; состояние материально-технической базы.

Другим важным аспектом выявления технологической эффективности является оценка динамики производительности труда по трехуровневой системе. Вначале необходимо выявить фактическую производительность труда, которой будет считаться производительность, имеющаяся при текущем состоянии использования ресурсов, которые находятся в распоряжении организации. Далее производится оценка того, какую производительность труда может показать организация при полном и эффективном использовании собственных ресурсов – ресурсная производительность труда. Затем – экспертная оценка того, какую производительность труда может иметь организация при привлечении в качестве источников внешних реально существующих ресурсов (спонсоров, общественных волонтеров, новые технологии), а также при возможности объединить свои ресурсы с другими организациями. Все это определяет потенциальную производительность труда в организации.

Оценка четырех видов эффективности: социальной, экономической, организационной и технологической по методи-

ке И. Васильковой позволяет представить полную картину деятельности организации за рассматриваемый период. При этом предлагается простое сложение экспертных оценок, что будет являться индикатором общей эффективности. С данным моментом мы не можем позволить себе согласиться, т. к. сложение индикаторов, отражающих разные виды эффективности, не позволит оценить совокупный результат из-за различной шкалы измерений.

На основании этого предлагаем измерять эффективность с помощью индексов на основе предложенных индикаторов. При расчете каждой из составляющей сводного индекса эффективности, прежде всего, нужно установить фиксированные меры оцениваемых результатов, т. е. установить их минимальное и максимальное значение, с которыми и будут сравниваться фактические данные. Определение сводного индекса эффективности можно осуществлять в три этапа.

Первый этап – это определение индекса социальной эффективности; индекса экономической эффективности; индекса организационной эффективности; индекса технологической эффективности при помощи «индекса по элементам» по следующей формуле:

$$\text{Индекс по элементу} = \frac{\text{фактическое значение} - \text{минимальное значение}}{\text{максимальное значение} - \text{минимальное значение}}$$

На основе указанной формулы индексы различных видов эффективности деятельности сводятся к относительным уровням (нормализуются перед усреднением), что приводит их к единой шкале измерений. Принцип расчета каждой составляющей сводного индекса заключается в оценке относительного расстояния между ее фактическим значением и максимальным. Результат по каждому показателю будет выражаться величиной от нуля

до единицы, при этом, чем ближе к единице, тем выше эффект.

Второй этап – сравнение индексов социальной, экономической, организационной и технологической эффективности с целью определения, какое направление развивается более эффективно.

Если выше индекс организационной эффективности, то в деятельности учреждения культуры быстрыми темпами развивается процесс организации труда и трудовых процессов, если выше индекс экономической эффективности значит в организации больше внимание уделяется эф-

фективному использованию ресурсов и т. д.

Третий этап – непосредственный расчет сводного индекса эффективности как обобщающего показателя с помощью средней арифметической индексов социальной, экономической, организационной и технологической эффективности, который будет фиксировать уровень эффективности деятельности учреждения культуры.

Данный показатель может применяться для сравнения деятельности разных организаций культуры, работающих в различных условиях и по-разному выполняющих свои задачи.

Литература

1. Василькова И. В. Эффективность деятельности учреждений культуры // Справочник руководителя учреждения культуры. – 2008. – № 2. – С. 8–16.
2. Медведкова Н. М. Оценка эффективности деятельности учреждения культуры // Справочник руководителя учреждения культуры. – 2009. – № 10. – С. 18–26.
3. Стриженков Р. В. Балльная оценка индикаторов деятельности // Справочник руководителя учреждения культуры. – 2008. – № 3. – С. 10–16.
4. Тульчинский Г. Л. Менеджмент в сфере культуры: учеб. пособие. – СПб.: изд-во «Лань», 2007. – С. 466–491.

РЕЗУЛЬТАТЫ НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

RESULTS OF SCIENTIFIC RESEARCH

УДК 378

Н. А. Паршиков

РЕГИОНАЛЬНЫЙ ВУЗ КУЛЬТУРЫ В УСЛОВИЯХ МОДЕРНИЗАЦИИ

В статье определена роль вуза искусств и культуры в формировании и развитии культурного пространства. Автором рассмотрены особенности профессиональной подготовки специалиста для социокультурной сферы в региональном вузе.

Ключевые слова: Орловский государственный институт искусств и культуры, региональный вуз, высшее профессиональное образование, художественное образование, подготовка кадров для социокультурной сферы, современные формы обучения, студенческая наука, научно-исследовательская работа вуза, международное сотрудничество, творческие коллективы, творческо-исполнительская деятельность.

N. A. Parshikov

REGIONAL EDUCATIONAL INSTITUTION OF CULTURE IN CONDITIONS OF MODERNIZATION

The article identifies the role of an educational institution of arts and culture in forming and developing the sphere of culture. The author studies some peculiarities of professional education in a regional educational institution for the socio-cultural sphere specialist.

Keywords: Orel state institute of culture and arts, regional educational institution, higher professional education, artistic education, professional education for the socio-cultural sphere, modern forms of education, students' science, scientific research work of an educational institution, international cooperation, artistic groups, creative and performance activity.

Сегодня региональный вуз культуры выступает в роли стартовой площадки изучения проблем культуры и образования в новых интеграционных условиях. В российской школе процессы модернизации довольно динамичны, и наш вуз – не исключение. Среди других региональных вузов Орловский государственный институт искусств и культуры держит высокую планку и является примером позитивных изменений по многим вопросам,

в частности, в образовательных процессах, науке, вопросах кадровой политики.

За годы существования институт подготовил более 12300 специалистов по очной и заочной формам обучения, до 96 % выпускников работают в сфере культуры и искусства как в ЦФО, так и в других областях РФ. Сейчас институт готовит специалистов высшей квалификации по 13 специальностям и направлению 070100 «Музыкальное искусство», 22 квалификациям

и 5 укрупненным группам специальностей: «Культура и искусство», «Образование и педагогика», «Социальные науки», «Гуманитарные науки», «Экономика и управление». Структура подготовки постоянно совершенствуется и определяется потребностью областей региона в специалистах социокультурной сферы. За последние пять лет аккредитованы специальности: «Музейное дело и охрана памятников», «Экономика и управление на предприятии (по отраслям)», «Режиссура кино и телевидения», «Документоведение и документационное обеспечение управления». Отлицензированы направления и специальности «Организация работы с молодежью», «Туризм», ряд новых квалификаций в рамках традиционных специальностей.

В институте ведется интенсивная работа по внедрению современных форм обучения на основе новых информационных технологий. Активно используются: проблемное обучение, его методы и формы; проективное обучение; тренинговое обучение с включением студентов в реальную научно-исследовательскую и творческо-исполнительскую среду и др.

Проективное обучение, например, реализуется на кафедре социальной работы и психолого-педагогических наук, являющейся выпускающей по специальностям «Социальная работа» и «Организация работы с молодежью». Ежегодно студенты готовят учебно-исследовательские проекты в рамках курсов «Прогнозирование, моделирование и проектирование в социальной работе» и «Социальная педагогика». Создана студенческая лаборатория социальных технологий.

К занятиям, отличающимся повышенной эффективностью, относятся мастер-классы, творческие лаборатории, спецкурсы, проведенные для студентов института известными деятелями культуры, преподавателями ведущих вузов страны. За по-

следние годы к нам приезжали лекторы и деятели искусств и культуры из МГУКИ, СПбГУКИ, РАТИ, из консерваторий Москвы, Саратова, Ростова и др.

Организирующим звеном в использовании новых информационных, в том числе компьютерных, технологий являются Информационно-вычислительный центр института и кафедра информатики и документоведения. В институте это направление представлено следующими видами деятельности: разработкой электронных учебных пособий; созданием учебно-методических комплексов на компакт-дисках; использованием прикладных компьютерных программ, баз данных и информационных сетевых ресурсов, а также электронных ресурсов фондов университетских библиотек, библиографических ресурсов национальных библиотек России и других стран; проведением виртуальных экскурсий через посещение сайтов электронных музеев, галерей; подготовкой электронных презентаций дипломных и научных работ и др.

Со времени предыдущей аккредитации значительно вырос парк вычислительной техники, созданы новые компьютерные классы. Обновленное полиграфическое оборудование позволило поднять издательскую деятельность вуза на качественно новый, высокотехнологический уровень.

Институт имеет договоры по двухзвенной системе подготовки специалистов в социокультурной сфере с 38 ссузами (училищами и колледжами культуры и искусств, музыкальными училищами и колледжами, музыкальными отделениями педагогических училищ и колледжей) Орловской, Брянской, Курской, Белгородской, Воронежской, Тульской, Калужской, Тверской и др. областей России.

В вузе сложилась собственная система по ведению научной деятельности. За последние годы заметно выросло число

учебных пособий с грифами УМО, Министерства образования и науки РФ. Научная информация представлена в изданиях института, регулярно обновляется на сайте вуза. ОГИИК является соучредителем научного информационно-аналитического журнала «Образование и общество», который рекомендован ВАК для публикации научных работ.

Творческий потенциал научных школ активно реализуется в образовательной политике вуза. Научный ценз профессорско-преподавательского состава (ППС) достиг 68,3 %. Значительную роль в этом сыграло открытие аспирантуры в 2005 году по двум специальностям: 05.25.03 – Библиотечное, библиографическое и книговедение; 13.00.05 – Теория, методика и организация социально-культурной деятельности.

В институте должное внимание уделяется развитию «молодежной» науки. В течение последних пяти лет студенты принимали участие в работе 180 научных конференций различного уровня, в том числе международных, всероссийских, межвузовских. За данный период ими подготовлено 580 научных публикаций. Ежегодно в вузе проводятся «Недели науки», конкурсы на лучшую студенческую работу, научные конференции. По их результатам ежегодно осуществляется выпуск научных изданий. Среди них: «Инновационная деятельность библиотек и музеев», «Современные проблемы социокультурной сферы», «Молодежь, наука и культура», «Культурное пространство региона и пути его формирования», «Культура Орловщины: история и современность» и др.

Существующая в ОГИИК организационная структура научно-исследовательской деятельности позволяет повысить качество профессиональной подготовки, увеличить вклад вуза в развитие фундаментальных научных исследований и распространение

научных знаний, формировать профессиональную элиту, выявлять и поддерживать наиболее талантливую молодежь; эффективно использовать ресурсы – человеческие, информационные, материальные и финансовые.

Научно-исследовательская работа носит как фундаментальный, так и прикладной характер. В вузе выполняются исследования по следующим отраслям:

05.25.00 – Документальная информация;

05.25.03 – Библиотечное, библиографическое и книговедение;

08.00.00 – Экономические науки;

09.00.00 – Философские науки;

10.00.00 – Филологические науки;

13.00.00 – Педагогические науки;

17.00.00 – Искусствоведение.

Продолжают успешное развитие научные и творческие школы, научные направления. Среди них: полисистемность образования в вузах культуры и искусств; изучение наследия писателей Центральной России и Орловского края; жанровые и типологические особенности научного и медийного текста; психолого-педагогические аспекты социальной работы; многоуровневая система библиотечно-информационного образования; проблемы внедрения информационных технологий в учебный процесс; экономика и управление социально-культурной сферы региона в период рыночных отношений; формирование ценностных ориентаций молодежи средствами социально-культурной деятельности; хореографическое искусство и образование в современном социокультурном пространстве.

В институте созданы и работают научные лаборатории: «Информационные технологии в образовании», «Историко-культурные и музееведческие исследования», «Музыкальное воспитание и просвещение студенческой молодежи»,

«Проблемы духовно-нравственного воспитания молодежи», лаборатория социологических исследований и другие.

В условиях модернизации системы образования совершенствование научно-образовательной деятельности основано на необходимости подготовки высококвалифицированного специалиста, конкурентоспособного на рынке труда, готового к эффективной работе по специальности на уровне мировых стандартов, к профессиональному росту, социальной и профессиональной мобильности.

Современное развитие института ориентировано на укрепление научного взаимодействия с учебно-методическими объединениями вузов, с государственными и общественными академиями наук, академическими учреждениями, научно-исследовательскими институтами гуманитарного профиля, ассоциациями вузов культуры и искусств, колледжей, училищ культуры и искусств России, региональными советами по координации научных исследований и др.

Открытое социально-экономическое и образовательное пространство способствует активизации и проведению совместных научных проектов на международном уровне. Вуз осуществляет научное и творческое сотрудничество с Управлением международных и европейских связей региона Шампань-Арденн (Франция), Международным центром образовательного туризма (Великобритания), Международной ассоциацией «Искусство в XXI веке» (Украина), Софийским университетом Св. Климента Орхидского (Болгария), Международным Славянским университетом (Украина), Международной ассоциацией Славянского и Восточно-Европейского фольклора, Белорусским государственным университетом культуры и искусств (Республика Беларусь), Международной академией информатизации и др.

Успешно реализуются международные научные проекты: «Интеграция российского библиотечно-информационного образования в Болонский процесс», «Межкультурный диалог России и Запада: история и современность» и др.

Преподаватели института являются членами Международной академии информатизации при ООН, Международной ассоциации «Искусство в XXI веке» (Украина), Международной ассоциации по народному творчеству (Австрия), общества по исследованию диалектов немецкого языка (Германия) и др.

О возрастании роли института как научного центра свидетельствует участие ученых в международных, всероссийских, региональных мероприятиях и организация научных форумов. За последние 5 лет преподаватели института приняли участие в работе 305 научных конференций, в том числе 108 международных. Многие из них проходят на базе вуза: «Сохранение и развитие социокультурного потенциала региона», «Россия и Болгария: современное состояние библиотечного и музейного дела», «Россия и Германия: тенденции развития вокально-хорового исполнительства в начале XXI века», «Россия и Франция: потенциал и перспективы взаимодействия в библиотечно-информационной деятельности», «Историко-культурные связи России и Франции: основные этапы», и имеют широкий резонанс.

Одним из приоритетных направлений деятельности вуза является международное сотрудничество, которое рассматривается как один из путей расширения образовательного пространства, развития науки и культуры. Орловский государственный институт искусств и культуры сегодня стал центром реального межкультурного сотрудничества, своеобразным мостом дружбы и межгосударственного партнерства.

Эта деятельность ведется по следующим основным направлениям: организация международных научно-практических конференций и совместных международных изданий по актуальным проблемам развития мировой и отечественной культуры; реорганизация учебного процесса в вузе в соответствии с международными стандартами; заключение международных соглашений о прохождении стажировок преподавателей, аспирантов и студентов в зарубежных образовательных и творческих центрах. Сотрудничество ОГИИК с зарубежными партнерами отличается расширением географии контактов. Развиваются связи института с Францией, Венгрией, Германией, Испанией, Финляндией, Португалией, Австрией, Чехией, Болгарией, Польшей, Эстонией, Казахстаном, Украиной.

Взаимный интерес вызывает опыт культурного сотрудничества России и Франции, главное – реализация совместного проекта «Культурные годы Франции в России и России во Франции в 2009–2010 годах». В его рамках проходили мероприятия по обмену художественными выставками, спектаклями, артистическими турне, кинематографическими произведениями не только в Париже и Москве, но и во французских и российских регионах.

Творческие коллективы института неоднократно становились победителями и лауреатами международных фестивалей и конкурсов, среди которых международные фестивали в Париже и Риме, Международный фестиваль культуры государств участников Шанхайской организации сотрудничества, международный фестиваль «Славянская звезда», международный театральный фестиваль «Земля, театр, дети», международный конгресс-фестиваль и конкурс музыкантов – исполнителей «Техника и стиль», международный музыкальный конкурс «Южная пальмира».

Пятый год вуз проводит международный конкурс-фестиваль современного искусства «Созвездие Орла». Его отличительной особенностью является некоммерческая направленность. Фестиваль открыт для всех. Его цель – поиск талантливых молодых людей, которые могут стать абитуриентами института. В этом году он собрал около 600 участников из разных регионов России, а также из Украины и Белоруссии. Фестиваль включен в областную целевую программу «Культура Орловщины».

Созданные в вузе студенческие творческие коллективы, исполнители-инструменталисты и вокалисты образовали собственную, динамичную структуру: хореографический ансамбль «Радуга», вокальные ансамбли «Каравай», «Канцона», «Male Style», «Оберег», академический хор, студенческий театр «Веселая маска», студенческий клуб «Живая старина».

Наши выпускники способны работать в рыночных условиях. Хореографический ансамбль «Радуга» имеет статус творческо-исполнительской лаборатории. Он – лауреат всероссийских и международных конкурсов и фестивалей, проходивших в Италии, Португалии, Франции, Казахстане, Польше, Болгарии, Греции и других странах. Деятельность ансамбля ориентирована на сохранение, развитие и пропаганду наследия русского народного творчества и хореографического искусства.

Фольклорный ансамбль «Каравай» является членом Российского Союза фольклорных ансамблей и участником многих всероссийских и международных фольклорных и этнографических фестивалей, творческих семинаров и лабораторий, в том числе лауреатом III международного фестиваля коллективов «Красная Горка» (г. Брянск, 1998), IV Всероссийского конкурса им. Надежды Плевицкой (г. Курск, 2009), международного фестива-

ля «Чешско-Российский музыкальный диалог» (г. Прага, 2009). Творческое направление коллектива определяется обращением к традициям и истокам русской песенной культуры – фольклор Орловщины занимает в его репертуаре лидирующее место.

Духовно-эстетический климат вуза позитивно влияет на развитие новых направлений в творческо-исполнительской деятельности, рост мастерства студентов и преподавателей; интенсифицирует учебный процесс, выводя его на качественно новый уровень художественного общения, формирует имидж вуза как образовательной структуры, располагающей богатым художественно-творческим потенциалом, где осуществляется высокопрофессиональная подготовка специалистов.

Но все это невозможно было бы в полной мере без современной материально-технической базы института. Стать сегодня конкурентоспособным невозможно без современных учебных корпусов, лабораторий, библиотек и т. д. Все это должно эффективно работать на цели, которые ставит перед собой вуз культуры, сумевший стать востребованным в новых условиях, продиктованных временем.

Недавно открыт новый корпус института общей площадью 7100 квадратных метров. Здесь размещены учебные аудитории, классы хореографии, тренажерный зал, универсальный танцевальный зал для проведения дискотек, конференц-зал, костюмерные, гримерные, артистические, кафе.

Особая гордость – зрительный зал на 500 мест с балконами и сценической коробкой, оркестровой ямой. В качестве источников света здесь приняты 57 люминесцентных ламп и ламп накаливания. Размещение светильников произведено согласно дизайн-проекту, где в качестве доминирующего выступает принцип декоративности. Полностью произведено оснащение

сцены и зрительного зала механическим оборудованием: антрактно-раздвижным занавесом, раздвижным поплановым занавесом второго плана, подъемно-опускными софитами, передвижными башнями световых «прострелов» стен сцены, декоративными подъемами и др. Проектом предусмотрены активные акустические системы фирмы «Meyer Sound» – безусловного лидера на рынке звукового оборудования. Отличные фазовые характеристики полностью определяют широкое применение этих систем для универсальных залов и позволяют значительно улучшить параметры всего звукового тракта. Предлагаемые акустические системы в комплексе обеспечивают воспроизведение звукового материала в диапазоне частот 30 18 000 Гц и уровень звукового давления не менее 104 дБ. Современный микшерный пульт «Midas» Verona 400/8/TP обеспечивает качественную обработку звуковых сигналов и передачу их на акустические системы.

Для полноценной работы звукооператора в «живых» музыкальных мероприятиях предполагаются процессоры акустических эффектов мировых фирм-лидеров звуковых процессоров для сцены «TC Electronic M-One» и «Yamaha» SPX 2000.

Видеодекорационное оборудование (производство США) содержит в памяти более 1000 картин. Оно может использоваться для декорации сцены, зала и в качестве видео.

Дискозал оснащен автономным управлением освещения, звукозаписывающей и звуковоспроизводящей аппаратурой, спутниковым TV, рабочим местом диджея, баром.

Конференц-зал оснащен видеоборудованием производства Sanyo, синхронным оборудованием, рабочими местами для переводчиков и президиума. В клас-

сах хореографии созданы максимальные условия для совершенствования техники танца и снижения риска травматизма. Немаловажный факт: в здании есть условия для комфортного нахождения в нем людей с ограниченными возможностями: пандус, тамбуры входов, поэтажные коридоры, специальные места в зрительном зале.

Институт справился с масштабной задачей – строительством учебного корпуса. Практика показывает, что современная материально-техническая база является важным звеном в спектре предлагаемых институтом услуг. Она не только укрепляет имиджевые амбиции института, но и способствует дальнейшему их росту вместе с преобладающей составляющей – получением высшего профессионального образования на соответствующем уровне.

Сегодня мы не должны пассивно смотреть на идущие в обществе инновацион-

ные процессы в образовании; надо признать, что они ведут к востребованности тех институтов высшей школы, которые самостоятельно делают уверенные шаги на пути своего дальнейшего развития. Мы регламентируем процессы жизни вуза, поддерживая все достойные начинания, выводящие его на качественно новый уровень.

Для решения проблем, связанных с разработкой стратегии и тактики управления вузом культуры в условиях модернизации, необходимо совершенствовать работу по управлению им, создавать новые комплексные программы развития и реализовывать их. И, безусловно, считать важнейшей задачей формирование кадрового резерва, потому что вуз культуры и искусств готовит кадры, которые становятся идеологическими лидерами, через менеджмент и культуру формирующими культуру масс.

Литература

1. Источник жизненного вдохновения // Аккредитация в образовании. – 2009. – Октябрь. – С. 52–53.
2. Орловский государственный институт искусств и культуры: страницы истории / ред. кол.: И. А. Ивашова, Т. Д. Крылова, Н. С. Мартынова, Е. А. Пимкина. – Орел: Орловский гос. ин-т искусств и культуры; ООО «Горизонт», 2010. – 173 с.: ил.
3. Формирование специалистов сферы культуры и искусства в условиях региона: новые подходы: материалы. Всерос. (с междунар. участием) науч.-практ. конференции (г. Орел, 25–26 марта 2010 года) / гл. ред. Н. А. Паршиков. – Орел: Орловский гос. ин-т искусств и культуры; ООО «Горизонт», 2010. – 263 с.

ПАЛИТРА МНЕНИЙ DIVERSITY OF OPINIONS

УДК 808.5

Н. Я. Кудрявцева-Кузнецова

ОБРАЗОВАНИЕ, ВОСПИТАНИЕ И КУЛЬТУРА СЛОВА

Автор в своей работе обращается к главному инструменту педагогического обучения: речи и его основному элементу – слову. Пытается сделать анализ, установить взаимосвязь между мыслью, словом, действием. При этом опирается на мнение русских философов-космистов. Они пишут, что «произнесение слова есть уже действие» (В. Н. Муравьев в работе «Всеобщая производительная математика») и что человек может перестраивать свою жизнь не только трудом, но и мыслью (В. И. Вернадский в труде «Несколько слов о ноосфере»).

Отсюда должно быть определено и отношение к слову в таких важнейших для человека процессах, как воспитание и образование.

Ключевые слова: образование, воспитание, культура, речь, слово, личность, пример.

N. Ya. Kudryavtseva-Kuznetsova

EDUCATION, UPBRINGING AND WORD CULTURE

In the work the author adverts to speech, which is a major tool of pedagogical education, and to word as its principal element. She tries to make an analysis, to find out links between thought, word and reality, basing on the opinion of Russian philosophers-kosmists. They write that «word uttering is already an action» (V. N. Muravyov in the work «Universal Productive Mathematics») and that all persons are able to change their lives not only by means of labour but also by thought itself (V. I. Vernadsky in the book «Some Words about Noosphere»)

Hence, it is necessary to define the approach to word within such important human-processes as upbringing and education.

Keywords: education, upbringing, culture, speech, word, personality, social roles, patterns.

Проблемы образования, обсуждаемые учеными в начале XXI века, затрагивают различные направления воздействия на него через гуманизацию, гуманитаризацию, культуру, этику, экологию.

Несомненно, что новые технологии образования и воспитания должны содержать комплексный подход, поскольку они не только обеспечивают подготовку человека к жизни и труду, но и являются духов-

ной основой общества, определяют культуру человека и общества.

От образования-просвещения, направленного на передачу знания, зависит, каким будет общество, что будет преобладать в нем: добродетель или порок. По словам А. Камю, «зло, существующее в мире, почти всегда результат невежества, и любая добрая воля может принести столько же ущерба, что и злая, если только эта добрая

воля недостаточно просвещена» [1, с. 22]. Примеры из нашего недалекого прошлого: строительство атомных реакторов, повороты рек, возведение громадных плотин, препятствующих нересту рыбы в реках, строительство домов без соблюдения норм и правил, разрушающихся даже при небольших землетрясениях, – вполне подтверждают эти слова. Человек, не имея фундаментальных знаний в сфере своей деятельности, хотя и имеющий диплом об образовании, приносит больше вреда, нежели пользы. Это происходит из-за того, что человек, желая своего возвышения, по своим действиям приближается к сверхчеловеку, но «сверхчеловек, наделенный сверхчеловеческой силой, еще не поднялся до уровня сверхчеловеческого разума» [2, с. 11].

Наше общество в новом веке через образование и воспитание должно подняться на качественно новую ступень своего развития. Но что могут предлагать ученые по концепции школы XXI века, если они сами – продукт того общества, которое имеет место быть?

Основные черты характера человека, весь его «багаж» обусловлены своеобразием общества, типичны для него и зависят от воспитания. А воспитание, по словам Э. Фромма, является «выражением психологической структуры общества» [3, с. 66]. Фромм считал, что психологическая энергия несомненно существует и определяется в свою очередь как жизненной судьбой отдельной личности (индивида), так и общественными факторами.

Воспитание, которое начинается в семье, затем продолжается в школе, вузе, трудовом коллективе, формирует специфическую структуру психологии, как ребенка, так и взрослого. Причем семейное воспитание доминирует. Именно семья, по мнению Э. Фромма, является «психологическим агентом общества» [3, с. 63]. Следо-

вательно, дошкольному воспитанию следует уделять особое внимание.

Далее, говоря об образовательных процессах, следует отметить, что обучение предполагает наличие педагогического общения учителя и школьника, преподавателя и студента. Основным инструментом этого общения (как, впрочем, и других видов общения) является человеческая речь. Основным же элементом речи является слово. На лекциях, семинарах, конференциях, в статьях научных и публицистических, в художественных книгах главное средство воздействия на человека – слово.

Учитывая всю важность этого элемента речи для образования и воспитания, выясним, что же такое «слово»? Как сказано в словаре: «слово – одна из основных единиц языка, служащая для именованя лиц, процессов, свойств» [4, с. 1225]. Если обратиться к источникам древней культуры, то можно получить интересную информацию. В библейском словаре сказано, что «Слово» – одно из имен, которым Иоанн называет Иисуса Христа: «В начале было Слово, и Слово было у Бога и слово было Бог.. и Слово стало плотью» (Иоан. 1:11, 14) [5, с. 421]. Далее говорится о силе слова, о его воплощении, преобразовании в премудрость Божию, о его способности совершать определенные действия. Об этом свидетельствует фраза: «Слово Иеговы низвело на Садом огонь и серу от Иеговы» (Быт. 19:24).

Что же это – библейское сказание или древняя правда? Слово способно действовать?

У философа-космиста В. Н. Муравьева находим предупреждение о непосредственном влиянии человека на нашу среду обитания, человека, который один в животном мире владеет словом: «Нет движения без смысла и нет слов и имен без действия. Произнесение слова есть уже действие» [6, с. 197]. А В. И. Вернадский уверен

в том, что не только словом, а даже мыслью мы производим действие. Отмечая влияние человека на биосферу он пишет, что «человек становится крупнейшей геологической силой, он может и должен перестраивать своим трудом и мыслью область своей жизни» [7, с. 309]. При этом отмечается не только сознательное воздействие человека, но и бессознательное. В. Н. Муравьев подчеркивает, что и организация движения, и организация мысли и ее выражение в виде речи неразрывно связаны.

А что же по этому поводу думают современники?

Немецкая исследовательница К. Бессер-Зигмунд считает, что слова – это нечто большее, нежели следующие друг за другом звуки, слоги, буквы. «Слова имеют над нами власть. Они не только обозначают предметы, имена, чувства, виды деятельности, события, но и заставляют нас почувствовать на себе физическое и психическое влияние этих феноменов» [8, с. 7].

Значит, слова воздействуют как на физическую, так и психическую природу человека. А насколько же предсказуемо воздействие? «Гаврилада» А. С. Пушкина, нелитературная литература Баркова, слова поэтессы С. Трущевой («Когда старик пил свежий детский мозг...»), что они могут повлечь за собой?

Есть множество примеров влияния слова на человеческую судьбу. Известные поэты М. Лермонтов, А. Белый, Н. Рубцов, Н. Гумилев сами себе предсказали смерть. Они сами себе задали словом программу, которая осуществилась.

Современные российские психологи Л. К. Аверченко и М. В. Удальцова подтверждают, что каждый человек непрерывно воздействует на свое окружение. «Он изменяет его своими действиями и бездействием, словом и молчанием» [9, с. 39]. Эти авторы также объединяют слово и

действие. Слова способны, по их мнению, изменять окружающий мир. Они уверены, что слова, которые употребляют люди, осуществляют программирование даже обычного поведения.

В своем исследовании С. Кара-Мурза пишет: «по силе суггесторного воздействия слово может быть сравнимо с физиологическими факторами» [10, с. 78]. А другие авторы, говоря о возможности использования слова для гипноза, назвали свой труд «Оружие-слово» [12, с. 13].

Если «мы сами конструируем реальность с помощью слов и значений», как пишет В. Синельников [13, с. 35], то всем обучающимся в вузе необходимо знать о культуре: языка, речи, слова. Эта тема в настоящее время является очень насущной, потому что точность речи, понятность речи, чистота речи, выразительность речи, нормы речевой культуры зависят от СЛОВ, используемых в речевом общении [14].

Известный японский исследователь Масару Эмото пишет: «Посылая вовне созидательные слова и образы, вы вносите свой клад в создание прекрасного мира, испуская же разрушительные послания, вы участвуете в разрушение вселенной» [11, с. 62–63]. Свои высказывания он подтвердил многочисленными специальными опытами.

Автор работы считает, что несомненно существует четкая взаимосвязь:
мысль → слово → действие.

Учитывая все вышесказанное о слове, возникает насущная потребность и необходимость говорить о культуре речи и о культуре слова. Если слово – не только элемент культуры, но и сила, способная действовать, то насколько осторожным должно быть его использование. Каждый, кто говорит слово с кафедры, с телеэкрана, пишет слово, должен всегда помнить: слово – заряд, полный действия. Слово –

толчок, слово – программа для действия, слово – предтеча движения...

Поэтому говорить и писать надо ответственно и осторожно. Осторожно, чтобы не навредить себе и другим. Земле. Миру. Вселенной. Чтобы слово не было источником неправды, зла, разрушения. Пусть слово способствует передаче Знания, утверждению Любви, Красоты, Правды, Справедливости. Именно такие отношения надо прививать в семье, школе, вузе. Необходимо вводить в школьные и вузовские программы такие дисциплины, как: «культура речи», «экология слова», «этика и этикет», «исследование слова» и другие.

Учитывая особенности человеческого восприятия, его поведенческую реакцию, особое внимание надо уделять воспитанию родителей. Дать студентам возможность выбора изучаемых дисциплин, среди которых должны быть: «Материнство», «Отцовство», «Бесконфликтное общение», «Здоровый ребенок» и др.

Подводя итоги, следует оговорить основные подходы к образованию и воспитанию:

во-первых – настоятельно разъяснять детям в семье, школе, студентам в вузе о значении слова, влиянии его на все процессы в природе и обществе, о вреде сквернословия, пустословия и неуважительного отношения к слову;

во-вторых – привлекать обучающихся к исследованиям, вызывая и воспитывая интерес к действию, направленному на углубление знания. Вносить элементы творчества в процесс научного познания. Чтобы приобретение (не получение!) образования было не односторонним процессом «подачи» знания, а взаимодействием на уровне двух личностей – личности преподавателя и личности студента;

в-третьих – акцентировать половую принадлежность в процессах воспитания, чтобы не было превращения мужчин

и женщин в бесполом существе. Всемерно способствовать повышению роли женщины в воспитательном процессе, для чего образование женщин поднять на более высокую ступень. Почему? Потому что женщина несет основные тяготы по воспитанию будущего поколения. Еще в древности подчеркивалась роль воспитания, роль матери (см. Книги Царств). Имя матери царя и оценку его правления иудеи помещали рядом. Фраза «Имя же матери его было...» – обычно сопровождается словами: «...и делал он угодное в очах Господних» или «...и делал он неугодное в очах Господних» [15, с. 7]. Воспитание родителей (все обучающиеся в школах и вузах – потенциальные родители) должно подняться на качественно высокий уровень;

в-четвертых – преподаватель должен являть собой образец служения своему делу, пример для подражания. Мы знаем, что обучаем и личным примером. Об этом говорил известный психолог В. Франкл в своей работе «Человек в поисках смысла», что «преподаватель может дать студенту лишь пример собственной отдачи делу наших научных исследований» [16, с. 47].

Процесс передачи знаний – это процесс персонификации. Поэтому, преподавателями должны быть только личности. Личностью же может быть, по словам С. Аверинцева, только человек высокой духовности, который кроме обычных требований (нижний этаж культуры) предъявляет к себе дальнейшие требования, направленные на осознание высших смыслов, видит ценности, которые для него являются святыми и которым он служит [17, с. 5].

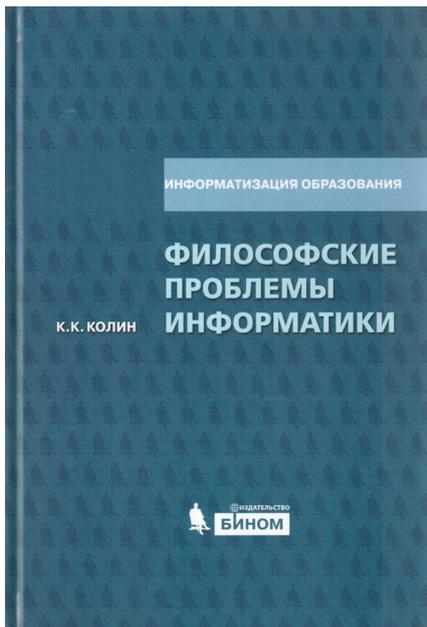
Именно педагог, преподаватель должен являть собой «высоко нравственный пример практического действия», утверждать гуманистические принципы добра и справедливости, крепить духовную связь поколений.

Литература

1. Аверинцев С. Как нить Ариадны // Юность. – 1997. – № 12.
2. Бессер-Зигмунд К. Магические слова пер. с нем. – М.; Харьков; Минск; СПб., 1996. – 224 с.
3. Библейский словарь. Энциклопедический словарь / сост. Эрик Нюстрем: пер. со швед. – Торонто: Мировая христ. миссия, 1985. – 522 с.
4. Введенская Л. А. Русский язык и культура речи: учеб. пособие для вузов / Л. А. Введенская, Л. Г. Павлова, Е. Ю. Кашаева. – Изд. 21-е. – Ростов н/Д: Феникс, 2007. – 539 с.
5. Вернадский В. И. Несколько слов о ноосфере / Русский космизм. – М.: Педагогика-Пресс, 1993. – 368 с.
6. Дин Эдит. Знаменитые женщины библии / пер. с англ. А. И. Блейз. – М.: Крон-Пресс, 1995. – 336 с.
7. Камю А. Бунтующий человек. – Философия. Политика. Искусство: пер. с фр. – М.: Политиздат, 1990. – 415 с.
8. Кара-Мурза С. Г. Манипуляция сознанием. – М.: Алгоритм, 2000. – 688 с. – (сер. История России. Современный взгляд)
9. Котлячков А., Горин С. Оружие-слово. Оборона и нападение с помощью... (Практическое руководство). – М.: КСП+, 2004. – 352 с.
10. Муравьев В. Н. Всеобщая производительная математика / Русский космизм. Антология философской мысли. – М.: Педагогика – Пресс, 1993. – 368 с.
11. Синельников В. В. Таинственная сила слова. Формула любви. – М.: ЗАО Центрполиграф, 2006. – 255 с.
12. Советский энциклопедический словарь / гл. ред. А. М. Прохоров. – М.: Сов. энциклопедия, 1986. – 1600 с.
13. Удальцова М. В., Аверченко Л. К. Практикум по курсу «Социология и психология управления». – Новосибирск: Новосиб. гос. академия экономики и управления, 1997. – 208 с.
14. Франкл В. Человек в поисках смысла: пер. с англ. и нем. – М.: Прогресс, 1980. – 368 с.
15. Фромм Э. Иметь или быть пер: с англ. – М.: Прогресс, 1990. – 331 с.
16. Фромм Э. Мужчина и женщина. – М.: 000. Фирма «Изд-во АСТ», 1998. – 512 с.
17. Эмото Масару. Послания воды: Тайные коды кристаллов льда: пер. с англ. – М.: ООО Изд-во София, 2007. – 96 с.

ПАНОРАМА PANORAMA

В 2010 году вышла в свет монография К. К. Колина «Философские проблемы информатики».

Колин К. К. Философские проблемы информатики. – М.: БИНОМ. Лаборатория знаний, 2010. – 264 с.

В книге рассматриваются: история зарождения и развития информатики как науки, эволюция ее предметной области, современные философские и научно-методологические проблемы, а также перспективы развития информатики как самостоятельной отрасли науки.

Kolin K. K. Philosophic Problems of Informatics. – М.: BINOM. Laboratory of Knowledge, 2010. – 264 p.

The book presents a study of origin and development of informatics as a science, evolution of its subject area, modern philosophic and methodological issues, as well as development prospects of informatics as an independent scientific branch.

Книга предназначена для преподавателей, аспирантов и студентов высших учебных заведений, а также для тех категорий читателей, которые интересуются состоянием, проблемами и перспективами развития современной науки.

Приобрести книгу можно в издательстве БИНОМ по адресу: 125167, Москва, проезд Аэропорта, дом 3.

Тел.: +7 (495) 730-86-43.

Монография представляет собой одну из первых работ, в которой системно анализируются актуальные философские и научно-методологические проблемы информатики в процессе ее становления и развития как фундаментальной науки. Ее содержание обобщает результаты исследований, проведенных автором в Институте проблем информатики РАН в течение последних 20 лет. Эти исследования направлены на формирование философских и научно-методологических основ информатики, а также представлений о ней как о фундаментальной науке, приобретающей все более важное междисциплинарное, мировоззренческое и социально-экономическое значение. В последние годы этот подход находит все большее распространение и в науке, и в системе высшей школы. Причем Россия является в этой области мировым лидером.

В книге подробно рассматривается история развития информатики как науки, эволюция ее предметной области, современные философские и научно-методологические проблемы, перспективы развития информатики как самостоятельной отрасли науки. Она содержит введение, шесть глав и два приложения. Названия глав достаточно четко определяют их содержание:

1. Краткая история развития информатики.
2. Информатика в современной системе наук.
3. Философские проблемы информатики.
4. Новая информационная реальность и социальная информатика.
5. Информатика и образование.
6. Перспективные направления развития информатики.

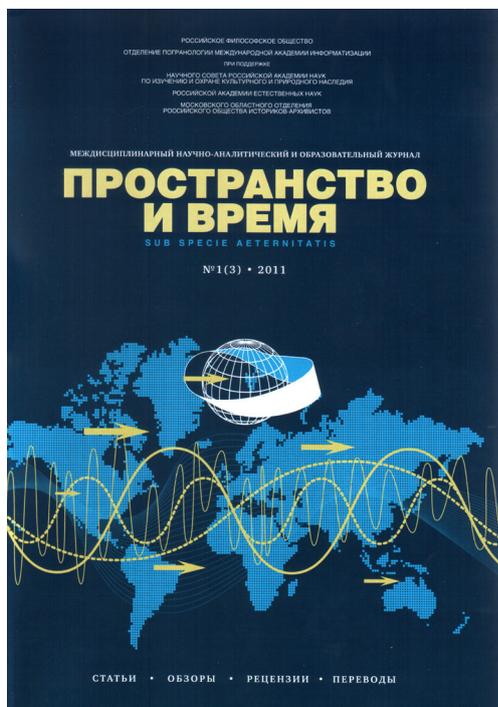
В монографии приведен большой список литературы и словарь терминов.

В приложениях приведены программы учебных курсов «Историко-философское введение в проблемы информатики» и «Социальная информатика» для аспирантов и магистров ВУЗов.

Книга может быть использована аспирантами и соискателями ученой степени кандидата наук при их подготовке к сдаче кандидатского экзамена по курсу «История и философия науки».

АНОНС NOTICE

Научно-аналитический и образовательный журнал «Пространство и время»

Научно-аналитический и образовательный журнал «ПРОСТРАНСТВО И ВРЕМЯ» ставит своей целью формирование и пропаганду научно обоснованных представлений о единстве и целостности Пространства и Времени, а также обсуждение на своих страницах складывающихся и вновь возникающих в современной науке мировоззренческих, общетеоретических и прикладных подходов к проблеме постижения сущности Пространства и Времени.

Scientific, analytical and educational journal «SPACE AND TIME» sees its mission as forming and promoting scientifically based ideas about unity and integrity of Space and Time, as well as discussing on its pages world-view, general theoretical and applied approaches to the issue of perceiving the essence of Space and Time emerging and developing in modern science.

Журнал «ПРОСТРАНСТВО И ВРЕМЯ» имеет междисциплинарный характер и освещает различные стороны проблемы изучения Пространства и Времени и пространств-

венно-временных проявлений материи в философии, политологии (геополитике), истории, социологии, культурологии, филологии, физике, геологии, географии, биологии, экологии. Окружающий нас Мир – един, едина и Наука, изучающая его. Именно по этой причине в структуре журнала «ПРОСТРАНСТВО И ВРЕМЯ» принципиально отсутствует четкое разделение на гуманитарный и естественнонаучный блоки. Журнал «ПРОСТРАНСТВО И ВРЕМЯ» ориентирован на широкий круг читателей: научных работников, профессорско-преподавательский состав вузов, аспирантов, студентов и всех, кого интересуют научные и прикладные проблемы Пространства и Времени.

ПРОГРАММНЫЕ ЦЕЛИ ЖУРНАЛА

- Формирование четкой научно обоснованной системы взглядов на проблему Пространства и Времени во всей ее сложности и многогранности
- Создание условий для обсуждения специалистами в области гуманитарных, естественных и точных наук актуальных и дискуссионных вопросов по проблеме Пространства и Времени
- Формирование ценностной мировоззренческой «системы координат», ориентирующей ученого и гражданина в Пространстве и Времени во всем их видовом многообразии как основы стратегического мышления
- Содействие введению в образовательный процесс высшей школы современных достижений гуманитарных, естественных и точных наук
- Предоставление возможности публикации как уже состоявшимся специалистам, так и начинающим исследователям

Приглашаем авторов к сотрудничеству в формате следующих рубрик:

- Система координат
- Теории, концепции, парадигмы
- Категория смысла
- Территория времени
- Пространства России
- Планета Земля
- Человек и среда обитания
- Arbor vitae / Древо жизни
- Ракурс
- Рефлексия
- Символ эпохи: люди, книги, события
- Post scriptum: переводы, рецензии, мнения

Регистрационное свидетельство ПИ № ФС77-42392 от 15 октября 2010 года. Периодичность: 4 номера в год

Адрес редакции: 117485, Москва, ул. Академика Волгина, 15-2-12

Тел.: 8 916 534-74-95

Сайт в Интернете: www.space-time.ru

E-mail: ucg.ltd@list.rupro_gnosis@mail.ru

В журнале действует институт обязательного внутреннего рецензирования ISSN 2219-4525

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ УНИВЕРСИТЕТА

SCIENTIFIC LIFE OF THE UNIVERSITY

УДК 37.06

Г. Н. Миненко

XIX МЕЖДУНАРОДНЫЕ РОЖДЕСТВЕНСКИЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ЧТЕНИЯ И ПРОБЛЕМЫ ДУХОВНО-НРАВСТВЕННОГО ОБРАЗОВАНИЯ И ВОСПИТАНИЯ МОЛОДЕЖИ

Статья посвящена вопросам духовно-нравственного образования и воспитания молодежи в современном российском обществе. Освещается проблематика XIX Международных Рождественских образовательных чтений, обозначается перспектива развития историко-культурного образования в средней школе.

Ключевые слова: общество, духовность, нравственность, образование, воспитание, христианская культура, Рождественские образовательные чтения.

N. G. Minenko

XIX INTERNATIONAL CHRISTMAS EDUCATIONAL READINGS AND SOME ISSUES OF SPIRITUAL AND MORAL EDUCATION OF THE YOUTH

The article is devoted to the issues of spiritual and moral education of the youth in the modern Russian society. It gives a review of XIX International Christmas educational readings and outlines the prospects of historical and cultural education in comprehensive school development.

Keywords: society, spirituality, morality, education, bringing-up, Christian culture, Christmas educational readings.

Тема духовно-нравственного воспитания детей, подростков и молодежи является в настоящее время одной из наиболее обсуждаемых в научно-педагогическом сообществе, православных, церковных кругах, а в последние два года – и на государственном уровне. Это связано не только с видимыми процессами нравственной деградации российского общества во всех его социальных стратах, но и с глубинными процессами раскультирования российского человека, происходившими в минувшем столетии и приведшими к его отрыву от национальной культуры.

Одним из постоянных научно-практических форумов, на котором регулярно обсуждается названная тема, являются Рождественские образовательные чтения, в которых участвуют представители Русской православной церкви и научно-педагогическая общественность из всех регионов России. Организатором Чтений является Синодальный отдел религиозного образования и катехизации РПЦ. Тематика, при сохранении основной направленности на рассмотрение проблем духовного, патриотического, историко-культурного воспитания и образования молодежи России,

ежегодно корректируется. На прошедших с 23 по 26 января 2011 года XIX Чтениях центральной темой для обсуждения был определен вопрос «Церковь и государство: сотрудничество в решении общих задач». Чтениям предшествовала Божественная Литургия в храме Христа Спасителя, а торжественное открытие и пленарное заседание состоялись в Государственном Кремлевском дворце.

Секционная работа каждого из десяти направлений работы Чтений также предварялась пленарным заседанием. Такой регламент представляется интересным, и его, возможно, имеет смысл взять на вооружение при проведении крупных научных мероприятий в Кузбассе. Для полного представления масштабов Чтений имеет смысл обозначить перечень направлений его работы. Это: 1) Катехизация и Таинства Церкви; 2) Церковь и школа: взаимодействие церковной, государственной и негосударственной систем образования; 3) Семья в современном мире; 4) Пути промысла Божия и святоотеческое наследие; 5) Церковь и общество; 6) Церковь и культура; 7) Церковь СМИ; 8) Социальное служение Церкви; 9) Христианство и наука; 10) Церковь и работа с молодежью.

Несмотря на видимое разнообразие тематики, доминантой в работе очередных Чтений явилось обсуждение итогов проведенного в 2009–2010 годы в девятнадцати регионах России педагогического эксперимента по введению в учебный процесс в общеобразовательной средней школе нового предмета – «Основы религиозных культур и светской этики» (ОРКиСЭ). В центре внимания, естественно, оказалась дисциплина «Основы православной культуры». Итогам эксперимента по ее введению был посвящен доклад руководителя Синодального отдела епископа Зарайского Меркурия в Кремлевском дворце и тематика заседаний пяти секций первого из названных направлений работы

конференции. Епископом, на основе проведенного социологического исследования итогов эксперимента, отмечена необоснованность опасений о том, что в сознание и поведение детей одного отдельно взятого учебного учреждения будет внесен межконфессиональный раскол, если они будут параллельно обучаться, например, одни по православному, другие по исламскому направлениям. Отмечен большой интерес самих родителей к тому, что именно изучают их дети, и их желание расширить рамки преподавания «основ православной культуры». Названный эксперимент проводился среди учеников начальной школы в 4–5 классах. Как отмечено на Чтениях, по согласованию с Министерством образования и науки РФ эксперимент будет географически расширен и продолжен в 2011–2012 годах. Руководитель Синодального отдела религиозного образования и катехизации выразил уверенность, что преподавание ОРКиСЭ поэтапно будет расширено с одного года до трех, и в перспективе охватит все годы обучения школьников. Поэтому предстоит большая работа по введению данного предмета в Федеральный образовательный стандарт общеобразовательной средней школы.

Как участнику Чтений мне пришлось участвовать в заседаниях по нескольким направлениям и в разных секциях, в результате чего накопилось достаточно личных впечатлений. Однако целесообразней остановиться на некоторых общезначимых моментах, касающихся общих подходов к духовно-нравственной проблематике. Поскольку вопросами духовно-нравственного образования и воспитания молодежи на протяжении многих лет активно занимается департамент образования и науки Кемеровской области, Кузбасский региональный институт повышения квалификации и переподготовки работников образования (КРИПКИПРО), среднеобразовательные учебные учреждения региона, хочется вы-

сказать некоторые наблюдения над этим процессом, в котором участвовал и автор настоящего обзора. Нам представляется, что надежды на духовно-нравственное оздоровление общества и молодежной среды, связанные с введением в общее образование «Основ православной культуры» и ему подобных дисциплин, сильно завышены. Формирование нравственности новых поколений – процесс большей частью стихийный и не поддающийся организации и регламентации. Нравственность зависит не столько от процесса целенаправленных интеллектуальных или нравоучительных воздействий, сколько от всей совокупности воздействующих факторов, в том числе экономических, политических, информационных.

Наряду с историко-культурными дисциплинами, как бы их ни назвать, в школе необходима организация нормального религиозного воспитания, как это делается во многих странах мира, прежде всего европейских. Оно должно быть конфессионально ориентированным, хотя и осуществляемым обязательно профессионально подготовленными педагогами. Предлагаемое некоторыми светское религиозоведческое образование в школе, когда изучаются (как правило, поверхностно и плохо) многие религиозные направления, внесет лишь сумятицу в несформировавшиеся умы и души, и сделает в принципе невозможным какое бы то ни было воцерковление. Проблемы религиозного образования в школе, существующие здесь трудности и подстерегающие на этом пути опасности обсуждаются в серьезных научных трудах, среди которых можно выделить работы Ф. Н. Козырева и И. В. Метлика [см.: 1; 2]. Наука, общественность и церковные круги должны провести профессиональные дискуссии, чтобы с религиозным образованием детей и юношества не получилось «как всегда».

На наш взгляд, необходимо четко развести нравственное воспитание с духовным (религиозным) и историко-культурным образованием учащихся. Развести потому, что произрастают они из разных корней и направленность их различная.

Духовность не является понятием, содержание которого полностью понятно и самоочевидно. Существует значительное расхождение в христианском и светском понимании духовности. Православно-христианская трактовка духовности, хотя она и не выражена в систематических ученых трудах, логична и понятна православным людям. Известный православный богослов Павел Евдокимов пишет: «Слово “духовный” отсылает к Святому Духу и указывает на уровень бытия, свойственный “рождению свыше”» [3, с. 25]. А профессор А. И. Осипов отмечает, что в свете православного мировоззрения разговоры о духовности беспредметны, если не признается существование святого Духа: «В абсолютном смысле духом является Бог... И согласно христианскому пониманию, духовен тот, кто наиболее уподобился Богу, то есть стал богоподобен» [цит. по: 4, с. 88]. Существуют и современные, более основательные церковные разработки по духовности, например глубокие мысли протоиерея Александра Салтыкова относительно специфики православной духовности. Он выделяет такие черты православной духовности, как ее центрированность на категории Образа, иконографический канон соборного опыта Церкви, символичность духовности, а также ее связь с категорией духовного подвига, основанного на «трезвении ума».

В противоположность этому, светская традиция понимания духовности не отличается согласием и единством мнений. У профессора В. Д. Шадрикова милосердие и сострадание как проявления духовности восходят к заботе об отдельных членах сообщества, свойственной еще членам

животного стада предчеловека. Чаще всего духовность в светском понимании получает если не сугубо интеллектуальную, знаниевую, то морализаторскую или эстетизированную трактовку. Очевидно, что Церковь и материалистически ориентированная наука говорят на разных языках. И чтобы выстраивать системы духовного и нравственного воспитания, эти языки и идеи нужно согласовывать, приводить в соответствие.

Еще больше разночтений с понятием «духовно-нравственный». Как сказано выше, духовность и нравственность имеют разные корни. Ясность в этот вопрос внес еще Гегель. Пользуясь богатством немецкого языка, он предложил различать нравственность и мораль. Нравственность – это реально практикуемые индивидуальные поступки, затрагивающие ближних, и поступки массовидные, называемые нравами, хотя, конечно, за каждым поступком скрываются конкретная ценность и норма – как правило, малоосознаваемые. Мораль же – это идеал, то должное в отношениях людей, к которому человек обязан стремиться. С этой точки зрения заповедь Христа «возлюби ближнего...» – не нравственность, ибо ей почти никто не следует, а область морального. Таким образом, нравственность не «формируется» нами целенаправленно, как мы часто думаем, а рождается в юном возрасте без нашего сознательного участия, стихийно – посредством «считывания» образцов поступков (и поведения в целом) из социального окружения и неконтролируемых информационных потоков.

В программных разработках по православной культуре используются разные смыслы понятия культуры, например, не различается философское понимание культуры как «задания», идеала, разработанное европейским Просвещением, и понятие культуры как «данности»,работанное новоевропейской наукой – этнографией и этнологией. Многие программ-

ные разработки тяготеют к пониманию православной культуры именно как данности, уже существующей наличной реальности – по принципу: если в истории Руси и России было православие, то была и православная культура.

Это не очевидно. Широко известный русский философ И. А. Ильин отстаивал как раз противоположную идею о том, что христианская культура – не данность, а задание. «Создание христианской культуры, – пишет Ильин, – есть задача, поставленная перед человечеством две тысячи лет тому назад и им неразрешенная. Эта задача и не может быть разрешена одной эпохой, одним народом, одним поколением, раз и навсегда...» [5, с. 316]. И еще: «...мы отнюдь не представляем себе дела так, будто ближайшие поколения людей могут и должны “создать христианскую культуру...”. Не создать, а вновь вступить на путь этого созидания...» [5, с. 316]. Планка Ильина для делателей христианской культуры необычайно высока. Он считал, что вначале душа человека должна стать вполне христианской, и только затем, просвещенный Духом Святым, человек может претендовать на создание христианской культуры. Как пишет философ: «Проникнуться духом Христова учения и излить этот дух в свою жизнь и в мир вещественный...» [5, с. 316]. И. А. Ильин нашел бы современные подходы к обучению православной культуре в школе легкомысленными.

Пафос Ильина в трактовке христианской культуры состоит в том, что это не столько интеллектуальный, сколько практический процесс: «Христианская культура есть или красивое, но неопределенное слово, которым можно прикрыть и “оправдать” слишком многое... Или же это есть великое и претрудное дело, и сущность его в том, чтоб *в меру своих сил усвоить Дух Христа* и творить из него земную культуру человечества» [5, с. 299–300].

На основе сказанного можно утверждать, что предмет «Православная культура» не может быть внедрен в общеобразовательную школу в том варианте, который обсуждался последние 15 лет. Эта дисциплина сочетает в себе несочетаемое: одновременно задачи образования и воспитания духовного (вероучительного, религиозного), нравственного и историко-культурного (патриотического по своему назначению). Правильным и в практическом отношении более эффективным было бы их разделить по направлениям и дисциплинам подготовки.

Нравственное воспитание должно иметь по преимуществу практический характер. Еще Аристотель отмечал, что один хороший поступок не делает человека нравственным: добрыми люди становятся, творя постоянно добрые дела. П. Евдокимов отмечает, что зло в мире побеждается лишь «деланием Добра» [3, с. 139]. Делание добра не может быть учебным предметом, оно должно пронизывать всю школьную жизнь. В старших классах нравственное воспитание должно обрести интеллектуальную, теоретическую поддержку, которая может обеспечиваться курсами философско-этического, моралистического характера. В некоторых странах читаются такие курсы: «Философия жизни», «Философская антропология», «Этика» и т. п. Они способствуют формированию

в духовном строе становящейся личности «вертикали», по-христиански определяемой как «земное – небесное».

Историко-культурное направление, на наш взгляд, должно ориентироваться на тот принцип, что никакой отдельной православной культуры в истории России не было. Русская культура была единой, органично сочетающей в себе не только православную доминанту, но и другие не чисто православные элементы. Поэтому, возможно, в школе в первую очередь необходим интегративный курс истории русской культуры. Такие курсы и учебные пособия уже созданы. В пример можно привести разработки Ю. С. Рябцева [см.: 6; 7], которые необходимо лишь дополнить разделами о повседневных православных практиках. Замечательный материал в этом направлении наработан русскими историками и этнографами [см.: 8].

Таким образом, проведенные XIX Международные Рождественские образовательные чтения явились событием, стимулирующим размышления о будущем российской школы, о необходимости фундаментальных разработок вопросов духовно-нравственного образования и воспитания детей, подростков и молодежи, без чего образовательная практика в этом направлении будет развиваться вслепую, без обоснованных стратегических ориентиров.

Литература

1. Громько М. М., Буганов А. В. О воззрениях русского народа. – М.: Паломник, 2000. – 543 с.
2. Дивногорцева С. Ю. Духовное образование в контексте православной культурной традиции // Духовно-нравственная культура: материалы первого Фестиваля духовной культуры. Москва, 2005 год. – М.: Институт экспертизы образовательных программ и государственно-конфессиональных отношений, 2006. – С. 88–94.
3. Евдокимов П. Этапы духовной жизни: От отцов-пустынников до наших дней: пер. с фр. – М.: Свято-Филаретовская московская высшая православно-христианская школа, 2003. – 232 с.
4. Ильин И. А. Основы христианской культуры // Ильин И. А. Собр. соч.: в 10 т. – М.: Русская книга, 1993. – Т. 1. – С. 285–330.
5. Козырев Ф. Н. Религиозное образование в светской школе. – СПб.: Апостольский город, 2005. – 636 с.

6. Метлик И. В. Религия и образование в светской школе. – М.: Планета-2000, ППЦ «Пересвет», 2004. – 374 с.
7. Рябцев Ю. С. История русской культуры: художественная жизнь и быт XI–XVII веков: учеб. пособие. – М.: ВЛАДОС, 1997. – 336 с.
8. Рябцев Ю. С. История русской культуры: художественная жизнь и быт XVIII–XIX веков: учеб. пособие. – М.: ВЛАДОС, 1997. – 432 с.

УДК 80

А. В. Шунков

ВОПРОСЫ НЕВЕРБАЛЬНОЙ СЕМИОТИКИ И ИХ РАССМОТРЕНИЕ В РАМКАХ АКАДЕМИЧЕСКИХ ЧТЕНИЙ В КЕМГУКИ

В статье представлен содержательный обзор лекционного курса профессора РГГУ (г. Москва) Г. Е. Крейдлина по невербальной семиотике.

Ключевые слова: невербальная семиотика, межкультурные коммуникации, семиотика жеста, семиотика культуры.

A. V. Shunkov

PROBLEMS OF NONVERBAL SEMIOTICS AND THEIR EXAMINATION WITHIN THE LIMITS OF THE ACADEMIC READINGS IN KEMEROVO STATE UNIVERSITY OF CULTURE AND ARTS

The article presents the substantial review of a lecture course on nonverbal semiotics by G. E. Kreidlin, professor of RSHU (Moscow).

Keywords: nonverbal semiotics, intercultural communications, gesture semiotics, culture semiotics.

Как известно, одна из задач, поставленная перед вузами на сегодняшний день, – это интеграция с академической наукой, позволяющей университету, с одной стороны, сохранять традиции классического российского образования, его фундаментальность и системность, а с другой – идти по пути инноваций, совершенствуя формы, средства, методы организации учебного, научного процессов, их содержательное наполнение.

С этой целью в КемГУКИ на протяжении уже ряда лет введена в практику такая форма организации учебного процесса, как открытые академические лекции при-

глашенных ведущих профессоров российских вузов. Напомним только несколько таких событий из истории учебной и научной деятельности университета за последние два года – это цикл лекций «Народный календарь как явление традиционной культуры» заместителя директора по науке Российского института истории искусств А. Ф. Некрыловой (г. Санкт-Петербург); «Толерантность в пространстве культуры и образования» Е. Ю. Гениевой, генерального директора Всероссийской государственной библиотеки иностранной литературы им. М. И. Рудомино (г. Москва); «Российское государ-

ство, общество и традиционная культура: история отношений и современность» А. С. Каргина, доктора педагогических наук, профессора, члена-корреспондента РАЕН, генерального директора Республиканского центра русского фольклора (г. Москва); «Русское слово и искусство» Т. М. Степанской, доктора искусствоведения, профессора Алтайского государственного университета (г. Барнаул); «Русское слово и литературное творчество» Б. Ф. Егорова, доктора филологических наук, профессора, главного научного сотрудника Санкт-Петербургского отделения Института российской истории РАН (г. Санкт-Петербург); «Научно-методологические проблемы развития информатики в XXI веке» К. К. Колина, главного научного сотрудника Института проблем информатики РАН, доктора технических наук, профессора, заслуженного деятеля науки РФ, академика Международной академии информатизации и др. Подробный обзор лекционных курсов как названных ученых, так и других был представлен в ряде предшествующих номеров «Вестника КемГУКИ» [1].

В число профессоров, постоянно приглашаемых для чтения лекций студентам и преподавателям КемГУКИ, входит и Г. Е. Крейдлин, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка Института лингвистики РГГУ (г. Москва). Имя Г. Е. Крейдлина широко известно в научной сфере как ученого, занимающегося исследованием проблем взаимодействия языкового и разных невербальных знаковых кодов, как автора «Словаря языка русских жестов» [2] и ряда монографий, в которых рассматриваются аспекты жестовой культуры [3].

Первый цикл лекций «Невербальная семиотика» для студентов КемГУКИ профессор Крейдлин Г. Е. прочитал в феврале 2008 года. Автором курса студенческой аудитории была представлена информация о новой науке, родившейся на стыке лингвистики и ряда других наук, подробно были охарактеризованы ее разделы (паралингвистика, кинесика, окулесика, аускультация, гаптика и др.). Особый интерес лекции Крейдлина Г. Е. вызвали у студентов театроведческих специальностей, и это неслучайно. Будущим актерам и ре-

жиссерам была представлена уникальная информация о семантике жестов разных национальных культур, различии мужских и женских, бытовых и сценических жестов, жеста театра, танца, живописи. Профессор Крейдлин обратил внимание аудитории слушателей на необходимость знания языка тела. «В коммуникации важно не только знать, что именно мы говорим собеседнику, но и то, *как* мы ему это говорим, потому что от этого может измениться весь смысл наших посланий. Язык тела – это знаковый код невербальной коммуникации».

Особенностью лекций Г. Е. Крейдлина является то, что теоретические положения его научной концепции всегда подкрепляются примерами, взятыми из реальной практики: творческих экзаменов столичных театральных вузов, дипломатических переговоров. Так были приведены образцы жестов-рукопожатий, показывающих доминирование одного собеседника над другим, что недопустимо, например, в международной дипломатии. В этом случае была подробно проанализирована протокольная встреча бывшего директора Международного валютного фонда М. Камдессю с бывшим премьер-министром России Е. М. Примаковым, в процессе которой российский политик, протягивая свою руку, невольно показал свое превосходство, что не мог интуитивно не заметить его собеседник.

Студентам было особо интересно узнать, что в языке жестов существуют свои «диалекты», которым присущи особые оттенки: гендерные, социальные, национальные. И этот невербальный язык необходимо также изучать, как и вербальный, который развивается, меняется во времени, проходит свои стадии эволюции. Знание множества нюансов невербальной коммуникации помогает человеку свободно ориентироваться в культуре иного народа или же наоборот – приводит к не-

приятным казусам, подчас и трагическим. Вот один пример, который был приведен в студенческой аудитории профессором Г. Е. Крейдлиным: «В 1988 году в Лос-Анджелесе состоялся судебный процесс, на котором некий эстрадный певец, приехавший в США из Таиланда и певший в ресторане-кабаре, был обвинен в убийстве 29-летнего лаосца, хозяина кабаре, за то, что тот сидел перед ним, положив ногу на стул и направив подошву в лицо певцу. Когда кабаре закрылось, певец, выследив ушедшего хозяина, отправился вслед за ним следом и убил его. Дело в том, что в странах юго-восточной Азии открытая и направленная в лицо другому подошва обуви считается тяжелейшим оскорблением, потому что подошва (пятка) считается не только самой низкой, но и самой грязной частью человеческого тела». Как отметил в своем комментарии приведенного примера Г. Е. Крейдлин, незнание людьми языка жестов разных культур зачастую становится причиной обид и конфликтов. Столкнувшись с чужим жестом, как отметил Г. Е. Крейдлин, мы можем счесть жест его неприличным или неверно оценить поведение жестикулирующего как демонстрацию плохих манер, проявление властолюбия и др. Напротив, отсутствие жеста необходимого, по мнению автора лекционного курса, в данном контексте, может неправильно интерпретироваться: как отсутствие интереса к беседе или проявление слабости или просто как неприятие. Поэтому обязательно нужно мысленно перепроверять себя: «Правильно ли я понял то, что вижу?». На практике важно руководствоваться принципом «если тебе в поведении что-то не понятно, дай знать об этом партнеру».

8 февраля 2011 года, в День российской науки, вновь прошли лекции Г. Е. Крейдлина. На этот раз разговор был посвящен теме «Невербальная семиотика и театр», теоретические выводы которой

представлены в статье автора, опубликованной в данном номере журнала.

Стоит признать, что проблемы, поднимаемые и рассматриваемые в лекционных циклах профессором Крейдлиным, значимы для университета не только в образовательном, но и научном планах. Расширение границ научного сотрудничества КемГУКИ с рядом стран ближнего и дальнего зарубежья (Казахстан, Монголия, Китай,

Польша, Италия) ставит как перед отдельными преподавателями, так и научными коллективами университета проблему необходимости изучения невербальной семиотики как науки. В этой ситуации лекции Г. Е. Крейдлина могут послужить хорошим научно-методическим пособием для любого, кому интересна проблема изучения невербальных знаков в межкультурной коммуникации.

Литература

1. Белозерова М. В. «Большое чтение» в Кузбассе / М. В. Белозерова // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств: журнал теоретических и прикладных исследований. – 2009. – № 8. – С. 138–141; Афанасьева Э. М., Егле Л. Ю., Котлярова Т. А., Попова Н. С., Умнова И. Г. Академические чтения в Кемеровском государственном университете культуры и искусств [Текст] / Э. М. Афанасьева, Л. Ю. Егле, Т. А. Котлярова, Н. С. Попова, И. Г. Умнова // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств: журнал теоретических и прикладных исследований. – 2010. – № 13. – С. 78–82.
2. Крейдлин Г. Е. (в соавторстве с С. А. Григорьевой и Н. В. Григорьевым) Словарь языка русских жестов. – М.; Вена: Языки русской культуры; Wiener slawistischer Almanach, 2001.
3. Крейдлин Г. Е. Невербальная семиотика: Язык тела и естественный язык. – М.: Новое литературное обозрение, 2002. – 592 с.; Крейдлин Г. Е. Невербальная семиотика. – М.: Новое литературное обозрение, 2002; Крейдлин Г. Е. Мужчины и женщины в невербальной коммуникации. – М. Языки славянской культуры, 2005. – 223 с. и др.

УДК 378.1

И. С. Пилко

ТРАДИЦИИ И НОВАЦИИ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКЕ КЕМГУКИ

Отчет о научно-методической конференции КемГУКИ «ВНЕДРЕНИЕ ФГОС ВПО: БАЛАНС ТРАДИЦИЙ И НОВАЦИЙ», 2–4 февраля 2011 года. Охарактеризована программа конференции. Даны сведения о ее участниках, тематике докладов и сообщений. Приводится текст резолюции конференции.

Ключевые слова: компетентностный подход, образовательные стандарты третьего поколения, основные образовательные программы, высшее профессиональное образование, вузы культуры и искусств, научная конференция.

I. S. Pilko

TRADITIONS AND NOVELTIES IN KEMGUKI EDUCATIONAL PRACTICE

Presents a report on scientific and methodology conference «FSES for HPE Adoption: a Balance of Traditions and Novelties» held in KemGUKI on 2–4 February 2011. The agenda of the conference is reviewed. The information on its participants, reports and speeches titles is given. The text of the conference's resolution is included.

Keywords: competence approach, third generation educational standards, general educational programmes, higher professional education, educational institutions of culture and arts, scientific conference.

Российская высшая школа активно готовится к переходу на новые образовательные стандарты (ФГОС ВПО) и многоуровневую систему подготовки кадров. Промежуточные итоги напряженной работы в этом направлении профессорско-преподавательского состава КемГУКИ подвела научно-методическая конференция «ВНЕДРЕНИЕ ФГОС ВПО: БАЛАНС ТРАДИЦИЙ И НОВАЦИЙ» (2–4 февраля 2011 года). Конференции предшествовали обучающие мероприятия и учебно-практический семинар «Технология проектирования компетентностно-ориентированных образовательных программ» (октябрь–декабрь 2010 года), разработка и экспертиза основных образовательных программ по 14 лицензированным направлениям подготовки.

Программа конференции была насыщенной и отражала широкий круг проблем,

связанных с реализацией компетентностного подхода в образовательных программах КемГУКИ, сочетанием традиционных и инновационных форм организации учебного процесса, освоением технологий формирования и диагностики общекультурных и профессиональных компетенций, спецификой реализации новой модели обучения по комплексу направлений «Культура и искусство» и др. В работе пяти секций и двух круглых столов приняли участие 130 преподавателей университета; заслушано 35 докладов и 18 сообщений.

Общий тон конференции задало пленарное заседание. В своем приветственном слове *ректор КемГУКИ, доктор педагогических наук, профессор, заслуженный работник культуры Российской Федерации Е. Л. Кудрина* отметила актуальность темы и насыщенность программы конференции, особенно остановилась на требующих ре-

шения проблемах художественного образования. В пленарных докладах говорилось о преимущественном внимании идеологов компетентностного подхода и разработчиков ФГОС ВПО к формальным характеристикам образовательной деятельности (*И. С. Пилко, доктор педагогических наук, профессор, проректор по учебной работе*), о проблемах целеполагания при разработке основных образовательных программ (*М. Г. Ли, кандидат педагогических наук, старший научный сотрудник лаборатории инновационных образовательных технологий*), о значимости содержательного наполнения вариативной части учебного плана дисциплинами, формирующими общую культуру и художественный вкус студентов и выпускников нашего вуза (*А. А. Гук, доктор философских наук, профессор, директор НИИ прикладной культурологии*).

Перспективы **реализации компетентностного подхода в образовательных программах университета** были охарактеризованы на примере академических и художественно-творческих направлений подготовки: «Музеология и охрана объектов культурного и природного наследия» (*А. М. Кулемзин, доктор культурологии, профессор, зав. кафедрой музейного дела*), «Социально-культурная деятельность» (*Н. С. Коргожа, кандидат педагогических наук, доцент, зав. кафедрой СКД*), «Дизайн» (*Г. С. Елисеенков, профессор зав. кафедрой дизайна*), «Библиотечно-информационная деятельность» и «Прикладная информатика» (*Н. И. Колкова, кандидат педагогических наук, профессор, зав. кафедрой технологии автоматизированной обработки информации; И. Л. Скипор, кандидат педагогических наук, доцент*).

О компетентностном измерении профессии режиссера узнали участники конференции из доклада *В. Д. Пономарева, кандидат педагогических наук, профессор,*

проректора по творческой и международной деятельности. Ю. В. Клецов, кандидат философских наук, профессор, зав. кафедрой философии, права и социально-политических дисциплин изложил свое понимание возможностей реализации компетентностного подхода в преподавании общественно-политических дисциплин.

Актуальным образовательным технологиям была посвящена секция **«Технологии формирования и диагностики ключевых компетенций бакалавра»**. Предметом обсуждения стали кейс технологии (*Г. А. Неустроева, старший преподаватель кафедры социальной педагогики*), проектные технологии (*С. С. Шалашов, зав. кафедрой РТПП*), технологии самостоятельной работы студентов (*Л. В. Мирошниченко, кандидат педагогических наук, доцент кафедры педагогики и психологии*), технологии тестирования (*Н. Н. Григоренко, кандидат философских наук, доцент, зав. кафедрой педагогики и психологии*). Возможности использования информационно-коммуникационных технологий были рассмотрены на примере изучения иностранных языков (*М. В. Межова, кандидат культурологи, и. о. зав. кафедрой иностранных языков*) и анализа информационного потенциала электронно-библиотечных систем (*С. В. Савкина, преподаватель кафедры ТДК*).

Три секции конференции были посвящены осмыслению опыта преподавания отдельных учебных дисциплин и их ориентации на формирование общекультурных и профессиональных компетенций в соответствии с требованиями ФГОС ВПО.

Особого внимания заслуживают круглые столы конференции. Так, участники круглого стола **«Организация учебного процесса в условиях уровневого обучения»** сосредоточили свое внимание на вопросах актуализации в соответствии с требованиями ФГОС ВПО локальных регламентов учебной деятельности, органи-

зации и контроля самостоятельной работы студентов, модернизации материально-технической базы, эффективной работы диспетчерской службы, межкафедрального и межинститутского взаимодействия при распределении учебных дисциплин и др.

Как и ожидалось, разгорелась оживленная дискуссия на круглом столе **«Возможности и ограничения компетентного подхода в реализации образовательных программ по направлению “Культура и искусство»**. Единодушным было стремление сохранить от псевдоноваций традиции обучения студентов различным видам творчества: музыкально-инструментального, вокального, хореографического, театрального, изобразительного, декоративно-прикладного. Беспокойство о судьбе российского художественного образования не исключает потребности освоения актуальных образовательных технологий и форм организации учебного процесса.

На итоговом пленарном заседании была принята резолюция конференции.

**Резолюция
научно-методической конференции
«Внедрение ФГОС ВПО:
баланс традиций и новаций»**

В соответствии с Комплексным планом мероприятий перехода КемГУКИ на уровневую систему высшего профессионального образования и федеральные государственные образовательные стандарты ВПО на 2010–2011 учебный год 2–4 февраля 2011 года. В КемГУКИ состоялась научно-методическая конференция «Внедрение ФГОС ВПО: баланс традиций и новаций».

В ходе работы секций и круглых столов рассмотрен широкий круг вопросов, В их числе: реализация компетентного подхода в образовательных программах КемГУКИ; опыт преподавания отдельных учебных дисциплин с использованием ак-

тивных методов обучения; перспективы внедрения модульной организации учебного процесса; технологии формирования и диагностики общекультурных и профессиональных компетенций; возможности и ограничения компетентного подхода к обучению студентов по направлению «Культура и искусство».

Участниками конференции отмечен высокий научно-методический уровень проведенного мероприятия, актуальность и содержательность представленных докладов, конструктивность состоявшихся дискуссий и обсуждений.

По итогам работы участники конференции принята резолюция

Рекомендовать УМУ, УМС университета:

1. Переработать локальные нормативные акты (Положение об организации учебного процесса, Положение о самостоятельной работе студентов, Положение о практике, Положение об итоговой государственной аттестации) в соответствии с требованиями ФГОС ВПО.
2. Продолжить работу над оптимизацией форматов учебно-методической документации в рамках основных образовательных программ и адаптацией их к специфике направлений подготовки, связанных со сферой искусства.
3. При расчете учебной нагрузки учитывать трудоемкость затрат времени преподавателя на организацию СРС; рассмотреть возможность включения руководства СРС в индивидуальную нагрузку ППС.
4. Организовать обучающие семинары для преподавателей вуза по инновационным образовательным технологиям и внедрению тестовой формы контроля знаний.
5. Активизировать внедрение ИКТ в учебный процесс: сформировать специализированный отдел в структуре Центра информационных технологий КемГУКИ

с целью разработки учебно-методических материалов в электронной форме и обеспечения доступа к полнотекстовым электронным ресурсам учебного назначения.

6. В 2012 году провести межвузовскую (межрегиональную) научно-методическую конференцию с обсуждением опыта подготовки бакалавров по направлениям культуры и искусства.

7. Оценить возможность использования в образовательной и научной деятельности университета нескольких электронно-библиотечных систем («КнигаФонд», «Университетская библиотека Online», «IQ Library»).

Институтам, кафедрам:

1. Актуализировать междисциплинарные связи, избегать дублирования, обеспечить межинститутское взаимодействие по вопросам закрепления учебных дисциплин за кафедрами.

2. В ходе редактирования основных образовательных программ:

- доработать учебные планы для бакалавриата с учетом оптимальной организации учебного процесса (укрупнение студенческих групп, эффективное использование аудиторного фонда и др.);
- усилить вариативную часть учебных планов за счет дисциплин психолого-

педагогического профиля, эстетики, этики, культурологии, правовых основ профессиональной деятельности с целью развития личностных качеств выпускника вуза культуры и искусств, формирования общекультурных компетенций, правовой культуры.

3. Рекомендовать преподавателям дисциплин гуманитарного, социального и экономического цикла и математического и естественнонаучного цикла вводить элементы профилирования в содержание предметов.

4. Предложить социально-гуманитарному институту принять участие в рецензировании контрольно-измерительных материалов, используемых в Интернет-тестировании студентов.

5. Найти возможность использования компьютерных классов для проведения учебных занятий и организации СРС по иностранному языку.

6. Кафедрам подготовить методические рекомендации для преподавателей по использованию инновационных образовательных технологий в практико-ориентированном обучении студентов.

7. Представить рекомендованные секциями доклады и сообщения для публикации в «Вестнике КемГУКИ» и профессиональных научно-практических и научно-теоретических журналах.

УДК 378.184

С. А. Золотарева

НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ФОРУМ «МОЛОДЕЖНЫЕ ИННОВАЦИИ И ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВО В СОВРЕМЕННОЙ ПАРЛАМЕНТАРНОЙ РОССИИ»

В статье дается общий обзор мероприятий научно-образовательного форума «Молодежные инновации и предпринимательство в современной парламентарной России, их последовательность и содержание.

Ключевые слова: молодежь, предпринимательство, форум, инновации.

S. A. Zolotareva

SCIENTIFIC AND EDUCATIONAL FORUM «YOUTH INNOVATIONS AND ENTERPRISE IN THE MODERN PARLIAMENT RUSSIA»

The article gives a summarizing review of the structure and contents of the events included in the program of the scientific and educational forum called «Youth innovations and enterprise in the modern parliament Russia».

Keywords: youth, enterprise, forum, innovations.

С 14 по 18 февраля 2011 года в Кемеровском государственном университете искусств и культуры проходили мероприятия научно-образовательного форума «Молодежные инновации и предпринимательство в современной парламентарной России», приуроченного ко Дню российской науки, году инноваций в Кузбассе и подготовке к выборам в Городской Совет народных депутатов г. Кемерово. Данное событие состоялось благодаря совместным усилиям научного отдела и управления по воспитательной и социальной работе КемГУКИ, а также лично проректора по научной и инновационной деятельности Шункова Александра Викторовича и проректора по воспитательной и социальной работе Лопатиной Розы Фагимовны.

Цель проведения форума состояла в развитии у студентов стремления к реализации их научного потенциала в рамках молодежных инновационных бизнес-проектов на территории Кузбасского региона, повышении информированности о перспективах и возможностях развития малого бизнеса и средствах государственной поддержки предпринимателей.

Торжественное открытие состоялось в присутствии почетных гостей форума: заместителя начальника департамента молодежной политики Кемеровской области Алференко Дмитрия Анатольевича, начальника отдела творческих программ и молодежных инициатив департамента молодежной политики Кемеровской области Пятовского Антона Александровича, за-

ведующего отделом молодежной политики администрации г. Кемерово Григорьева Сергея Сергеевича, управляющего Городским бизнес-инкубатором Энгель Светланы Леонидовны, начальника регионального штаба «Молодой Гвардии Единой России» Полянцевой Лидии Михайловны, известного в Кузбассе предпринимателя Волкова Анатолия Павловича, директора МУ «Молодежная биржа труда» Левкович Олеси Юрьевны, директора ООО «Перспектива Плюс» Лозинга Дениса Вячеславовича.

С приветственной речью перед участниками форума выступила ректор КемГУКИ Кудрина Екатерина Леонидовна, представители администрации Кемеровской области и г. Кемерово. В своих выступлениях они подчеркнули важность молодежных инициатив для развития социальной сферы и малого бизнеса как в Кузбассе, так и в России в целом. Екатерина Леонидовна также отметила, что уникальность КемГУКИ заключается в том, что именно здесь существует уникальная возможность сочетать образовательную, научную и творческую деятельность, создавать и внедрять новые формы, средства и методы организации, а также новое содержание различных видов работы, что и составляет сущность инновационной деятельности в сфере культуры и искусства.

Структура мероприятий форума была задумана таким образом, чтобы ее участники имели возможность ознакомиться с основными принципами реализации про-

ектов, изучая все основные этапы этого процесса вместе с квалифицированными специалистами. По окончании торжественного открытия стартовала рабочая часть форума – лекция Дениса Вячеславовича Лозинга «Основы и особенности социального проектирования». В первую очередь Д. В. Лозинг коснулся сущности понятия «проект», которая заключается в качественном изменении существующей ситуации. При этом он пояснил присутствующим разницу между социальным и бизнес-проектом, заключающуюся в ожидаемом эффекте проекта. Некоторое разочарование аудитории вызвал тот факт, что, как выяснилось, социальный проект не предполагает никакой материальной выгоды для его авторов, тем не менее, многие участники форума в обсуждении высказывали мнение, что социальное проектирование является не менее важным аспектом общественной жизни, чем предпринимательская деятельность. Далее Денис Вячеславович остановился на этапах реализации социального проекта, важнейшими из которых, по его мнению, являются анализ ситуации и прогнозирование. Закончилась лекция свободной дискуссией, в которой слушатели высказали свои взгляды по проблематике лекции.

15 февраля во втором корпусе КемГУКИ состоялся семинар на тему «Выбор бизнес-идеи, разработка мероприятий по продвижению компании на рынке», ведущей которого являлась Бакирова Елена Давировна, маркетолог, специалист Фонда поддержки малого предпринимательства г. Кемерово. В ходе семинара она затронула такой вопрос, как организация при вузе студенческого бизнес-инкубатора, его преимуществ в продвижении молодежных инновационных проектов. Елена Давировна представила слушателям информацию по получению грантов, кредитов, лицензий и дала практические рекомендации по разви-

тию собственного дела. Ведущая семинара также проанонсировала обучающую программу «Бизнес-Фреш» для начинающих предпринимателей, начало которой планируется 14 марта 2011 года, что вызвало огромный интерес у присутствующих.

Ведущими семинаров третьего дня форума были также специалисты Фонда поддержки малого предпринимательства г. Кемерово – юрист Коваленко Артем Игоревич и бизнес-консультант Коржикова Елена Вячеславовна. Темами их выступления стали государственная система поддержки предпринимательства, привлечение инвестиций, а также регистрация предприятия и выбор системы налогообложения. Гости особо подчеркнули готовность специалистов Фонда оказать любую помощь желающим открыть свое дело, предоставить бесплатные консультации и материалы.

17 февраля Полянцева Лидия Михайловна, председатель молодежного парламента Кубасса, начальник регионального штаба общественно-политической организации «Молодая гвардия» представила слушателям семинар «Региональный брендинг: развитие туристического бизнеса в Кузбассе». Актуальность данной темы в рамках форума обусловлена тем, что КемГУКИ является одним из трех кемеровских вузов, ведущих подготовку специалистов в сфере сервиса и туризма. В своем выступлении Лидия Михайловна обозначила новые перспективы развития туристического бизнеса в Кузбассе, подчеркнув, что для их освоения требуются активные, нетрадиционно мыслящие люди, т. е. представители молодого поколения.

В завершение форума в КемГУКИ состоялся круглый стол с участием выпускника университета, успешного предпринимателя Лахно Максима Александровича, в ходе которого он рассказал об основных этапах своего профессионального пути, поделился с присутствующими некото-

рыми технологиями своей работы, а также ответил на многочисленные вопросы участников форума. Обращаясь к проблеме соотношения творчества (в том числе и научного) и делового подхода в реализации бизнес-проектов, Максим Александрович подчеркнул, что эти два аспекта редко могут сочетаться в одном человеке, и отметил, что считает очень важным, в связи с этим, образование бизнес-инкубатора при

КемГУКИ, так как это способствовало бы формированию успешных бизнес-команд.

Подводя итоги, можно смело сказать, что Форум показал – наш университет не в меньшей степени, чем другие организации и предприятия, способен разрабатывать и внедрять инновационные технологии. Залог тому – молодые люди, желающие творческой работы и на этой базе решающие свои жизненные задачи.

УДК 80

О. Ю. Астахов

МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ФОРУМ «СЛОВО И ОБРАЗ В РУССКОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ КУЛЬТУРЕ»

В мае 2011 года планируется проведение Международного научно-практического форума «Слово и образ в русской художественной культуре», посвященного рассмотрению актуальных вопросов исследования развития русского языка, художественной культуры и современных межкультурных коммуникаций.

Ключевые слова: научно-практический форум, слово и образ, русская художественная культура.

О. Yu. Astakhov

INTERNATIONAL SCIENTIFIC AND PRACTICAL FORUM «WORD AND IMAGE IN RUSSIAN ARTISTIC CULTURE»

In May 2011 there is going to be held an international scientific and practical forum «Word and Image in Russian Artistic Culture», devoted to the topical issues of researching the Russian language development, artistic culture and modern intercultural communications.

Keywords: scientific and practical forum, word and image, Russian artistic culture.

В рамках Дней славянской письменности и культуры 12.05.11–28.05.11 в Кемеровском государственном университете культуры и искусств при поддержке фонда «Русский мир» организуется Международный научно-практический форум «Слово и образ в русской художественной культуре».

Цель форума – рассмотрение актуальных вопросов исследования развития русского языка, художественной культуры и современных межкультурных коммуникаций.

Планируется проведение серии мероприятий, посвященных рассмотрению множества языковых аспектов русской

художественной культуры. На базе Даляньского университета иностранных языков (КНР) 12.05.11–15.05.11 организуется научно-практическая конференция «Язык в межкультурной коммуникации: Россия – Китай» с участием ученых гг. Кемерово, Далянь, Чанчунь, Шэянь и др. На базе Кемеровского государственного университета культуры и искусств 25.05.11–28.05.11 – научно-практическая конференция «Слово и образ в русской художественной культуре». Обсуждение круга вопросов по проблемам функционирования Слова в разных сферах культуры предполагается в рамках основных секционных заседаний: «Слово и образ в художественных практиках», «Слово и образ в литературном творчестве», «Слово и образ в межкультурных коммуникациях»,

«Современный русский язык: состояние и тенденции развития».

В рамках форума планируется проведение социокультурной акции «Чистое слово», направленной на привлечение учащейся молодежи к обсуждению проблем современного русского языка, организация экспозиций творческих работ студентов и преподавателей университета, открытых лекций и мастер-классов с участием ведущих ученых и специалистов Томска, Новосибирска, Минусинска и т. д.

По результатам форума планируется издание коллективной научной монографии «Слово и образ в русской художественной культуре», подготовка и подписание соглашения о научном сотрудничестве Кемеровского государственного университета культуры и искусств и Даляньского университета иностранных языков.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Астахов Олег Юрьевич, кандидат культурологии, доцент, ведущий научный сотрудник научного отдела Кемеровского государственного университета культуры и искусств, E-mail: nir@kemguki.ru

Балашова Оксана Александровна, соискатель Кемеровского института (филиала) ГОУ ВПО «Российский государственный торгово-экономический университет», E-mail: nir@kemguki.ru

Быховская Ирина Марковна, доктор философских наук, профессор, заслуженный работник культуры Российской Федерации, зав. сектором Российского института культурологии, E-mail: byk.irina@gmail.com

Веретнова Нелли Федоровна, соискатель КемГУКИ, преподаватель Института дополнительного профессионального образования Кемеровского государственного университета культуры и искусств, E-mail: veretnovanelli@mail.ru

Гук Алексей Александрович, доктор философских наук, профессор, директор НИИ прикладной культурологии Кемеровского государственного университета культуры и искусств, E-mail: niipk@kemguki.ru

Золотарева Светлана Александровна, кандидат культурологии доцент, ведущий научный сотрудник научного отдела Кемеровского государственного университета культуры и искусств, E-mail: s.a.zolotareva@gmail.com

Крейдлин Григорий Ефимович, доктор филологических наук, профессор Российского государственного гуманитарного университета (г. Москва), E-mail: nir@kemguki.ru

Кудрявцева-Кузнецова Надежда Яковлевна, кандидат технических наук, член Союза журналистов России (г. Кемерово), E-mail: nir@kemguki.ru

Курмашев Вахит Шайхуллович, кандидат экономических наук, доцент

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Astahov Oleg Yurievich, candidate of Culturology, docent, senior specialist of Scientific Department of the Kemerovo State University of Culture and Arts, E-mail: nir@kemguki.ru

Balashova Oksana Aleksandrovna, seeker of Kemerovo Institute (branch) of SEI HPE «Russian State Trade-Economic University», E-mail: nir@kemguki.ru

Bykhovskaya Irina Markovna, Doktor of Philosophy, professor, Honoured Scientist of the Russian Federation, Head of the sektor of Russian Colturology Institute, E-mail: byk.irina@gmail.com

Veretnova Nelli Fyodorovna, seeker of KemGUKI, teacher of the Institute of Additional Professional Education of Kemerovo State University of Culture and Arts, E-mail: veretnovanelli@mail.ru

Guk Aleksey Aleksandrovich, Doctor of Philosophic Sciences, professor, Director of Scientific Research Institute for applied culturology of Kemerovo State University of Culture and Arts, E-mail: niipk@kemguki.ru

Zolotareva Svetlana Aleksandrovna, candidate of Culturology, docent, senior specialist of Scientific Department of Kemerovo State University of Culture and Arts, E-mail: s.a.zolotareva@gmail.com

Kreidlin Grigoriy Efimovich, Doctor of Philological Sciences, professor of Russian State Humanitarian University (Moscow), E-mail: nir@kemguki.ru

Kudryavtseva-Kuznetsova Nadezhda Yakovlevna, candidate of Technical Sciences, member of Russia Journalists' Union (Kemerovo), E-mail: nir@kemguki.ru

Kurmashev Vakhit Shaikhullovich, candidate of Economic Sciences, docent at

кафедры управления социальной сферой Кемеровского государственного университета культуры и искусств, E-mail: nir@kemguki.ru

Миненко Геннадий Николаевич, доктор культурологии, профессор кафедры культурологии Кемеровского государственного университета культуры и искусств, E-mail: antropolog-min@mail.ru

Мухамедиева Светлана Анатольевна, кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики социальной сферы Кемеровского государственного университета культуры и искусств, E-mail: sweta-73@mail.ru

Паршиков Николай Александрович, доктор педагогических наук, профессор, ректор ФГОУ ВПО «Орловский государственный институт искусств и культуры», E-mail: ogiiknorg@mail.ru

Пилко Ирина Семеновна, доктор педагогических наук, профессор, проректор по учебной работе Кемеровского государственного университета культуры и искусств, E-mail: skip_95@mail.ru

Попов Андрей Александрович, соискатель кафедры физической культуры Новокузнецкой педагогической академии, проректор по административно-хозяйственной работе, развитию и эксплуатации материально-технической базы ФГОУ ВПО «Кемеровский государственный университет культуры и искусств», E-mail: ahr@kemguki.ru

Савкина Светлана Владимировна, преподаватель кафедры технологии документальных коммуникаций Кемеровского государственного университета культуры и искусств, соискатель, E-mail: nir@kemguki.ru

Ткаченко Андрей Викторович, старший преподаватель Института дополнительного профессионального образования Кемеровского государственного университета культуры и искусств, E-mail: tkachenko@kemguki.ru

Chair of Social Sphere Management in Kemerovo State University of Culture and Arts, E-mail: nir@kemguki.ru

Minenko Gennadiy Nikolaevich, Doctor of Culturology, professor at Chair of Culturology in Kemerovo State University of Culture and Arts, E-mail: antropolog-min@mail.ru

Mukhamedieva Svetlana Anatolievna, candidate of Economic Sciences, docent at Chair of Social Sphere Economics in Kemerovo State University of Culture and Arts, E-mail: sweta-75@yandex.ru

Parshikov Nikolay Aleksandrovich, Doctor of Pedagogic Sciences, professor, Rector of SEI HPE «Orel State Institute of Culture and Arts», E-mail: ogiiknorg@mail.ru

Pilko Irina Semenovna, Doctor of Pedagogic Sciences, professor, Vice-rector for academic activity Kemerovo State University of Culture and Arts, E-mail: skip_95@mail.ru

Popov Andrey Aleksandrovich, seeker of Physical Culture chair of Novokuznetsk Pedagogical Academy, Vice-Rector for administrative and maintenance work, development and exploitation of material and technical base of Kemerovo State University of Culture and Arts, E-mail: ahr@kemguki.ru

Savkina Svetlana Vladimirovna, teacher at the Chair of Documental Communications Technologies in Kemerovo State University of Culture and Arts, E-mail: nir@kemguki.ru

Tkachenko Andrey Viktorovich, senior teacher of the Institute of Additional Professional Education of Kemerovo State University of Culture and Arts, E-mail: tkachenko@kemguki.ru

Ткаченко Людмила Анатольевна, кандидат искусствоведения, доцент, директор института дополнительного профессионального образования Кемеровского государственного университета культуры и искусств, E-mail: tkachenko@kemguki.ru

Тузенко Елена Викторовна, аспирант Российского Института Истории Искусств, Сектор теории и истории искусства (Санкт-Петербург, Россия), E-mail: nir@kemguki.ru

Шунков Александр Викторович, кандидат филологических наук, доцент, проректор по научной и инновационной деятельности Кемеровского государственного университета культуры и искусств, E-mail: nir@kemguki.ru

Tkachenko Lyudmila Anatolievna, candidate of History of Arts, docent, Director of the Institute of Additional Professional Education of Kemerovo State University of Culture and Arts, E-mail: tkachenko@kemguki.ru

Tuzenko Elena Viktorovna, postgraduate student of Russian Arts History Institute, Sector of Art Theory and History (St. Petersburg, Russia), E-mail: nir@kemguki.ru

Shunkov Aleksandr Victorovich, candidate of Philological Sciences, docent, Vice-rector for Research and Innovation activity of Kemerovo State University of Culture and Arts, E-mail: nir@kemguki.ru

ТРЕБОВАНИЯ К СТАТЬЯМ, ПУБЛИКУЕМЫМ В ЖУРНАЛЕ ТЕОРЕТИЧЕСКИХ И ПРИКЛАДНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ «ВЕСТНИК КЕМГУКИ»

1. Правила оформления статьи:

- объем статей 8–12 страниц формата А 4;
- текст статьи должен быть тщательно вычитан и подписан автором, который несет ответственность за научно-теоретический уровень публикуемого материала; статьи аспирантов и соискателей ученой степени кандидата наук дополнительно подписываются научным руководителем;
 - ссылки на цитируемую литературу приводятся в конце статьи в Примечании в алфавитном порядке, в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5-2008. Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления;
 - статья представляется в бумажном виде и на электронном носителе (по e-mail или на диске) в формате Microsoft Word. Бумажный вариант должен полностью соответствовать электронному. При наборе статьи рекомендуется учитывать следующее: шрифт – Times New Roman, размер кегля – 14 пт, межстрочный интервал – полуторный, форматирование – по ширине; все поля – по 20 мм.

2. Сопроводительные документы к статье:

- аспиранты КемГУКИ при предоставлении статьи должны в обязательном порядке приложить рецензию ведущего преподавателя, кандидата или доктора наук, соответствующего по профилю кафедры, как правило, научного руководителя, или выписку из протокола заседания кафедры.
 - аспиранты сторонних организаций прилагают рецензию доктора или кандидата наук соответствующего профиля.
 - кандидаты наук и докторанты предоставляют рецензии, написанные доктором наук соответствующего профиля.
 - в рецензии обязательно должны быть указаны, кроме фамилии, имени, отчества (полностью), должность, ученая степень, ученое звание эксперта, его служебный адрес и телефон, а также дата написания рецензии. Рецензия должна быть подписана рецензентом и заверена печатью учреждения, где работает рецензент;
 - сведения об авторе(ах) (в бумажном и электронном вариантах): фамилия, имя, отчество (полностью на русском и английском языках), ученая степень, ученое звание, должность, место работы (место учебы или соискательства), контактные телефоны, факс, e-mail, почтовый адрес с индексом;
 - название статьи, аннотация статьи (до 400 символов с пробелами) и ключевые слова (не более 10 слов) на русском и английском языках;
 - указание раздела журнала, в котором должна быть размещена статья (перечень рубрик см. в п. 3);
 - индексы УДК (Универсальная десятичная классификация).

3. Перечень рубрик журнала:

1. Гуманитарное знание.
2. Социально-экономическое знание.
3. Культурология.
4. Педагогика и социально-педагогическая деятельность.
5. Искусство. Искусствоведение.

Статья направляется в редакцию журнала по адресу: 650029, г. Кемерово, ул. Ворошилова, 17, КемГУКИ, отв. секретарю Кагакиной Елене Андреевне; e-mail: nir@kemguki.ru.

Редакционная коллегия правомочна отправлять статьи на дополнительное рецензирование.

Редакционная коллегия оставляет за собой право отклонять статьи, не отвечающие установленным требованиям или тематике журнала.

Подписано к печати 06.04.2011.
Бумага офсетная. Гарнитура «Таймс».
Заказ № 275.
Уч.-изд. л. 12,2. Усл. печ. л. 16,7.
Тираж 500 экз.

Отпечатано в издательстве КемГУКИ:
650029, г. Кемерово,
ул. Ворошилова, 19. Тел. (3842)73-45-83.
E-mail: izdat@kemguki.ru

Signed for print 06.04.2011.
Offset paper. Font «Times».
Order № 275.
Author's sheets 12,2. Printer's sheets 16,7.
Number of copies 500.

Printed at the Publisher of KemUCA:
650029, Kemerovo,
19 Voroshilov Street. Tel. (3842)73-45-83.
E-mail: izdat@kemguki.ru